

**ПРИМ
ГОВ
ДА**

МЕСТА

Дмитрий Пригов

Места

«НЛО»

Пригов Д. А.

Места / Д. А. Пригов — «НЛО»,

Том «Места» продолжает серию публикаций из обширного наследия Д.А. Пригова, начатую томами «Монады», «Москва» и «Монстры». Сюда вошли произведения, в которых на первый план выходит диалектика «своего» и «чужого», локального и универсального, касающаяся различных культурных языков, пространств и форм. Ряд текстов относится к определенным культурным локусам, сложившимся в творчестве Пригова: московское Беляево, Лондон, «Запад», «Восток», пространство сновидений... Большой раздел составляют поэтические и прозаические концептуализации России и русского. В раздел «Территория языка» вошли образцы приговских экспериментов с поэтической формой. «Пушкинские места» представляют работу Пригова с пушкинским мифом, включая, в том числе, фрагменты из его «ремейка» «Евгения Онегина». В книге также наиболее полно представлена драматургия автора (раздел «Пространство сцены»), а завершает ее путевой роман «Только моя Япония». Некоторые тексты воспроизводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

© Пригов Д. А.

© НЛО

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЯ	9
Искусство быть другим	10
АВТОБИО	38
«Я есть...»	42
НА ГЛАЗАХ У ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ	43
Евангельские заклинания	45
Черный ворон	49
Изучения	52
241 платонический диалог 13 эротем и частушки	63
Труднонаписанные стихи	73
Стратификации	76
Иглоукальвание	78
Различное письмо	79
ПРИГОДНЫЕ МЕСТА	83
Из девяностошестикопеечной тетради	85
Болевые точки	102
Весьма нищенские утешения	104
Позитивный сборник умеренной радости	109
Лирико-информационные сообщения	116
Стихи переходного периода	127
Мои нежные милые ласковые стихи	133
Поэзия гуманитарных измерений обыденной жизни	138
Актуальные стихи	141
Разнообразная жизнь в лесу	146
Выходы в зимний двор	148
Поезд снег ночь	150
Расчеты с жизнью	153
Стихи написанные	159
Где я это видел	165
Где я сиживал I	175
Где я сиживал II	183
Интерьеры	194
Всё никак	197
В присутствии	200
Пригодные места	206
Стихи которых и не должно бы быть	209
РУССКОЕ	214
Стихи осени-зимы года жизни 1978	216
Калининская область станция Удомля остров «Дядя Вася»	222
Звенигород	223
С некоторым сомнением	234
Представители красоты в русской истории и культуре	237
Картинки из частной и общественной жизни	238
Искренность на договорных началах, или слезы геральдической души	243
Полная и окончательная победа	248

Искусство принадлежать народу	252
Стихи для души	268
Следующие стихи	276
Добавления	282
Превышение истины на один градус	285
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Дмитрий Александрович Пригов
Места свое / чужое собрание
сочинений в пяти томах

ВМЕСТО ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЯ

Конечно же, без России жить невозможно. Это знает каждый русский, и я тоже на себе это испытал во время недолгого, но поучительного пребывания за рубежом. На своем скромном опыте я испытал судьбу чужака, когда за пределами срока обаятельного дружеского визита начинается обыденная жизнь в чужом тебе окружении, когда бредешь ты по как бы обитым мягкой штофовой тканью очаровательным улицам, смотришь на загорающиеся в раннем зимнем вечернем воздухе приветливые огоньки окон и хочется закричать: лю-у-у-у-дiiiiii! – и нет ответа. Твой крик за пределами их разрешаемости, как будто плачет-страдает таракан какой или муравей хрупкий что-то тщится выкрикнуть. Да кто услышит?

Ясно, что большую роль играет самополагание – кем ты себя мыслишь и полагаешь в этом пространстве и времени, где ты полагаешь дом свой, – от этого зависят твои претензии и ожидания, степень мрачности окружающей ауры и идентификации с ней.

Конечно же, родина – это не березки, не зайчики, не колоски, не белочки, скачущие среди залитых горячим солнцем изумрудных полей, не облака, улетающие на восток к золотому и ласковому Китаю. Это даже не твой дом и не улица, хотя, всякий раз отъезжая от них километров на тридцать, я буквально сейчас же чувствую опять-таки тоску, тоску некую, некую душевную недостаточность.

Что же, что же это такое? Да об этом расскажет вам любой русский. Говорят, что подобное случается и у иностранцев, но, наверное, не такое и не так как-то, попроще как-нибудь, менее интересно и глубоко, что ли. Хотя, конечно, все люди равны и в своих рефлексиях, и в своих переживаниях, независимо от их расовой, национальной, религиозной, трудовой и половой принадлежности. Все равны, но все же у иностранцев это как-то не так происходит.

Вот собака, например, переезжает в другое место – тоже ведь, бывает, далеко, в другие страны, как бы эмигрант. А она все о хозяине плачется, о руке, можно сказать, дающей. Нет, это не по-русски.

Или кошку, например, увозят в другой дом – она тоже по дому тоскует, но тоскует как-то конкретно, здесь и сейчас, а русский человек тоскует наперед, так сразу и навсегда.

То есть он тоскует в месте своего пребывания о месте своего пребывания, но как бы в его чистом, идеальном, недостижимом образе. Тоскует он с точки зрения будущего, вечности, явленной ему как нечто недостаточное в окружении его и не могущее быть ничем восполненным. И переживается это как прирожденное сиротство, актуализирующееся конкретно и даже соматически при пространственных перемещениях. Тяжело, Господи, ох, как тяжело, Господи! Словно пропасть какая, не заваливаемая никакими сладостями и радостями, никакими умилениями временными – в общем, ничем. Ужасом и холодом веет оттуда. Русский – изгой в доме своем. Бежит он от этого мраком дышащего хаоса, бежит и натывается на иностранца, кричит ему, плачется, да тому не понять. Он все о месте да времени, да все тоскует, что от домика своего в Калифорнии удалился на столько-то километров. Иностранец он что? – он существо четырех измерений, держащих его, придающих ему ощущения верности стояния, либо, при перемещении, перемене локуса, говорящих ему о возможном мелком ущербе чувств и ориентировки.

Впереди русского – пропасть, позади – пропасть, по бокам – пропасти! Нету русскому человеку пристанища в этом мире!

И берет русский человек пистолет в руку или какое еще орудие мести самому себе, как существу временному и пространственно униженному, т.е. метафизически беспутному, и уходит на свою родину, вернее – Родину.

Так вот гибнет русский человек за Родину, и нету слаще, как погибнуть за Родину!

1991

Искусство быть другим

Марк Липовецкий

Что бы ни делал Дмитрий Александрович Пригов – сочинял стихи и прозу, кричал кики-морой, пел, участвовал в перформансах, исполнял «мантры русской культуры», писал теоретические статьи и манифесты, – он сохранял сосредоточенность на «поведенческом уровне» авторской реализации. Для него, как известно, текст является лишь составной частью того, что он называл «проектом Д.А.П.» Однако важно понять, что связи между приговской поэтикой и его художественно выстроенным поведением, между письмом и социальным присутствием (или перформансом повседневности) разворачиваются не на уровне тем, идей или мотивов. А на уровне структур и риторических «грамматик», позволяющих сопрягать разные языки культуры.

В одном из разговоров с журналистом Сергеем Шаповалом Пригов говорил:

У меня было несколько кругов, но лишь с одним я себя идентифицировал полностью по причине совпадения эстетических и жизненных позиций. В других кругах были совпадения жизненных позиций, но эстетические могли быть несовместимы... Я считал тогда, да и сейчас, пожалуй, придерживаюсь того же мнения, что нельзя быть погруженным только в один круг общения – это рискованно. Человек не должен прочно брать что-то двумя руками, потому что может найтись что-то новое, а у него руки заняты. [...] Это есть проекция моей эстетической стратегии, которая основана на стремлении не влипнуть ни в какой текст. В жизни она проводилась во взаимоотношениях с разными кругами. Скажем, нашему кругу водиться с Ахмадулиной было зазорно, а мне нет. И потом, у модели моего поведения была существенная черта: ко мне домой практически никто не ходил, всех навещал я. Я приходил и уходил. Мою роль можно назвать ролью соглядатая.

Запомним этот парадокс: способность переходить со своего языка на языки другого (уважая границы этой «дружости») служит, тем не менее, способом воплощения собственной независимости – стратегии «невлипания», культивации дистанции как коммуникативного (и общепhilosophического) принципа. В этом смысле Пригов прямо следует за Ю.М. Лотманом, который писал в «Структуре художественного текста» (интеллектуальном бестселлере начала 1970-х, с которым Пригов был, несомненно, знаком): «Создавая человеку условную возможность говорить с собой на разных языках, по-разному кодируя свое собственное “я”, искусство помогает человеку решить одну из важнейших психологических задач – определение своей собственной сущности». С этой точки зрения Пригов был одним из самых ярко выраженных структуралистов. Причем не только в 1970-х; в 1990-х или 2000-х такого «структурализма» в его текстах становится не меньше, а даже значительно больше, чем раньше. Во всяком случае, он становится осознаннее.

Обратим при этом внимание, что для Пригова не текст закрепляет коммуникативные практики автора, а вовсе наоборот – практики социальной коммуникации вырастают из экспериментов с сочетанием различных культурных языков. Пригов подчеркивает:

Мне очень помогла работа с разными литературными языками и дискурсами. Она, по счастью, совпала с развитием моей внутренней психологической структуры. Я преодолел внешние проявления застенчивости, легко стал находить общий язык с разными людьми. Я никогда не форсировал тех тем, которые в данном пространстве неразрешимы, не лез со своими

претензиями и доказательствами, что все присутствующие – идиоты и суки. Мне интересны люди, их поведение, структура мышления. Я легко впадаю в разговор, не пропадая в нем, в нужный момент я могу перейти на другой язык. Мне интересен этот процесс.

Для Пригова вообще принципиально существование не в одном, а по крайней мере в двух языках – по Лотману, это механизм организации художественного текста, – однако Пригов придает ему значение общефилософской стратегии. В приведенной цитате речь идет о поведенческом (перформативном) воплощении того принципа, который объединяет тексты, собранные в этом томе, – а именно специально культивируемой Приговым эстетики выходов за пределы «своего круга» и своего языка, его почти одержимого стремления осваивать, а часто и изобретать языки другого, превращая их в пространства «дружости» и формируя на этой зыбкой почве некую метафизику языковых реальностей.

Разумеется, этот принцип применим ко всему творчеству Пригова, однако в этом томе читатель найдет, может быть, наиболее очевидные его воплощения. Здесь категории «всеобщего» и универсального методически подвергается сомнению (разделы «На глазах у всей вселенной» и «Пригодные места»). Попытки описать «свое» («Русское» и «Беляево») выявляют сосуществование множества языков. А попытки освоить «другое» и экзотическое постепенно становятся неотличимы от автопортретов («Лондонское», «Западное», «Восточное», «Параллельные пространства», повесть «Только моя Япония»). Казалось бы, сугубо формальные игры с языком («Территория языка», «Азбуки») в этом контексте приобретают роль «математики», порождающей многочисленные «формулы» структурных композиций и метаморфоз «своего» и «другого». Аналогичные метаописания диалектики «своего» и «другого» разворачиваются в текстах Пригова, объединенных обращением к Пушкину, а также в его пьесах (раздел «Пространство сцены»).

ОБЩИЕ МЕСТА

Пригов любит писать на «вечные темы». Но только для того, чтобы «не выдержать» тон, сбиться на что-то неподходящее, если не откровенно смешное. Скажем, в ранних стихах под названием «Евангельские заклинания» (1975) смешного ничего нет, но смещена модальность – и повторение фраз, «описывающих» Голгофу, превращается в заклинание, то есть наделяется перформативным смыслом:

Отец мой прошу убери или мимо пронеси эту чашу
Прошу убери или мимо пронеси эту чашу
Убери или мимо пронеси эту чашу
Мимо пронеси эту чашу
Пронеси эту чашу
Эту чашу
Чашу

Каноническая сцена постепенно превращается в словесно выраженное радение, должностное воплотить «вечный» сакральный смысл, но вместо этого переносящий сакральность на сам процесс чтения-исполнения:

Ангел на кры-ы-ы-лах
Мария на сту-у-у-ле
Ангел в две-ее-ри

Мария в смяте-ее-нье

Ангел с ве-ее-стью
Мария с чре-ее-вом
Ангел для не-ее-ба
Мария для на-аа-с

Зачем нужен этот сбой? Чтобы «присвоить» набор универсальных символов сакрального? Да, наверное. Но то же самое можно сказать и о «Реквиеме» Ахматовой, и о стихах из романа Пастернака. В отличие от этих классиков модернизма Пригов преследует более радикальную цель: разрушить вечность, превратив ее в символы в источник игры – пока что вполне почтительной, но лиха беда начало.

Больше чем через двадцать лет, в цикле «Всеобщее (интернациональное)» (1997) Пригов напишет: «Интернационального как такового, в чистоте, не может быть. Но может быть желание, стремление абсорбировать некий экстракт некой культуры и предложить его к потреблению как всеобщего и ничейного по причине ожидаемой и предполагаемой его совместимости с чем угодно иным». Вслед за этой декларацией следует абсурдистский текст-кричалка.

Очень трудно быть красивым
На глазах у всей вселенной
В этом случае быть красивым
Значит быть той всей вселенной
Да, но и не быть красивым
Значит тоже быть вселенной
Это значит быть красивым
В стороне от всей вселенной

Иначе говоря, всеобщность, она же универсальность, она же вечность, – оказывается эквивалентна ничейному, давно стершемуся смыслу. Именно поэтому «вечное» совместимо с «чем угодно иным». Именно поэтому «быть той всей вселенной» не значит практически ничего конкретного.

Уже в более раннем цикле «Изучение темы народа» (1976) Пригов вплотную приближается к этой интерпретации, разрабатывая такую монументальную категорию советского языка, как «народ». Современный читатель может не помнить, что в 1970-х годах эта категория принадлежала не только советскому дискурсу. О страданиях народа писал Солженицын, на народ возлагали надежды деревенщики и даже некоторые диссиденты. Таким образом, «народ» (то в марксистской, то в либеральной, то в националистической интерпретации) рисовался как «представитель вечности» в социальном мире.

Пригов не оставляет от этой иллюзии камня на камне, рисуя народ – так же как и «вечность» – как нечто неопределимое и, по существу, бессмысленное:

Народ он делится на не народ
И на народ в буквальном смысле
Кто не народ – не то чтобы урод
Но он ублюдок в высшем смысле

А кто народ – не то чтобы народ
Но он народа выраженье
Что не укажешь точно – вот народ

Но скажешь точно: есть народ. И точка

И далее:

Мы на народной ниве таем
А сам народ? – чья нива съя
Ему всегда так не хватает
Объективации себя

И потому ему всегда
Враги нужны для этой цели
Так будем ж нужной панацеей
А против общего врага
И мы народом встанем целым

Как видим, неопределимость и бессмысленность «вечной» категории народа компенсируется изобретением фигуры врага – фигуры «другого», вокруг которой и кристаллизуется миф о народе. Ход этот становится особенно важен в силу того обстоятельства, что начиная примерно с 1974 года Пригов вступает в, условно говоря, соц-артистский период, отмеченный созданием стихов, написанных «с точки зрения народа». Или же: с точки зрения отсутствия – языка, позиции, места, – привязанной только к фигуре «другого»: иностранца, идеологического врага, преступника. Вот почему центральной фигурой приговского соц-арта становится Милицанер, само существование которого определяется наличием врагов. А любимый враг – разумеется, «американский президент»:

Что же нас Рейган так мучит
Жить не дает нам и спать
Сгинь же ты, пидер вонючий
И мериканская блядь

Вот он в коросте и в кале
В гное, в крови и парше
Что же иного-то же
Вы от него ожидали

(Трудно удержаться от замечания о том, насколько эти модели оказались живучи: разве что Милицанер заменился в XXI веке на эфэсбэшника, а Рейган – на Обаму, украсившись расистскими подвываниями.)

Разматывая этот способ «народного самоопределения», а точнее, изучая механизм «вечности», Пригов пишет стихи, которые иначе как чудовищными не назовешь. К примеру:

Они так верно нам служили
Китайцы желтокожие
И несмотря мы с ними дружили
На то что желтокожие

Теперь они все Мао служат
Китайцы желтокожие
И с нами яростно не дружат

Видать что желтокожие

Не будут снова нам служить
Китайцы желтокожие
И будем снова с ними дружить
Пускай что желтокожие

Само собой, «народная точка зрения», оборачивающаяся в этих стихах самым искренним расизмом в сочетании с имперским высокомерием по отношению к «предательской» колонии, не совпадает с точкой зрения автора – что маркировано по меньшей мере языковыми сбоями и неправильностями. Пригов в том же цикле «Из девяностошестикопеечной тетради» (1976) спокойно доводит логику ксенофобии до конца – им, естественно, становится каннибализм:

О, мясо сладкое сограждан дорогих
Оно вкусней германцев недешевых
И мериканцев двутридорогих
И негритянцев уж для всех дешевых
Такая наша строгая страна
Себя вкусила памятно она
Как и не снилось ни одной стране
И не проснулась – значит не во сне

Вместе с тем конструирование врага понимается приговским субъектом как символическое занятие, снимающее противопоставление социума и природы и вписывающее «нас» – в ту же самую, тотально обесмысливающую вечность:

Когда твой враг к тебе приходит
Так и скажи ему: Мой враг
И вы почувствуете вдруг
Такую ясность в обиходе

Твой враг – он птица вороняя
А ты – ты тоже, тоже птица
Под вами древняя столица
Вы бьетесь в небе – не на земле же

«ИЗУЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ СЕБЯ»

Привычно читать тексты Пригова 1970—1980-х годов как насмешливую деконструкцию советского идеологического языка, тоже, кстати говоря, вещавшего «с точки зрения народа». Однако стоит задаться вопросом: детально разработанная Приговым логика пустоты и отсутствия, действительно ли она только советская? Или, может быть, – русская? Ведь камлает же Пригов (в духе прокурора из «Братьев Карамазовых») о русском человеке, который

«тоскует в месте своего пребывания о месте своего пребывания, но как бы в его чистом, идеальном, недостижимом образе. Тоскует он с точки зрения будущего, вечности, явленной ему как нечто недостаточное в окружении его и не могущее быть ничем восполненным. И переживается это как

прирожденное сиротство, актуализирующееся конкретно и даже соматически при пространственных перемещениях. ...Русский – изгой в доме своем. ... Впереди русского – пропасть, позади – пропасть, по бокам – пропасти! Нету русскому человеку пристанища в этом мире! И берет русский человек пистолет в руку, или какое еще орудие мести самому себе, как существу временному и пространственно униженному, т.е. метафизически беспутному, и уходит на свою родину, вернее – Родину. Так вот гибнет русский человек за Родину, и нету слаще, как погибнуть за Родину!»

Нельзя не отметить дату текста «Что русскому здорово, то ему и смерть», из которого взята эта пространная цитата, – 1991 год. К этому времени Пригов, как и другие нонконформисты, выходит из андеграунда и начинает со все возрастающей интенсивностью путешествовать по белу свету. Не потому ли уже в 1995 году он пишет текст «Стратификации» (из него впоследствии вырастет целая книга «Уравнения и установления», 2001), в котором черты разных народов будут обсуждаться как «национальные особенности» пустоты. Выходит, то, что воспринималось как советское или русское, оказывается вполне универсальной (т.е. бессмысленной) характеристикой:

«Датчане смеются как люди, и если их принять за 1, то англичан можно обозначить как 0,9, французов – как 0,8, швейцарцев немецкоговорящих – как 0,6, немцев – как 0,2, итальянцев же опять как 0,85, русские могут понять на 0,5, а китайцы уже 1,2, демоны их –8, демоны остальные – 5, вампиры, оборотни, сосуны и вонючки – 2. Про ангелов не говорится. Святые, наверное, где-то на абсолютном нуле, но в иной классификации».

А в 1997-м Пригов уже создает квазимистические заклинания, выражающие «дух народа», и объясняет это так:

«После появления первого опуса “Китайское” подумалось, если на представляемой линии расплывающихся и сливающихся точек, перебирая все возможные национальные типы (уподобленные, в нашем случае, точкам) в их восклицательно-динамическом объявлении, выявляющем некие глубинные магическо-мантрически-заклинательные способы овладения миром и человеком, так вот, если мы прибавим несколько, 2—3, этих как бы точек, то мы уже зададим направление, модусы, необходимые и достаточные для различения степени разнообразия, так что любой перебор иных (просто даже бесчисленных) будет простым, хотя и честным, заполнением некой как бы уже очерченной и предпосланной таблицы как бы Менделеева» («Предупреждение к циклу “Русское”», 1997).

«Изучение признаков себя» оказывается симметричным «изучению признаков народа», потому что «я», стоящий на «народной точке зрения», обнаруживает точно такой же набор взаимоотрицающих признаков: «Вот ты одет. Все хорошо. Но голый / Так любопытно-нежно смотришь на себя / Почти что с дрожью иного пола/ Полженщиною смотришь на себя». Отсюда подобие безличного «я» и неопределенного «мы» – их объединяет равенство на почве безъязычия:

Но я вам говорю: скупой словарь
Приличествует смертному народу
И всяку предстоятелю народну
Приличествует выжженный словарь

Пригов идет еще дальше:

«Человек воспитывается и проводится через ряд экспериментов и процедур так, что в результате он оказывается проекцией и даже реальной презентацией, и больше – воплощением планеты с ее членениями на страны, нации и государства, вплоть до таких мелких деталей, как отдельные дома. Так что внедрение простой иглы в точку за ухом может привести к гибели Франции, скажем, а то и целого Уральского региона и т.п. Продолжение проекта может привести к воспитанию человека, равномогущего Вселенной, и способности через него внедряться в нее и управлять ею»
(«Иглоукальвание», 1997)

Источник этого мотива обнаруживается гораздо раньше – в начале 1980-х. Например, в таком тексте:

Только поутру проснусь
Как у правого колена
Рим, Сорбонна и Равенна
А у левого – союз
Ну, конечно, не советский
Да и не антисоветский
Да и вовсе не союз
А скорей из прочих стран
Прогрессивных или божьих
Там Лаос или Камбоджа
Там Ирак или Иран
А подошвы щекотая
Кто-то там из стран восточных
Что-то вроде там Китая
Шевелится, а вот ночью
Уж и вовсе шевелится
Страшно даже и сказать
Вавилонцы, ассирийцы
Что там? кто там? – твою мать!
Тьму густую поднимают
И куда-то там идут
То как будто пропадают
Что-то под полом грызут
Шепот, ропот, писк сплошной

(«Большое антропоморфное описание в 109 строк», 1982)

Еще более комедийно воплощается советская или русская «равномогущность Вселенной» в известном стихотворении из цикла «Искусство принадлежать народу» (1983):

Я выпью бразильского кофе
Голландскую курицу съем
И вымоюсь польским шампунем
И стану интернационал

И выйду на улицы Праги

И в Тихий влечу океан
И братия станут все люди
И Господи-Боже, прости

Судя по этим описаниям, «я» равное «народу» поглощает все, что претендует на роль «другого». Не только мое тело, но и «мой» язык в итоге состоят из множества заимствований, по сути дела, являясь макароническим текстом:

Любовь (пишу я по-французски)
Обладает (пишу я опять по-французски)
Свойствами (пишу я на латыни)
И завершаю почему-то по-русски: Блядства

(«Различное письмо», 1997)

Дискредитация «вечности» и таких ее социальных эквивалентов, как «народ» и «нация», приводит Пригова к новой языковой концепции, которую он разрабатывает начиная с середины 1990-х годов, хотя ее истоки и обнаруживаются значительно раньше. Эта концепция выворачивает наизнанку изобретенную Достоевским на примере Пушкина «всемирную отзывчивость» русской души. У Достоевского «всемирная отзывчивость» свидетельствует о мессианской роли русского народа и представляет модель имперского превосходства, основанного на всепонимании, всепроникновении и всепоглощении «другого».

У Пригова как раз наоборот: во-первых, он в себе самом обнаруживает уже готовые черты, которые можно при желании определить как «другие», поэтому домом для его поэтического субъекта может оказаться и московский район Беляево, и Лондон, и Германия, а чужбиной – Россия. Во-вторых, ничего иного – т.е. своего – он в себе не находит; все «свое» оказывается либо всеобщим (т.е. банально-бессмысленным), либо «чужим» (т.е. цитатно-апропрированным). В стихах об этом, конечно, сказано лучше:

Заражен бациллой модернизма
Чтоб разрушить – я вокруг гляжу
От христьянства до социализма
Чтоб разрушить, все внутри ношу

А пока ношу – то забываю
Что разрушить собственно хотел
Уж не разделяю наших тел —
Все свое люблю и обожаю

В-третьих (хотя этот тезис может показаться противоречащим первым двум предыдущим), он неизменно демонстрирует сконструированный характер тех или иных образов «другого». Таким образом, именно конструкция «другого», то, как воображается «другое», и является единственным, более-менее осязаемым воплощением «своего» – именно эти конструкции Пригов исследует на протяжении всего своего творчества. Таким образом, в Пригове мы находим поразительно последовательного разрушителя эссенциалистских представлений об «этносах», «нациях», замкнутых «цивилизациях». Причем, конечно, он добивается этого эффекта, как всегда, предельно утрируя и доводя до саморазоблачительного абсурда именно те идеи, которые вызывают у него максимальное неприятие.

В этом смысле приговская модель «всемирной отзывчивости» не только предполагает конфронтацию с Пушкиным (см. ниже о «Пушкинских местах»), но и полемически гипертро-

фирует именно те аспекты русской культуры, которые питают национализм и позволяют выдавать имперские комплексы за доказательства духовного превосходства России над всем миром.

«Я ДВУГЛАВЫМ ОРЛОМ ОБЕРНУСЯ»

Пригов настойчиво не противопоставляет Россию западной культуре, многократно подчеркивая, что Россия является «только и исключительно Востоком Запада» («Тысячелетье на дворе»), что, впрочем, не исключает специфики русской культурной динамики. Попробуем суммировать взгляды Пригова на эту динамику – в том виде, в котором они были сформулированы в 1990-х и в 2000-х.

По его мнению, постоянной стратегией российских элит является «сознательная архаизация культуры и выстраивание ее по некоему подобию просвещенческо-аристократической модели старого образца». Для российской культуры поэтому характерны литературоцентризм и магическая, сакральная роль писателя, особенно поэта. Отсюда и особые функции интеллигенции, и совмещение в писателе «функций учителя, пророка, судьи, и более мелких – философа, публициста, просветителя». Эти функции, конечно, характерны для того, что Пригов называет Просвещенческим проектом, который в Европе, по его мнению, был окончательно дискредитирован итогами Второй мировой войны, – здесь можно увидеть отголосок идей, высказанных в книге Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно «Диалектика Просвещения» (1944). «Однако же в Советском Союзе, – пишет Пригов, – эти итоги были, наоборот восприняты как торжество Возрожденческого проекта» («Завершение четырех проектов»), который при этом наложился на законсервированную Просвещенческую модель.

Отсюда в стихах Пригова постоянное изображение России как пространства, в котором современность и архаика мирно сосуществуют, порождая, впрочем, вполне сюрреалистические эффекты:

Я помню осенью начальной
Едва замеченный приход
Когда на речке пароход
Вдруг вскинулся, ему печально
Подняв единственный свой рог
В лесу живой единорог
Ответствовал

(«Моя Россия», 1990)

При этом России, как считал Пригов, свойственно чередование периодов изоляции и «догоняющей модернизации» («Тысячелетье на дворе»). В периоды «догоняющей модернизации» целый ряд пропущенных в годы изоляции исторических инноваций являются сразу – в готовом виде, как «нечто целое с доминирующими интеграционными признаками». Такой способ освоения инноваций вызывает в русской культуре стабильный «прото-постмодернистский эффект»:

...ничего из возникавшего в социокультурной перспективе не уходило в историческую перспективу и длилось в своей неизменной актуальности. То есть когда одинаково горючей слезой оплакивали и кончину, к примеру, только что отошедшей матери, и смерть безвременно ушедшего полтора века назад А.С. Пушкина. Именно постоянное передвижение, мелькание, мерцание между этими многочисленными вечно актуальными культурно-историческими пластами и породили специфику русского культурного

сознания... Эдакое наше прото-постмодернистское сознание («Третье переписывание мира»).

Или же о перестроечном периоде:

диахронный... процесс изменений в мировой культуре у нас объявился периодом синхронного, параллельного освоения, обживания и пластифицирования к местным условиям всех направлений и стилей. То, что на Западе заняло 100 лет, в СССР прошло за 10 («Как вас теперь называть»).

В то же время так называемая «русская идея», в сущности, тождественна, во-первых, новой версии изоляционизма, а во-вторых, строится на отождествлении модернизации с очередным апокалипсисом. Национализм и мессианство, таким образом, вспухают как попытки оградиться от драматичных глобальных процессов.

Несть эллина и иудея
И там еще кого-то несть
А русский – он всегда ведь есть
Поскольку русская идея
Жива и всякий раз в горсти
Себе вот русского растит
Неизбывного

Пригов поддерживает мысль о том, что Россия выпала из «западного культурного времени и процесса» после Второй мировой войны, когда «тип социокультурного мышления и идеалов на Западе приобрели резко персоналистический крен – возникли утопия и проект свободной от социума личности, а в России по-прежнему господствовала утопия больших объединяющих просвещенческих идей». С этого момента, по его убеждению, «мир живет в историческом времени. Россия же – в природном, которое предполагает не последовательное развитие событий, а цикличное...». Однако Пригов комедийно демонстрирует в таких циклах, как «Песни советских деревень» (1991), «Квазибарачная поэзия» (1993), «Светлой памяти крестьянских поэтов» (1998), что ни «русская архаика», ни «русский путь» не предполагают никакой «онтологической» реальности, а являются чисто языковыми, дискурсивно-стилистическими конструктами. Пригов, разумеется, не был бы Приговым, если бы не написал – в качестве гротескной иллюстрации – и цикл «Русский народ» (2003), обнаруживающий следы продавливания русского в природу – русские «отпечатки на природном, досоциальном, докультурном».

Отвечая на вопрос Сергея Шаповала о позитивном будущем для России, Пригов отвечает:

«Нужно, чтобы как можно быстрее Россия регионализировалась, распалась на мелкие кусочки, которые бы жили своими частными интересами...».

О том же он пишет в цикле «Умный федерализм» (1999):

На конференции какой-нибудь собраться
Потолковать, а после вспомнить: – Братцы!
А помните, как жили мы одной
Великою огромною семьей
Совсем недавно!
А что бы нам опять объединиться —

По-старомодному вдруг оживятся лица
Вот это здорово! И не разлей водой! —
Но тут заметит скептик молодой
Из Второй Средне-Российской Республики:
И что ж? – по питерским законам жить
Где и бумажки на асфальт не уронить?
Иль по-московски? – сибиряк заметит —
Наркотики вот разрешим и эти
Всякие! —
И долгое молчание повиснет —
Так, значит, по инвестициям и таможенным льготам
Завтра
С утра
Секция —
И разойдутся
[...]

Сижу в пивной за кружкой пива
И вижу пред собою воочью
Тринадцать умных и красивых
Не грандиозных и не очень
Навязчивых
Амбициозных не очень
Россий
Они плывут перед глазами
Уходят, тают – но за нами
Будущее! —
Шепчут
Исчезая

В сущности, перед нами приговская утопия (сопоставимая с его утопией новой антропологии). Именно в таком сценарии он видит возможность разрешения тупиков русского культурно-политического самосознания:

...как мне представляется, можно только в пределах новых территориально-государственных образований (с резко ослабленной огромно-государственной составляющей) запустить процесс воспитания нового человека со сложно-структурированной системой сбалансированных самоидентификаций: семейной, местной, религиозной, профессиональной, групповой, культурной, национальной, государственной. ... Не так-то просто в этой сбалансированной системе создать образ врага, например, в отличие от перенапряженной ситуации единственной и пафосной самоидентификации по одному доминирующему признаку – государственному ли, религиозному, политическому.

Именно преодоление культурных конвенций, связанных с великой Россией (т.е. империей), по мысли Пригова, служит условием возвращения в историю.

Именно в духе «умного федерализма» Пригов создает полуфарсовый культ Беляево, московского спального района (как утверждает энтузиаст Беляево и Пригова Куба Снопек, первого спального района в Европе), где он жил с 1965 года и до конца жизни. Себя Пригов вооб-

ражал «герцогом Беляевско-Богородским со всеми вытекающими из этого политическими и социальными последствиями, с признанием полного и неделимого суверенитета нашей славной земли Беляево». Отношения с Москвой как особой галактикой составляют отдельную тему приговского творчества – ей посвящен том «Москва».

ПУТЕШЕСТВИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

При том что Пригов действительно много путешествовал, а в Лондоне и в Германии вообще жил месяцами, его тексты, за исключением повести «Только моя Япония», нарочито поверхностно обращаются к местному, т.е. «чужому» или «другому» культурному опыту. Читая его стихи, собранные в разделах «Лондонское», «Западное», «Восточное», вспоминая такие циклы, как «Вид русской могилы из Германии» или «Невеста Гитлера» (вошли в том «Монстры»), можно выделить два значения иностранного контекста в его творчестве.

Первое значение лучше всего выражается словами из предуведомления к сборнику «Двадцать стихотворений японских в стиле Некрасова Всеволода Николаевича» (1984): «А почему японские? – да потому, что все нечто эдакое такое у нас представляется ежели не китайским – так японским». То есть японское, китайское, германское или американское предстают как символы неких областей русской культуры, а вернее, русского воображаемого. Так, допустим, германские мотивы у Пригова, как правило, воплощают яростную мистику, исступленную метафизику. А японские должны передать некую утонченную телесность:

Подумалось про себя —
А не японец ли я!
И почувствовал сухость в потрескивающих суставах
И шуршание обтягивающей кожи

Однако Пригов постоянно отдает себе отчет в том, что, например, «восточное нечто» – это некий набор культурных конвенций, свойственных русской культурной традиции: «Обаяние некоего восточного нечто, некой версии “восточности” в нашей культуре и литературе постоянно заставляет возвращаться к себе и порождать новые, соответственно новым обстоятельствам и реалиям, варианты этой восточности (не будем же мы себя обманывать, что являем нечто даже приближенное, что можно назвать “приблизительно-натуральным восточным”, тем более что и непонятно, что мы вкладываем в понятие “восточное” – так, нечто – дымка, минутное промелькивание каких-то интонаций и забавно принятых норм, правил и даже якобы жанровых четкостей явления этого “восточного”). Ну, да ладно» («Древневосточная легкость бытия», 1993). Сочиняя «американские», «немецкие» или восточные стихи, Пригов таким образом обнажает именно те концепции, те «грамматики» русского воображаемого, которые ассоциируются с этими тропами. Например, так, как он это делает в цикле «Наблюдательный японец»:

...захотелось произвести некий, как бы это поточнее выразиться, умозрительно-литературный эксперимент – провести неведомого нам японца через реалии и обстоятельства известного нам мира и проследить его оригинальные реакции, отмечая про себя, где они совпадут с нашими, а где категорически рознятся. Нужно, конечно, принять во внимание, что японец этот весьма условен, так как понять и постичь натурального японца со всей суммой его оригинальных проявлений нам просто и не под силу. Соответственно, у нас некая версия японца. А, если быть точнее, просто я, притворившийся японцем на то короткое время, пока никто не сообразил и

вослед мне не притворился тоже. Так что как бы некоторый вроде бы японец являет некие якобы японские проявления при встрече с подставленными ему мной, но еще в качестве себя бывшим русским, всем нам известные обстоятельства. В общем, как говорил недавний классик, непонятно, о чем и речь идет. Вот, вот, именно об этом речь и идет.

Как видим, итог – тот же, что и с вечностью: мнимость «другого», изобретенного изнутри «нашего» и «своего». Как говорится в цикле «Мотылек Саади»:

А я посередке делю пустоту
На нежную эту, на страшную ту

Отсюда – второе значение поэтических травелогов Пригова: «... на Западе я существую как бы в стеклянном шаре, происходящее меня не касается», – говорит он Шаповалу. Из этого состояния Пригов извлекает эффект, который он сам в стихах одного из «Лондонских циклов» определяет как «честная поэзия», понимая под честностью стиха его «способность не притворяться ничем иным, кроме стиха». Аналогичным образом «Американские стихи» лишены любой «симптоматики», ассоциируемой с Америкой в российском массовом сознании. Что же тогда остается? Остается поэзия. Полупародийное письмо в духе современного американского верлибра:

«все это нерифмуемо и прибавляемо одно к другому прихотливым течением, слабообремененным формалистикой поэтических ассоциаций и интонаций. Интонация, впрочем, элегического, немного нервного и иронического интеллектуального персонажа нам весьма знакома по жестам и позе российских поэтических обитателей».

Это состояние – как, впрочем, и противоположное ему «путешествие» по миру банальных российских представлений о мире – больше всего напоминает пространство сновидения. Вот почему приговские поэтические травелогии так созвучны его описаниям сновидений, включенным в раздел «Параллельные пространства». Вот почему в сюрреалистической новелле «Боковой Гитлер» в артистическую студию Гитлер и его вожди врываются не столько из истории, сколько из советского коллективного воображаемого. К травелогам вполне относится и та интеллектуальная процедура, аллегорией которой становится эта новелла:

«Пройти боковым Гитлером – способность [...] проходить касательным или капиллярным способом там и туда, где и куда самой основной сущности, благодаря ее мощи, практически путь заказан (термин конца 80-х годов)».

Путешествие – это, в приговской логике, тоже попытка проникнуть «касательным или капиллярным способом» в чужой язык, в другую жизнь, в иную культурную вселенную. Попытка, впрочем, чаще всего проваливающаяся.

Вот так вот вторгнешься в чужую жизнь. Вроде бы все похоже. Все как у людей. Ан нет. Не все. Приглядишься и обнаружишь многое человекоподобное. Конечно, если за отчет антропологического принимать тебя самого и твои способы апроприации действительности. Вот, вот! На этой границе и происходит самое интересное и впечатляющее, правда, порою столь тонкое, неприметное, почти исчезающее из поля внимания, что ухватить его можно только пристальным заинтересованным взглядом, что, по сути, уже и есть приятие его как своего. Во всяком случае, причастным к своему,—

воскликает Пригов в предуведомлении к циклу «Американская обыденность» (2004). Воспитанное русской и особенно советской культурной инерцией отождествление «я» и

«народа» (о чем у нас шла речь выше) не оставляет возможностей выхода за пределы «своего», понимаемого как универсальное («отсчет антропологического»), тем самым обрекая субъекта на самодовольство и культурную изоляцию.

Но все-таки возможно формирование некоторого пограничья – «столь тонкого, неприметного, почти исчезающего из поля внимания», – где замкнутость на себе и своем дает сбои. Пограничье и возникает за счет «капиллярного» проникновения. Именно об этом приговская «Только моя Япония».

Ученый-японист и литературный критик Александр Чанцев отмечал, подобно тому как ранний Сорокин

деконструировал советский миф, так Пригов [в этой книге] деконструирует японский миф русской литературы, расправляется со сложившимися на протяжении двух веков (от И. Гончарова – через Б. Пильняка – до В. Овчинникова) канонем восторженно-идеализированного описания Японии... Такой жест деконструкции ценен не только сам по себе, но и тем, что был действительно первым среди отечественных произведений о Японии¹.

Чанцев добавляет:

«Избавление от ненужного априорного пиетета перед японской культурой у Пригова сродни своеобразной *расчистке* места или, точнее, “выключению” хора восторженных голосов. Недаром одной из главных тем в книге становится тишина – то есть потенциальная возможность новых голосов²».

Правда, по наблюдению критика, эффект от этой расчистки в постсоветской культуре оказался скорее негативным – приговская деконструкция русских представлений о Японии не привела к большему пониманию японских представлений о своей культуре и стране, а лишь заменила восторженные описания на негативно-циничные (последнего у Пригова нет и в помине).

Это наблюдение подтверждает печальный тезис Пригова о российской обреченности на изоляцию: стоит русскому культурному сознанию освободиться от одного комплекса стереотипных представлений об иностранном (укорененных, разумеется, в русской культуре), как тут же возникает зеркальное подобие этого чучела, только перевернутое, но все так же отражающее собственные российские, фантазмы. (Вполне согласуется с этим диагнозом история трансформаций российских представлений об Америке: от восторженно-идеализированных – по контрасту с советской демонизацией, – господствовавших в 1980—1990-х, и до нового набора стереотипов – на этот раз сугубо негативных и потому рифмующихся с советчиной, – утвердившихся в 2000—2010-х.)

Однако сам Пригов осваивает именно пограничье и разрушает набор русских стереотипов о Японии для того, чтобы в установившейся тишине услышать японские представления о себе. Получается ли это у него?

«Только мою Японию» Пригов пишет с явной оглядкой на свою первую книгу прозы – «Живите в Москве!» (отсюда отсылки к «нашим пацанам», проходящие через весь текст). Если в «Москве» Пригов изображал свое пространство и свой поколенческий опыт, немедленно возгораемый до фантазма, то в «Японии» он осваивает мир, максимально удаленный от его культурного опыта. С удовольствием фиксируя эту непреодолимую дистанцию, Пригов и тут

¹ Чанцев А. Из Японии – в молчание (о книге Д.А. Пригова "Только моя Япония")// Неканонический классик: Д.А. Пригов 1940-2007), под ред. Е. Добренко, И. Кукулина, М. Липовецкого, М. Майопфис, М.:НЛО, 2010, с. 615.

² Там же. С. 616.

то и дело доводит ее до фантазма – впрочем, в этом случае часто не замечаемого русским читателем (как, например, в истории про громадный общественный туалет в основании горы Фудзи: если бы не предупреждение А. Чанцева, я бы «проглотил» эту приговскую наживку). Однако «капиллярное проникновение» все-таки происходит – конечно, если верить Пригову (а как ему верить?):

«Да и сам я, видимо, оказался настолько подвержен стремительности всего вокруг меня происходящего, что мои хоккайдовский и токийские знакомые стали замечать за мной, и без всякого удивления, что я вдруг напоминаю им всем вместе и по отдельности каких-то их приятелей и друзей-японцев. В другое время и в другую эпоху я принял бы все это за дурные предзнаменования или за чудо, если бы сам не знал и в предельной ясности не осознавал столь высокий и ни с чем несообразный темп перемен во всем нынешнем мире».

«Капиллярное проникновение» происходит как бы помимо воли внимательного автора – связь с японскими языками культуры Пригов устанавливает через интуицию пустоты, которая, как обсуждалось выше, возникает в результате деконструкции категорий «универсального» и «вечного».

Вот несколько почти наугад взятых описаний. Описание японских похорон:

Участники подробно перемалывают родные кости, не находя там ничего, не обнаруживая столь справедливо ожидаемой смерти. Не обнаруживая там и человека. Только пустоту. Но немногим удается просто за пустотой отсутствия ожидаемого ощутить мощную и величественную пустоту, все собой склеивающую и объединяющую. А может, как раз и наоборот – все они, подготовленные и утонченно изоциренные неувыдающей восточной медитативной традицией, как раз сполна и ощущают ее, переговариваясь с нею языком магического перестукивания. Может, именно поэтому они легки и веселы во время похоронной процедуры, повергающей нас в непросветленное отчаяние и безумные иллюзии недостоверных ожиданий.

Или – описание веселой пирушки с буддистским мастером:

Мы, медленно потягивая, выпивали. Тогда и я вдруг пропал, то есть обнаруживал на том месте, где я должен был бы присутствовать, пустоту. Я оглядывался в поисках себя, но обнаружить не мог. Потом переставал и оглядываться, так как терял себя полностью.

Пригов, конечно, не упускает возможности снизить «метафизику пустоты», включая в текст травелога текст своего стихотворения о пустоте:

Ты молчишь, потому что ты – пустота
или потому что тебе нечего сказать про пустоту?
– На это отвечают говорящим молчанием
Всё в пустоте ради пустоты или что-то в ней
превышает ее?
– На этот вопрос отвечают отсутствием
Пустота являет ли только пустоту, или через пустоту
является все,
и все, являющееся через пустоту являет ли пустоту
или ее преизбыточность?
– На этот вопрос следует отвечать пустотой

Однако в контексте книги о «другом» пустота все-таки не столько символизирует буддистскую метафизику, сколько передает сюрреальное откровение, пронизывающее «Только мою Японию». Сравнивая японские культурные конвенции (при этом не понимая языка и достраивая многое по догадке) с русскими, а вернее – европейскими, Пригов убеждается в том, что и то, и другое – оболочки, за которыми мерцает отсутствие какой-либо устойчивой не только национальной, но и антропологической сущности. Интуиция пустоты фиксирует это понимание, которое Пригов, не без иронии, облакает в квазияпонские одежды.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА И ДРУГИЕ АПРОПРИАЦИИ

Приговская диалектика «своего» и «чужого» разворачивается прежде всего на уровне формы: именно через нее раскрываются внутренняя логика и новаторство приговского письма. Создав фиктивного автора – носителя массового сознания (советского и постсоветского), – Пригов пропускает через этот «фильтр» все впечатления бытия, не исключая и поэзию. Отсюда – такое множество «апроприаций» из самых разных источников. Сам Пригов в одном из поздних сборников («Неложные мотивы», 1995) говорит определяет свой «метод» как «паразитический тип существования в искусстве... я писал разного рода аллюзии и вариации на стихи чужие». Приведу буквально наугад выбранные примеры (их у Пригова можно найти десятками, если не сотнями):

Из Пастернака в компании с Бальмонтом:

Хочу как будто между делом
В своем существованье кратком
И не тайком и не украдкой
Хочу быть сильным, хочу быть смелым
И заодно с правопорядком
Хочу

Из Когана:

Я с детства не любил овал
Я с детства просто убивал
Просто убивал
Убивал
Просто

Из Ходасевича:

А то давай какую розу
Ложноклассического стиха
Как обаятельную позу
Но не буквально, а слегка
Привьем советской жизни прозе
Да вот давно уж привита
Да роза видимо не та
Поскольку явно что-то в позе
Не то

Из Мандельштама:

Есть женщины родной земле сырые
Когда идут – то плачут провода
Высоковольтные
От той сверхпроводимости, когда
Уходит в землю все и навсегда
Сквозь них
Они-то вот и есть – Россия
Женщины эти

Ну и конечно, из Пушкина:

Есть упоение в бою
С штыком у бездны на краю
Или с ракетой у бездны на краю
С нейтронной бомбой на краю
Как бы уже в раю

Впрочем, с Пушкиным у Пригова особые отношения, о которых речь пойдет ниже.

Роль цитат и различных апроприаций в поэзии модернизма и постмодернизма обсуждалась не раз. По мнению исследователей, апроприация «чужого слова» в модернистской традиции воплощает новый тип мозаичной субъектности и модернистское понимание истории (теоретически артикулированное Ницше, Шкловским, Беньямином и Деррида).

На первый взгляд Пригов задается вопросом, что стало бы с Пастернаком, Мандельштамом, Ходасевичем и др., будь они «простыми советскими людьми», нормальными продуктами массового общества. Судя по приведенным выше примерам, апроприация модернистской поэзии массовым (советским) сознанием в стихах Пригова обнажает (как будто и так не видно) примитивность и безличность этого сознания, превращающего поэтические высказывания в нечто противоположное – агрессивное и верноподданническое. Это и есть тот потенциал, которому Пригов позволяет раскрыться, – потенциал массового отупения, за который, разумеется, источники цитирования ответственности не несут, но который они делают наглядно-зримым.

Однако, по-видимому, дело не только в этом. Когда-то, в 1993 году, Сергей Гандлевский, поэт неоакмеистического склада, сравнивал Пригова со стервятником, питающимся мертвечиной, и при этом критиковал его за то, что он использует для своих трагедий не только мертвые соцреалистические тексты, но и высокую классику русского модернизма. Развивая мысль о размывании эстетических и нравственных критериев, Гандлевский привел такой пример:

Мы как-то шли с вами районом новостроек, и я что-то заметил по поводу архитектурного убожества, а вы возразили, что средневековый город скорее всего тоже не отличался благообразием. А еще был такой случай. В одном собрании заговорили о рассказе молодой писательницы, напечатанном с напутственным словом Виктора Ерофеева. Рассказ был чрезвычайно натуралистичен и довольно отвратителен. Кто-то сказал, что Виктор Ерофеев может сочинять все, что ему угодно, но зачем он всякое безобразие напутствует и поощряет, и что это растление читателей и самих писателей. Вы приняли это близко к сердцу и спросили: «А розами растлевать, по-вашему, можно?» Я хочу спросить: вам действительно кажется, что советские новостройки и средневековый город, что розы и то, что имела в виду

эта писательница, – вещи одного порядка? Именно такие ваши высказывания дают мне основания упрекать вас в релятивизме.

Упрек распространенный, но интересно, что спровоцирован он именно разговором о приговских цитациях – о том, на что он руку поднимал. Вопреки ожиданиям Пригов в ответ на упрек Гандлевского говорит не о сконструированном субъекте, а о культурном насилии:

В обоих приведенных случаях была как бы явно доминирующая некая нравственная оценка событий. Я возмущился не конкретно данным случаем, а попыткой доминирования нравственных узаконенных ценностей над возможностью свободной эстетической позиции [...] В каждом конкретном случае я противлюсь не конкретному примеру, а способу оформления, менталитету.

Иначе говоря, Пригов бунтует против существующих культурных иерархий. Можно сказать – против культурной гегемонии, связанной в 1993-м не с соцреализмом, а с либерально-интеллигентским канонем. Приверженность культурной иерархии, по его логике, подавляет свободную эстетическую позицию. А значит, порождает насилие. С этой точки зрения, непочтительное цитирование классики оказывается палкой о двух концах: оно пародирует и массового субъекта, и культурные иерархии, ассоциируемые с этим текстом, а вернее, с его автором. Обе функции приговского цитирования наиболее очевидно пересекаются на образе и поэзии Пушкина.

Пушкин для Пригова – и самый «освоенный» массовым сознанием поэт, и самое явное воплощение культурной гегемонии. В беседе с Б. Обермайр Пригов говорил:

Пушкин был официальным государственным поэтом, был почти героем Советского Союза, он был борец за демократию в давние времена, т.е. Пушкин – это был Ленин моего времени. Поэтому он входил в наши понятия в качестве какого-то поп-государственного героя с детских лет – и было немного фигур, так присутствовавших в личной жизни, в общественной жизни, в жизни школьной и институтской. Это были Сталин, Пушкин и меньше – Толстой. Именно поэтому Пушкин сразу вошел в меня как некое божество, тексты которого, собственно говоря, только разжижали его значимость, поэтому у меня есть такое стихотворение, где я говорю о том, что тексты его надо уничтожить, потому что они принижают его образ.

Вот это стихотворение:

Внимательно коль приглядеться сегодня
Увидишь, что Пушкин, который певец
Пожалуй скорее что бог плодородья
И стад охранитель, и народа отец

Во всех деревнях, уголках бы ничтожных
Я бюсты везде бы поставил его
А вот бы стихи я его уничтожил —
Ведь образ они принижают его

Действительно, у Пригова предостаточно текстов, разрабатывающих «образ Пушкина» как поп-божества. Это и уморительные «Звезда пленительной русской поэзии» (вошла в том «Москва»), и «Жизнь замечательных людей (из цикла «Жизнь замечательных зверей»)» (1974), и «Игра в чины» (1979), и «Книга о счастье в стихах и диалогах» (1985). Вплоть

до знаменитых приговских перформансов, когда он исполнял первую строфу «Евгения Онегина» как священную мантру русской культуры то на буддистский, то на мусульманский, то на православный распев (см. также «Арабское», «Буддистское», «Весеннеморфное Пушкинское», «Зимнеморфное Пушкинское» в настоящем томе).

Но как быть с текстами другого рода? Например, с «Евгением Онегиным» 1978-го, в котором Пригов превращает первую строфу пушкинского романа в стихах в авангардистский текст, не добавляя ни единого слова. Или «восьмой азбукой (про дядю)»: «А мой дядя самых честных правил / Ба, твой дядя самых честных правил / Вот, у него дядя самых честных правил / Где дядя самых честных правил?» и т.д. до конца алфавита? Или же «Пушкинским безумным всадником» (1970-е), в котором Пригов полностью переписывает «Медного всадника», меняя все эпитеты на «безумный». Из этого раннего проекта вырастает его «Евгений Онегин Пушкина» (1992), который сам автор называл: «один из самых моих амбициозных проектов». Суть проекта состояла в переписывании всего текста «Евгения Онегина» с заменой всех эпитетов либо на «безумный», либо на «неземной».

Как сам Пригов указывает в Предупреждении, замысел проекта восходит к 1970-м, когда такой акт переписывания понимался бы как перенос из поля официальной культуры в пространство самиздата. Осуществленный, однако, в начале 1990-х проект приобрел совершенно иной смысл. С одной стороны, Пригов подчеркивает монашеское служение священному тексту, который, как знает автор, после его переписывания вряд ли будет кем-то прочитан целиком:

Наружу сразу же выходит аналогия с терпеливым и безымянным восторгом монастырских переписчиков. В наше время это работает, работает. Буквально несколько лет назад не работало, а сейчас – работает. Неожиданно обнаруживаются как бы смирение и благоговение, как качества маркированного и отмечаемого с благосклонностью литературного поведения. Думаю, что вряд ли кто-либо сейчас подвигнется на прочтение слепого машинописного текста, к тому же, изданного невероятное количество раз самым роскошнейшим образом и зачастую хранящегося в анналах личной памяти, если не целиком, то по частям или в виде отдельных выражений, строчек, слов.

С другой – замена пушкинских эпитетов на «безумный» и «неземной» порождает эффект, который сам Пригов определяет как лермонтизация:

...будучи в полнейшей уверенности, что никто не подвигнется на прочтение хотя бы малой страницы этого текста, должен заранее отметить одну особенность этого издания – оно, вернее, он, текст то есть, как я люблю это теперь называть, он лермонтизирован. То есть он как бы прочитан глазами последующей (естественно, последующей после Пушкина) превалирующей романтической традиции (в смысле, Чайковского).

По интерпретации М. Ямпольского:

Пригова интересует механизм автоматизированной генерации текста, где вместо эпитетов чисто механически подставляется одно из двух выбранных им слов. Любопытно при этом, что эта бессмысленная, чисто механическая операция, по его мнению, должна вызывать в сознании читателя идею наивной искренности и восторга. Восторг – важное тут понятие. Это сильный аффект, но будучи аффектом, в системе Пригова, восторг приводит к абсолютной десемантизации своего выражения. Чем более выражен аффект, тем менее он содержателен. [...]. В онегинском эксперименте Пригов, таким образом,

касается глубинных механизмов творчества, в которых эмоции, аффекту отводится важное место³.

Думается, этим аспектом смысл приговской апроприации не исчерпывается. Благодаря заменам Пригов разворачивает потенциал, скрытый в оригинале и уже раскрытый всей последующей романтической традицией. Совмещая оригинал и то, как он запечатлен культурой, автор «Евгения Онегина Пушкина» добивается яркого комического эффекта:

Безумный дядя честных правил
Когда безумно занемог
Безумствовать себя заставил
Безумней выдумать не мог
Его безумная наука
Безумная какая скука
Сидеть безумно день и ночь
Не отходя безумно прочь
Безумно низкое коварство
Полубезумных забавлять
Его безумно поправлять
Безумно подносить лекарство
Безумно думать про себя
Безумие возьмет тебя

Пригов воссоздает или, вернее, симулирует безличный процесс апроприации пушкинского текста романтической традицией, которая, собственно, и определит дальнейшее функционирование «Евгения Онегина» в русской (да и мировой) культуре. Присвоенный традицией текст не только утрачивает авторство, но и становится абсурдным («безумным»), одновременно воплощая возвышенное («неземное»). Усвоение оригинального текста культурой и его канонизация в качестве поэтического образца, таким образом, достигаются путем стирания субъектности и разрушения смысла. Масштабность проекта переписывания «Евгения Онегина» соответствует работе истории – или, вернее, предлагает ее действующую модель.

Собственно говоря, перед нами наиболее чистый – на русской почве – пример того, что Ги Дебор и другие участники авангардистского движения «Ситуационистский интернационал» (1957—1973) называли *détournement* – слово, одновременно обозначающее отклонение и повторение. Основанный на таком воспроизводстве культурных стереотипов, при котором они превращаются в саморазрушительную самопародию, *détournement*, по Ги Дебору, представляет собой противоположность цитирования. *Détournement*, считал он, формирует «язык пригодный для критики тотальности, для критики истории. Это не “нулевая степень письма” – а ее противоположность. Не отрицание стиля, а стиль отрицания [...] Определяющей чертой *détournement* является наличие дистанции по отношению ко всему, что превратилось в официальную истину [...] *détournement*... есть подвижный язык анти-идеологии⁴».

Все эти характеристики применимы к концептуалистской цитатности и в особенности к приговскому проекту. Как и в акмеизме, у Пригова «авторское я [...] оказывается равновеликим культуре, природе, истории⁵...». Однако в эту равновеликость вписаны дистанция и установка на критику истории и критику тотализирующей

³ Ямпольский М.Б. Пригов: Очерки художественного номинализма. М.: НЛО, 2016, с. 159.

⁴ Ги Дебор, Жиль Вольман. Методика *détournement*. Пер. с франц. С. Михайленко // <http://hylaеa.ru/detournement.html>

⁵ Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. // Russian Literature 7-8 (1974): 59.

идеологии, наделяющей, к примеру, «Евгения Онегина» статусом возвышенного абсолюта. Цитатность, реализованная в «Евгении Онегине Пушкина», таким образом, воплощает сопротивление, ибо обнажает насилие истории над субъектом и субъективными смыслами, выраженными в литературном тексте. У Пригова все, разумеется, описывается через Пушкина:

На тонких эротических ногах
Едва держа в руках свой член огромный
Вбегает и хватает что попало
И начинает удовлетворять
Спазмически лишь вскрикивая: Сийя!
Тут входит обнаженная она
Прекрасная, что можно бы Россией
Ее назвать
А у него и сил уже нет
И поделом

«ГРАММАТИКИ» И ТЕАТР ПРИГОВА

У Пригова множество текстов, которые по старинке так и хочется назвать «формалистическими» (правда, скорее с восхищением, чем с осуждением), – некоторая часть таких текстов представлена в разделе «Территория языка». Примыкают к ним и приговские «Азбуки». Сопровождаемые квазиучеными предуведомлениями, эти тексты, как правило, представляют собой серийную мультипликацию одной и той же риторической формулы, грамматической или стиховой структуры. Сам Пригов определял такие тексты как «грамматики» (в раннем творчестве он употреблял термин «паттерны»), поскольку в них, подобно грамматике, он создает парадигму, в принципе открытую для бесконечных языковых вариаций. Вот как, например, он пишет в «Большом предуведомлении к большому циклу грамматик»: «Основной чертой данных Грамматик является конструирование жестких структур организации мелких отдельных кусочков-клипов (условно, клипов, квази-клипов) вербального материала. Воспроизводимые же элементы – слова, словечки, устойчивые словесные формулы, предложения и целые грамматические структуры – в своей нескончаемой повторяемости несут на себе черты и функции поэтической рифмы. ... Конечно, требуется достаточно времени, <чтобы>вырастить новую Грамматику во взрослый организм, существо, способное на почти равноправное общение и сотворчество. Так ведь мы и мечтали о долгих, нескончаемых, длиной почти с целую жизнь, проектах».

Приведу некоторые примеры «грамматик»:

Если местного волка назначить премьер-министром
То ситуация обнищания полей по глубокой осени будет выглядеть
как советник Президента по государственной безопасности
А березняк при сем будет явно министром
иностранных дел
Ворон – военный министр
Зайцы – конструктивная оппозиция
А министр финансов? – а министр финансов улетел!
он – перелетный
...
Президент – это я

Премьер-министр – это ты
Первые замы – это он, она и оно
Совет безопасности – это мы
Министры – это вы
Все остальные – это они

(«Назначения», 1996)

Казнить надо по частям – сначала отрубают ноги,
потом руки, потом голову, ну а потом,
если что остается – то и это

* * *

Читать надо по частям – сначала начало,
затем, нет, не середину, а конец,
и уж затем середину, ну а потом,
если останется – то и это

* * *

Губить надо по частям – сначала самого главного,
затем беспомощных последователей, затем уже
и всяких неявных соратников, ну а потом, если что
останется – то и это

(«Технология последовательностей», 1998)

Есть три вида любви
Прямой – он либо прекрасен, либо ужасен
Иносказательный – как в примере
с невестами Христа
И ошибочно принимаемый за таковой
со стороны, что грозит иногда
прямо-таки смехотворными
положениями

Что может сравниться с глазом? —
По подобию – любая мощность
По равенству – любой волосок
По контрасту – меховая шкура

* * *

Что может сравниться с меховой шкурой? —

По подобию – скрытая масса Вселенной
По равенству – могила
По контрасту – ясное и чистое вербное
воскресенье в аккуратном пригороде

(«Три грамматики», 1998—2003)

Приговские грамматики могут быть не так структурно симметричны, как эти примеры. Допустим, «Бводизсе Го» (2000) как будто бы даже разворачивает какой-то сюжет (вполне бессмысленный), однако главной целью этого текста является демонстрация специфической «приговской рифмы», основанной на трансформации повторяемых слов в необъяснимое и остра-няющее «мистическое» имя путем произвольного сдвига интервала между словами – прием, широко используемый Приговым в текстах 1990—2000-х годов:

Терентич, это я – сосед
Дима
С четырнадцтой квартиры! —
Но он ни слова мне <в> ответ
Лишь только Цтойкв Артиры

А пес внимательно глядел
Глаза не опуская
Как откровенный Льногл Ядел
Или Еопус Кая
Какой
Да, да, действительно
Как Еопус Кая

По сути дела, к каждой из этих грамматик, как, впрочем, и к азбукам Пригова, прило-жима декларация из Предупреждения «Трем Грамматикам»:

Данная Грамматика служит выстраиванию последовательной цепочки связи всего со всем. Собственно, вся культурная деятельность человека и есть перебирание грамматик подобного рода, выстраивание метафорической повязанности всего во всем через некоторое количество операций».

И если полагать, что установление всеобщей связи явлений и есть задача поэзии, то Пригов действительно предлагает *грамматики поэзии*. Он совершает революцию в русском стихе, выдвигая в качестве наиболее насыщенной основы ритма грамматические и риториче-ские структуры, чем, безусловно, подготавливает произошедшее в 2010-х годах раскрепоще-ние русского стиха от силлабо-тонического метра. Сам Пригов не без лукавства объясняет свои реформы «демократизацией стихосложения»:

... я встал на сторону простого стихотворного народа... Давно уже некоторые фрондирующие своей близостью к непоэтической народной массе поэты начали писать с утерей регулярного поэтического размера и рифмы. Но простому народу стало еще тяжелее. Я решил оставить на месте все регалии поэтичности поэтического произведения, только вместо трудноподыскиваемой рифмы я предложил в свое время людям простой повтор слова, что создает впечатление рифмы и состоявшегося стиха[...] я предложил, в случае невлезания слова в строку, – либо выкидывать лишние слоги, либо дописывать недостающие, причем узнаваемость слова

при выпадении из него до 2-х слогов (при общем объеме 4 слога) не теряется; точно так же и при увеличении количества слогов почти на 100%. В данном сборнике я сделал следующий решительный шаг в направлении дальнейшей и неуклонной демократизации стихосложения, предлагая вниманию заинтересованного читателя нехитрый прием замещения труднонаходимого слова отточием с сохранением лишь окончания, определяющего часть речи, хотя можно и без этого. Можно и вообще без всего: в одном из предыдущих своих сборников я предлагал замену целого неудавшегося стихотворения, на которое было потрачено время и простое опущение которого было бы несправедливым, соответствующим количеством рядов строчек, что является актом даже более чистой поэзии, чем самое удачное стихотворение, в котором материя воплощения обязательно выпустит, хотя и микроскопические, но все же ослиные уши, ослиные уши правил стихосложения. [...]

Это прекрасно не потому
Что эти стихи и ошибок нет
А прекрасно потому
Что это сказал поэт

(Предупреждение к «Первенцу грамматики», 1978)

Однако, думаю, Пригов не столько предвидит использование своих находок широкими народными массами, сколько придает признаками графомании и литературного непрофессионализма поэтический статус («прекрасно потому / что это сказал поэт»). Впечатление (которому вполне серьезно поддавались искушенные литературные критики) усугубляется нарочитой случайностью, произвольностью, если не абсурдностью элементов, вовлекаемых Приговым в грамматику с целью демонстрации связи всего со всем. Как говорит он сам:

...все здесь написанное чрезвычайно банально. Давно, давно хотелось проговорить это, услышанное где-либо, и именно в форме банальности и даже в оформленности банальной, в форме сопряжения, соположения банального с банальным. Т.е. задается слово, и к нему моментально прилипает все по законам ассоциации. А спонтанная, так сказать, раскованная ассоциация ужас как банальна. Даже употребляемое порой для некой интеллектуальной раскраски насилие тоже включается в эту серийность банальности. Собственно, банальность – это установка, сознательная или бессознательная.

Зачем он это делает?

Думается, именно в этих стихах Пригов больше всего концептуалист. Причем концептуалист именно в том смысле, какой вкладывали в это понятие американские художники и критики 1960—1970-х. Пригов занимается в этих текстах тем, что по аналогии с известным манифестом Люси Липпард и Джона Чендлера «Дематериализация искусства» можно назвать «дематериализацией поэзии». Он «вычитает» из стихотворной ткани элементы, воспринимаемые как обязательные условия поэтического высказывания. Вычитает и одновременно компенсирует это вычитание серийным воспроизводством приема в огромном количестве вариаций («поэзия ужесточения одного из компонентов стихотворства»).

В результате опять-таки возникает некое пограничье между индивидуально-авторским изобретением (риторического приема) и его превращением в парадигматический, а значит, и безличный, ничейный, всеобщий элемент языка. Новизна и эвристический потенциал этого

состояния особенно очевидны, когда Пригов сам исполняет стихи этого типа: он вводит себя и читателя в зону, сходную с медитацией или ритуальным камланием, в зону, в которой субъект преодолевает свои пределы и, захваченный запущенной им же языковой машиной, производит все новые и новые подобные формулы, которые все более и более уподобляются заклинаниям. Конечно же, это поэтический эффект.

Однако приговские серии ни в коем случае не утверждают некий рациональный или иной другой порядок. Напротив, их внешняя организация, как правило, служит подрыву всяких представлений об упорядоченности; один и тот же конструктивный элемент объединяет категории столь далекие друг от друга, что сама серия превращается в зримое опровержение каких бы то ни было упований на гармонию или закономерность. Причем повторяемый элемент лишь усугубляет абсурд квазиупорядоченности, делая этот абсурд словно бы автоматизированным. И в этом смысле Пригов действительно выступает (несмотря на частые опровержения с его стороны) прямым наследником обэриутов, и прежде всего Хармса.

Его серии можно назвать «антиконструктивистскими»: если конструктивисты верили в то, что искусство способно внести в практическую жизнь «организацию», то у Пригова «организационный» принцип, вносимый в дискурсивную практику, неизменно порождает лавину все более и более абсурдных высказываний, остающихся, тем не менее, в рамках «организованной» риторической структуры. У Пригова серийность становится методом организации, обращенным против самой себя же. Он обнажает иррациональные и абсурдные основания конкретной (а в пределе – любой) дискурсивной практики, всегда неявно, но настойчиво (а то и насильственно) претендующей на внесение порядка в беспорядочный мир.

Подобно тому как художественный концептуализм плавно вобрал в себя искусство перформанса (придав ему новые стимулы к развитию), так и приговские «грамматики» внутренне связаны с его драматургией, а «Азбуки» образуют переходное звено между двумя этими жанрами. Начиная с «дематериализации» языков визуального искусства Пригов естественно переходит к поведенческим и социальным языкам, обращаясь к перформансу как к способу деконструкции и подрыва этих языков. Театральные эксперименты Пригова в основном остались в 1970-х и ранних 1980-х, уступив место «чистым» перформансам в 1990-х и 2000-х. Однако значение театра в его творчестве не только аналогично (пост)концептуалистским перформансам, но и во многом опередило развитие русской драматургии по крайней мере на два десятилетия.

В настоящий том вошли практически все оригинальные пьесы Пригова. Еще одна важная пьеса «Катарсис, или Крах всего святого» (1974—1975) включена в том «Монады». Интересно, что к драматургии Пригов приходит через остранение самого языка. Свои первые пьесы он пишет для так называемого «английского театра» при МГУ: первоначально это были веселые скетчи с очень простым языком (студенты должны были исполнять их по-английски) на легендарные сюжеты, и лишь потом пошли полноценные пьесы, которые Пригов сам же и ставил на сцене МГУ. Однако генеалогия примечательна: пьеса для Пригова – это жанр для языка «другого».

Ключевой «грамматикой» этого языка является насилие. Неслучайно, оглядываясь на Хармса, Пригов так описывает идеальную пьесу:

И все равно, самая правильная пьеса представляется мне следующим образом: выходит из-за кулис человек, доходит до центра сцены и падает в люк, в это время появляется второй человек, он тоже доходит до середины сцены и тоже падает в люк, потом появляется третий человек, и на середине сцены он падает в люк, потом четвертый падает в люк, потом пятый падает, потом падает шестой, потом седьмой, потом восьмой, потом девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый... Открывается занавес. Да, несколько слов о себе. Мне 32 года, имею жену и сына Андрея. Это не

первая моя пьеса. Зачем я их пишу? Но ведь жизнь дается один раз, и надо мучительно прожить ее так, чтобы не жег позор.

Насилие функционирует как особого рода язык уже в самых ранних пьесах Пригова – «Козел (козлиная песнь)», «Стало быть» и «Вопрос закрыт». Каждая из этих пьес драматически разыгрывает один из «диалектов» насилия: будь то грубый и тавтологичный волапюк повседневной («народной») коммуникации в («Козле»), или революционно-бюрократический жаргон в «Вопросе...», или даже язык, усвоенный в кругу друзей, в «Стало быть». При этом Пригов все более и более радикально разрушает «четвертую стену», вовлекая в провокацию и зрителя. Так, в пьесе «Место Бога» на сцену выходит черт – метафизический циник, который с виртуозным артистизмом «соблазняет» праведного отшельника. Однако на самом деле объектом его усилий становится зритель, превращаемый «по ходу пьесы» в соучастника его перформанса, – зритель, несомненно, проникается сочувствием к черту, а не к упорному праведнику. Зал вместе с харизматичным демоном хором призывает Отшельника к порядку:

ЛЕГИОН: (*К залу ласковым голосом.*) Давайте позовем его. Он великий, мудрый, умный человек, но он заблуждается, он в прелести. Позовем его. Повторяйте за мной.

Приди к нам!

ЗАЛ: Приди к нам!

ЛЕГИОН: Забудь свою гордыню, ум и обиды!

ЗАЛ: Забудь свою гордыню, ум и обиды!

ЛЕГИОН: Возьмемся за руки над пропастью!

ЗАЛ: Возьмемся за руки над пропастью!

ЛЕГИОН: Спасение в единстве!

ЗАЛ: Спасение в единстве!

ЛЕГИОН: Приди к нам, мы прощаем тебя!

ЗАЛ: Приди к нам, мы прощаем тебя!

Более того, сцена избиения Отшельника Легионом также возникает как бы из спонтанного порыва зала – разумеется, подготовленного всем ходом пьесы.

Особенно мощный эффект производит в этом отношении пьеса «Я играю на гармошке»: происходящее в ней «поруганье зала», то есть акты насилия, направленные на как бы случайно выбранных зрителей, – насилия страшного в своем циничном глумлении над жертвой при всеобщем попустительстве – не оставляет надежд на катарсис, наполняя каждого сидящего в зале чувством вины. Катарсиса также не происходит и в пьесе, которая так и называется «Катарсис, или Крах всего святого» (1975) и в которой диалог между режиссером и актрисой – между самим Приговым и Елизаветой Никищихиной – обнаруживает почти садистическое насилие, заложенное в природе театра и природе искусства вообще. Происходящее в финале этой пьесы убийство автора («Пригова») может быть прочитано как манифест, выражающий приговское представление об искусстве как провокации, заставляющей зрителя взбунтоваться против авторитарной власти. А последняя воплощена в тексте произведения не кем иным, как автором, а на театре – режиссером или драматургом. Иначе говоря, смерть автора, явленная средствами театра.

В пьесе «Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью» Пригов предпринимает попытку театрализовать серийность, знакомую по его «грамматикам». При этом выясняется, что серийность, воплощенная перформативно, не может не привести к вспышке насилия. Если серийность у Пригова – это организация, обращенная против самой себя, то именно насилие воплощает ее самоуничтожение. Та же «формула», связывающая серийность и насилие, разыгрывается и в «радиотрагедии для двух репродукторов» под названием «Революция», в которой

экстатика толпы выплескивается в насилие против самой себя. При этом Пригов в развернутых ремарках подчеркивает, что к ревнасилию приводит не идея, а ритм лозунгов, иначе говоря серийность, форма, «грамматика», – а ее источником может стать кто и что угодно.

Последняя из пьес Пригова, «Черный пес, или Путь в высшее общество», доводит до предела все те шуточки и игры с залом, которых было предостаточно и в более ранних пьесах. Однако в «Черном псе» именно театральность театра становится главным предметом представления, в котором смешиваются балаган и трагедия («трагедия-буфф»), «Гамлет» с «Войной и миром», где все перевоплощаются во всех остальных и где границы между авторами и персонажами невозможны и незаметны. «Черный пес» превращает капустник, с которого начинал Пригов-драматург, в постмодернистскую драматургию высокого порядка. Надо при этом заметить, что это единственная пьеса Пригова, в которой фактически нет насилия – если оно и есть, то явно понарошку. Пространство сцены, таким образом, с минимальным педагогическим нажимом проясняет важнейшую тему Пригова: насилие побеждается размыванием границ между своим и «чужим», оно отступает и съеживается перед напором метаморфоз, разрушающих разделительные границы и бинарные оппозиции. Возможно, это и не так или так, но не всегда – но пространства, созданные Приговым, пронизаны этой, страшно сказать, сверхзадачей. Хотя он сам вряд ли одобрил бы такое словоупотребление.

Говоря о сверхзадаче, нельзя не задуматься о том, как категории «своего» и «чужого», пожалуй, с эпохи романтизма и с новой силой – в модернизме и авангарде формируют полярные представления о миссии современного художника.

Одни говорят, что по-настоящему современный художник стремится обнять и сделать своим все мироздание: «И образ мира, в слове явленный...» Мысль не новая, но примечательно, что Пригов признает ее своей: «Понятно, что любое, самое мало-мальское стихотворение (не берем в расчет его качества, причины и способы его порождения, а также клятвенные уверения автора в абсолютной беспамятности либо неведении) имеет внедренную бациллу амбициозного разрастания до размеров всего окружающего и даже запредельного света» («Предуведомление к сборнику “Всеобъемлющие и потому практически почти исчезающие стихи”», 1993).

Другие, наоборот, утверждают, что художник – всем и всему чужой, однако эта чужеродность служит источником остранения и свободы (см., например, «Пхенц» Андрея Синявского как манифест этой стратегии). Пригов и эту мысль делает своей:

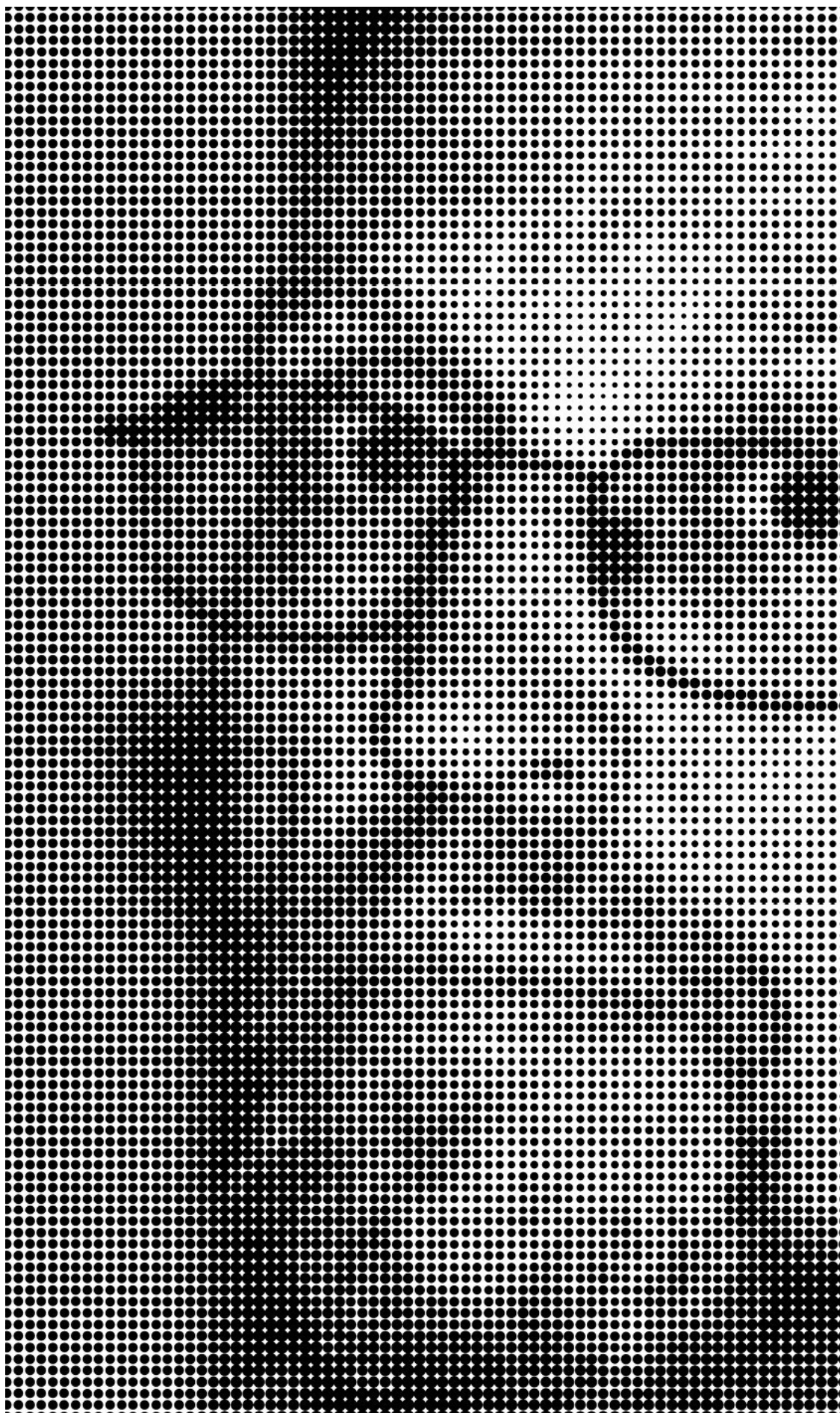
... мы обнаруживаем писателя эмигрантом принципиальным, даже манифестированным, и не только в пределах языково чуждой ему словесности. Увы, радикальный писатель – эмигрант и в пределах родной ему масс-культуры и масс-словесности. И даже больше: приняв модель авангардного искусства, доминирующую модель поведения художника в XX веке, требующую от творца бесконечных новаций, мы обнаруживаем художника, оставляющего им уже освоенное и постигнутое, эмигрантом и в пределах своего собственного реализованного опыта. То есть он есть эмигрант пар экселенс, так что страдания по поводу непереводимости на чужие языки суть частный случай позиции литератора в современном мире, доведенный до логического конца.

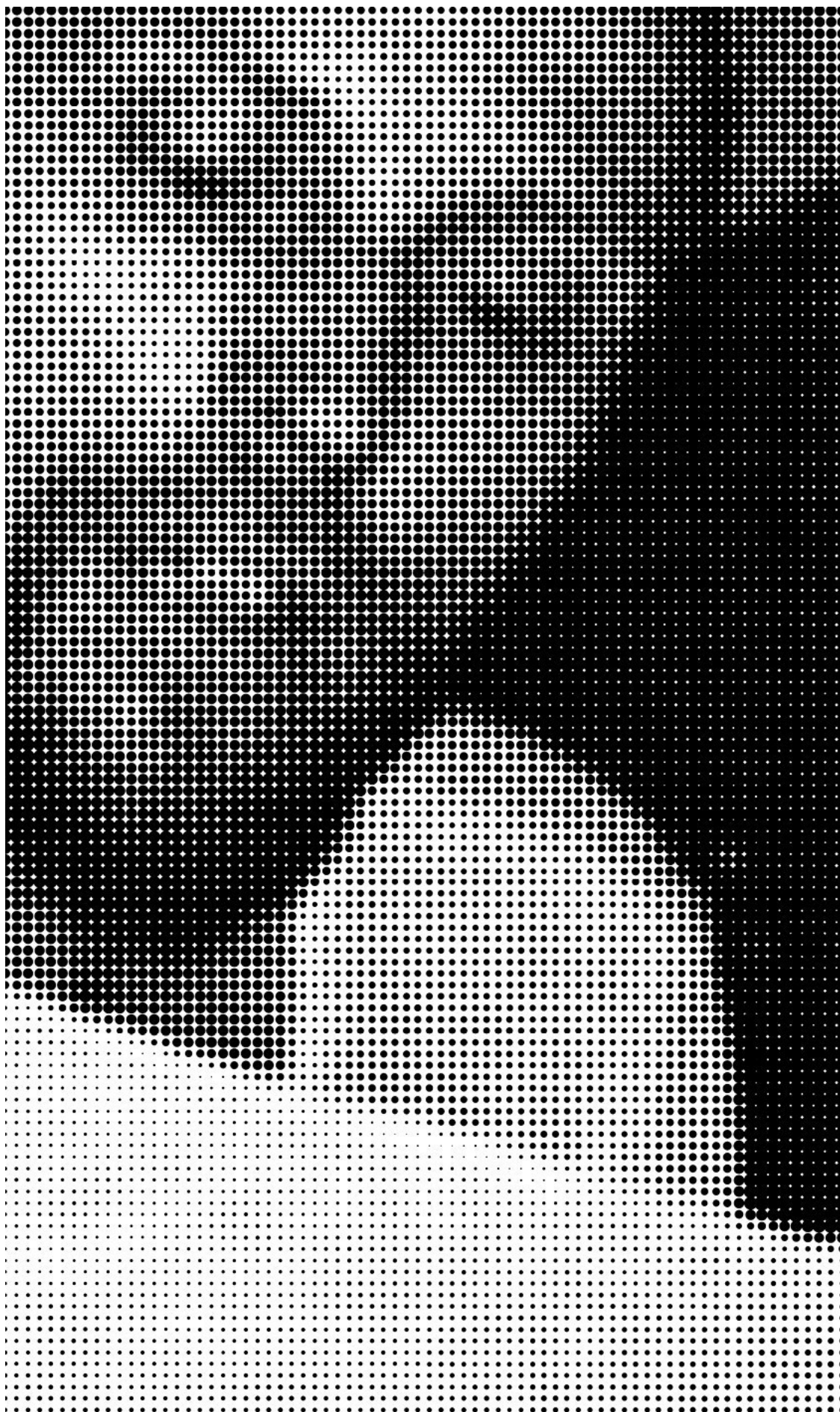
Как видим, Пригов умудряется совместить обе эти на первый взгляд взаимоисключающие позиции. И хочется верить, что содержание этого тома убедит читателя в том, что он совмещает их не только в декларациях, но и на практике. Более того, не снимая конфликтности этих противоположных стратегий, Пригов извлекает из них то, что он называл «драма-

тургией» культуры определенного периода, – ее нерв, источник многообразных конфликтов и коллизий. Как и любая драматургия такого рода, его диалектика «все-своего» и «все-чужого» порождает множество жанров (травелоги, азбуки, грамматики, сны, пьесы и т.п.), стратегий (от *détournement* до «капиллярного проникновения») и хронотопов (от Беляева до Хоккайдо).

Вся эта конфликтность, безусловно, рождена не только распадом советской империи, но и интеллектуальной революцией, произведенной постмодернизмом, а затем и эпохой новых религиозных войн и опасностей фашизации, которые Пригов хорошо сознавал и трезво анализировал. Пригов виртуозно разыгрывает эту «драматургию» как внутренний конфликт сознания, при том не забывая сохранять комически-остраняющую дистанцию, и именно эта игра на грани «своего» и «чужого» формирует то, что высокопарно можно назвать смыслом его творчества.

АВТОБИО

«Я есть...» 1997

Я есть Пригов Дмитрий Александрович.

Родился я черт-те когда – в 1940 г.

В Москве я родился, там женился, там же кончил школу, ходил в пионеры, комсомольцы, поступил и окончил Строгановское училище, отделение скульптуры – подумать только!

С 1975 г. (да, с брежневских времен) член Союза художников быв. СССР, в Союзе писателей не столь долго – с 1991, кажется.

Книжечки у меня такие:

«Слезы геральдической души», Московский рабочий, 1990

«Пятьдесят капелек крови», Текст 1993 (с рисунками самого автора).

«Явление стиха после его смерти», Текст, 1995 (тоже с рисунками того же автора).

«Запредельные любовники», 1994, Авто-риск, Москва.

«Собственные перепевы на чужие рифмы», Вечера в музее Сидура, Музей Сидура в Москве, 1996.

Имеются также четыре книги в Германии, одна в Англии, по одной же во Франции и Италии.

В разное время появлялся в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Театр», «Волга», «Огонек» (по-моему где-то еще, не помню, но это существенно не повлияет на скудность картины).

В журналах же публиковался в различных странах Азии (Китай, Япония и Южная Корея – что приятно – и в различных странах Европы, включая Америку).

Выставлялся в Германии, Франции, Швейцарии, Голландии, Бельгии, Дании, Италии, Испании, Англии, Швеции, Финляндии, Польше, Чехословакии, Болгарии, США, Южной Корее (почти географический атлас, если не учитывать прямо трагические зияние на месте Южной Америки и Африки).

Да, еще снимался в фильме Павла Лунгина «Такси-блюз» и только что закончил сниматься в фильме Алексея Германа «Хрусталева, машину» (если, конечно, тьфу-тьфу; ничего не случится и фильм выйдет, и меня не вырежут, и мне не будет мучительно стыдно).

А так – все нормально.

НА ГЛАЗАХ У ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Евангельские заклинания (1975)

1. Крест

1v| o2565⁶. Крест

Крест ужасный

Крест ужасный тяжелый

Крест ужасный тяжелый не по людским силам

Крест ужасный тяжелый не по людским силам тяжелый

Крест ужасный тяжелый не по людским силам тяжелый

ужасный крест

Ужасный тяжелый не по людским силам тяжелый ужасный

крест

Тяжелый не по людским силам тяжелый ужасный крест

Не по людским силам тяжелый ужасный крест

Тяжелый ужасный крест

Ужасный крест

Крест

2. Гефсиманский сад

1v| o2566 Отец мой прошу убери или мимо пронеси эту чашу

Прошу убери или мимо пронеси эту чашу

Убери или мимо пронеси эту чашу

Мимо пронеси эту чашу

Пронеси эту чашу

Эту чашу

Чашу

Чашу которую

Чашу которую мне

Чашу которую мне не по силам

Чашу которую мне не по силам испить как есть человеку

Которую мне не по силам испить как есть человеку

Не по силам испить как есть человеку

Испить как есть человеку

Как есть человеку

Человеку

Человеку рожденному

Человеку рожденному чтобы страдать

⁶ Нумерация текстов Д.А. Пригова не следует авторской нумерации, за исключением особо оговоренных случаев (*Прим. ред.*)

Человеку рожденному чтобы страдать но не терпеть
Рожденному чтобы страдать но не терпеть
Чтобы страдать но не терпеть
Страдать но не терпеть
Не терпеть
Терпеть

3. Тайная вечеря

1v| o2567 Горе.. стой! – горе.. стой! – горела свечка
Беле.. стой! – беле.. стой! – белела скатерть
Сиде.. стой! – сиде.. стой! – сидели люди
Посреди.. стой! – посреди.. стой! – посредине учитель
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчали люди
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчал учитель
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчала ночь
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчали звезды
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчала бездна
Молча.. стой! – молча.. стой! – молчал и Он
Молчал и он

4. Въезд в Ерусалим

1v| o2568 Осел шел как осел
Толпа бежала как толпа
Осанна звучала как осанна
Он ехал как он ехал ехал
Осанна звучала как осанна звучала
Толпа бежала как толпа бежала
Осел шел как осел шел как осел шел как осел шел
Шел шел шел шел

5. В пустыне

1v| o2569 Большие пустые чужие камня безводной пустыни
Пустые чужие камня безводной пустыни
Чужие камня безводной пустыни
Камень безводной пустыни
Безводной пустыни
Пустыни
Сидел он безмолвно уставясь в далекий идущий вдоль мира
отрезок

Безмолвно уставясь в далекий идущий вдоль мира отрезок
Уставясь в далекий идущий вдоль мира отрезок
В далекий идущий вдоль мира отрезок
Идущий вдоль мира отрезок
Вдоль мира отрезок
Отрезок

И видел взмахнувши пустыми крылами свалился великий
тот ангел
Взмахнувши пустыми крылами свалился великий тот ангел
Пустыми крылами свалился великий тот ангел
Крылами великий тот ангел
Великий тот ангел
Тот ангел

И встал и смахнувши ненужные складки ушел он в другом
направленье
Смахнувши ненужные складки ушел он в другом
направленье
Ненужные складки ушел он в другом направленье
Складки ушел он в другом направленье
Ушел он в другом направленье
В другом направленье
Правленье

6. Рождество

1v| o2570 Как восточнай-я-я-я
Как звезда-дад-да-да-да
Утренней-я-я-я
Да звезда-дад-дад-да-да
Великай-я-я-я
Да звезда-да-да-да-да
Голубай-я-я-я
Да звезда-да-дад-да-да
Палевай-я-я-я
Да звезда-да-да-да-да
Крово-вавай-я-я
Да звезда-да-да-да-да
Ох упал-лала-лала
Он упал-лала-лала
Да взошла-лала-лала
Да взошла-лала-лала

7. Благовещение

1v| o2571 Ангел на кры-ы-ы-лах
Мария на сту-у-уле
Ангел в две-ее-ри
Мария в смяте-ее-нье
Ангел с ве-ее-стью
Мария с чре-ее-вом
Ангел для не-ее-ба
Мария для на-аа-с

Черный ворон 1975

1.

1vl o2572 Ни ворон, черная птица
Ни черный лев волосатый
Ни черная в камне вода
Еще надо мной не властны
Как в старой песне поется

Они распускают когти
Они разевают пасти
И гонит холод вода
Но они надо мной не властны
И нету страха во мне
Но не коготь ли в сердце впился
Не зубы ли в сердце впились
Не холод ли в сердце впился
Ах, я просчита..., просчитался
И смерть принимаю от них

От ворона черной птицы
От черного льва волосатого
От черной из камня воды

2.

1vl o2573 Черный ворон мне прокаркал
Пробежал ручей весь черный
И машина черным танком
Прибежала задавить

Я проснулся в поле черном
С сердцем-головой разбитой
От руки злодея злого
Помираю и лежу

3.

1vl o2574 Выходил гулять я в поле

Я со многими людьми
Было счастье, было воля
Было воля, было мир

Только небо стало черным
Посмотрел я проследил
Проследил, что черный ворон
Крылом солнце заслонил

Приле – ой да! – прилетел он
Из – да ой! – издалека
С жестким те – да! – с жестким телом
И с когтями из свинца

4.

1vl o2575 Черный ворон, черный ворон
Черный ворон-воронок
Шелестит крылами ворон
Гусеницы вместо ног
И скрипит он колесами
И скрипит он тормозами
Огорожен он лесами
Отгорожен небесами
Даже, даже небесами
Ото всех он отгорожен
Под землю он проложен
На краю земли положен
И лежит себе прилежен
Он не низок, не высок
Он не близок, не далек
Ни задвижка, ни замок
Ай да ворон, черный ворон
Черный ворон-воронок

5.

1vl o2576 За дальними, за дальними лесами
Выходит ворон-птица прогуляться
И черными бескровными крылами
Он гонит пред собою всех погибших
Он гонит пред собою всех погибших
А сам выходит просто прогуляться
Они идут пред ним, куда – не знают
За дальними, за дальними краями

И гонит их куда – он сам не знает
И до какого срока – сам не знает
И для чего их гонит – сам не знает
Но только знает – черными крылами

6.

1vl o2577 На земле ложится тень
Голос слышен на высотах
На высоких на высотах
Не лежит земная тень
Ворона черная тень
Не ложится на высотах
Голос слышен на высотах
От него не ляжет тень
На земле ложится тень
Голос слышен на высотах
И ложится на высотах
От высот превысших тень

7.

1vl o2578 Сгинь, ворон – злобна птица
Больша и злобна птица
Больша и злобна, злобна птица
Сгинь, ворон – страшна птица
Больша и страшна птица
Больша и страшна, страшна, страшна птица
Сгинь, ворон – черна птица
Больша и черна птица
Больша и черна, черна, черна, черна птица
Сгинь, ворон – вечна птица
Больша и вечна птица
Больша и вечна, вечна, вечна, вечна, вечна, вечна птица

Сгинь! Сгинь! Сгинь!
Всё.

Изучения 1976

Изучение темы народа

- 1vl o2579 Народу красавец не нужен
Народу умелец не нужен
Ему правдолюбец не нужен
И дело не в месте, ни в масти
И дело не в чести, ни в части
Ни в памяти и ни в обличьи
Народу потребно величье
- 1vl o2580 Народ не знает смерти – потому
Он есть лицо, но личность он не есть
Он потому необратим и весь
И целиком сдвигаем потому
- И потому ему всегда пора
И он всегда пространство для речей
Он рассыпается на уровне: Зачем
И собирается на уровне: Ура
- 1vl o2581 Народ он ведь не только пьет
Хоть это знают и немногие
Он трудится и он живет
Не как букашки многоногие
- И за подвалами газет
Где пишется, что он работает
Читай, что он не только пьет
Но и действительно работает
- 1vl o2582 Народ он делится на не народ
И на народ в буквальном смысле
Кто не народ – не то чтобы урод
Но он убудок в высшем смысле
- А кто народ – не то чтобы народ
Но он народа выраженье
Что не укажешь точно – вот народ
Но скажешь точно: есть народ. И точка
- 1vl o2583 Народ не глуп, но он и не умен
Он просто качеств сих не различает

Он знает написание имен
Никто как он сполна не величает

Но сам он ни за что не отвечает
Сполна, помимо знания имен
Он продолжает, но не начинает
Он знает смену дней, а не времен

1vl o2584 Народ он любит свою землю
Ему чужая ни к чему
Он голосу истории внимлет
И слышен голос тот ему

Один не слышит – так другой
Услышит и ему расскажет
Так про любовь узнает каждый
И жизнь отдаст из нас любой

1vl o2585 Народ с одной понятен стороны
С другой же стороны он непонятен
И все зависит от того, с какой зайдешь ты стороны
С той что понятен он, иль с той – что непонятен

А ты ему с любой понятен стороны
Или с любой ему ты непонятен
Ты окружен – и у тебя нет стороны
Чтоб ты понятен был, с другой же – непонятен

1vl o2586. Народ по сути неопределяем
Тем боле если он – народы
Включая и чертей проказливых Европы
И ангелов пугающих Китая

Как жизнь тогда с народом соразмерить
Но ты им сам с рожденья соразмерен
И если будешь просто соразмерен
То и ему ответишь в полной мере

1vl o2587 Мы на народной ниве таем
А сам народ? – чья нива съя
Ему всегда так не хватает
Объективации себя

И потому ему всегда
Враги нужны для этой цели
Так будем ж нужной панацеей
А против общего врага
И мы народом встанем целым

1vl o2588 Иллюзия любой тотальной власти
В том, что она как будто однородна
На деле же – поделена на части
Как всяко порождение народно

А власть демократическа де-факто
Де-юре это дело понимает
Но пафоса единства (или как там?)
Ей для величья явно не хватает

1vl o2589 История не учит никого
И потому вся жизнь – сплошное действо
Где ничего не значит ничего
И где без знака минуса злодейство

И где народ – единственный субстрат
Который – пыль и мельче нестираем
Где рад не рад, а все ж в итоге – рад
Что есть ступенька перед адом или раем

1vl o2590 Всех возрастов прекрасное наличие —
Вот чем он удивителен народ
От профсоюзов и от школ в отличие
Он вечный возраст нам дает

И это удивительно, тем боле
Что наряду с народом есть и смерть
Но это точка зренья – и не боле
Но и не мене – ежели посметь

1vl o2591 Большая, но объятная страна
Заселена зеленою природой
Смотрящейся то в небо, а то в воду
Странна она, ей Бог, странна она
Странна она, да не она одна
И горная безмозглая природа
Где кость одна, ни выходу ни входу
Она ведь тоже донельзя странна
Или другая скажем сторона
Столица скажем полная народу
Она ведь не равна тому народу
А может, я не прав – она равна
Да все одно – равна, да все – странна

1vl o2592 Вот пани молодая лошадь
Стоит с товарищем конем
Он говорит ей: Пани, прошу
Давайте с вами в лес пройдем

Она не говорит: Товарищ
У нас не принят этот тон
И коли капельку ты варишь
То в свой СССР мотай

И эту рознь национальну
Я не приветствую как есть
Но все ж зерно рационально
В сопоставленьи этом есть

Изучение образа природы

1vl o2593 Но ежели начать считать
Тогда природа бесконечна
И вверх, и вниз – не сосчитать
И вправо, влево – бесконечно

Но ежели именем назвать
Тогда она уже конечна
И отделяется, конечно
От тайн, которых не назвать

1vl o2594 Вот если опыт произвести такой —
Природу приподнять и посмотреть, что есть под ней такого
Закон какой, потьма, провал какой
Или уменьшенная, но природа снова

И если новый опыт произвести
И приподнять опять, что прежде нам уже открылось
И – домик вдруг, и ты сидишь в нем весь
И пишешь все, что выше сотворилось

1vl o2595 Природы пространство кривое
В глаза таким входит оно
По сути пространство прямое
И тем превосходит оно

Иллюзия несовершенства —
Пространство и бездна – просвет
Но там где царит совершенство
Там – плоскость и глянцевый свет

1vl o2596 Растение не должно называть
Антропоморфным словарем послушным
Ни смелым и ни гордым называть
Но только в терминах ему присущных
Тогда оно по мере наших сил

Не станет психиумом огородным
На этом поприще не выбиться б из сил
На аристократично-благородном

1vl o2597 Морской воды просторный монолит
Он переходит в сушу постепенно
И небо так отдельно и степенно
Оно обоим противостоит

Меж ними птица, белка и медведь
На дерево взбирающийся тоже
И человек к земле стопой приложен
Но головою он на небе ведь

1vl o2598 У моря греко-турко-византийский запах
И римско-русско-половецкий шум
Для Запада – Восток, а для Востока – Запад
И в общем – центор мира, вам скажу

И вертикаль увитая плющом, скажу
Внизу – Восток, а вверх – отсчет на Запад
Внизу – тяжелый зверовидный запах
Вверху прозрачный крыловидный шум

1vl o2599 Необъяснимая природа
Стоит у собственного входа
И хочет выйти в эту ранку
То есть – вывернуться наизнанку
И я ей говорю: природа
Сиди в глуби своего входа
Ты к нам явишься нутряною
И неодетой стороною
Неузнаваемой, необычной
Слепою, влажной, необученной
Так что узнаешь ты при этом
Чем мы тебе на то ответим

1vl o2600 И чайка военно-морская
И ворон военно-пехотный —
Вот пара супружеская
Великая и неохотная

Свидетели царства подземного
Радетели царства подземного
Любимцы солнца подземного
И нелюбимцы наземного

1vl o2601 Жить ночью легче, скажем, как в воде
И потому все бабочки ночные

Телами больше, как зверье в воде
И потому все помыслы ночные
Телами словно бабочки ночные
И даже больше – как зверье в воде
Иль как дневные чудища в воде
Иль как на суше чудища ночные

1vl o2602 Строил грек на голом месте
Византиец на месте грека
Турок, русский порознь, вместе
Здесь селили человека

А природа снова вечна
Что назойливей – не ясно:
Люд сменявшийся беспечно
Иль природы постоянство

1vl o2603 Простых вещей, числа которым несть
Взаимовыгодная возбудимость
И в их соседстве радостном – свобода есть
Переосознанная вновь необходимость
Похоже смена как соседства на родство
И тесноты как на едино естество

1vl o2604 Печальных кимерийских берегов
Неубывающая ценность
И греческа всеобщность берегов
Гор пропорциональна постепенность
И византийска сухость берегов
Растений нескрываемая ценность
Российско население берегов
И погруженья постепенность

1vl o2605 Природа – буржуазный пережиток
Производительность на то что повышает
Но просто всё – рожь и пшено и жито —
Вредитель словно всё она сжигает

Беда-то в том, что темная природа
Отделена от государства скрытно
Но общество не будет монолитно
Пока оно не будет бесприродно

1vl o2606 Природа меня уважает
До гроба меня провожает
Земля меня не обижает
Костей моих не обнажает
А раньше ведь обнажала
Земля меня так обижала

Природа не уважала
До гроба не провожала
Теперь-то ума... да уважит
До гроба прова... да проважит
Земля не оби... не обижит
Костей не обни... не обнижит

Изучение изображения Бога

1v| o2607 В иконах он сполна изображен
Но в слове все ж изображен он лучше
Вот доказать представился мне случай
Что в слове лучше он изображен

Все дело в том, что слово словно ртуть —
Необязательно и полузримо
Дыхательно и воспроизводимо
И в том его спасительная суть

1v| o2608 Я понял наконец какая
По сути разница большая
Меж созерцанием в уме
И созерцаньем на бумаге
Как между каплей на стекле
И каплей в однородной влаге
Закон бумаги чересчур самостоятелен
Он созерцанию не друг, а лишь приятель

1v| o2609 Японец с кожей ровной словно шелк
С талантом неподдельным и усердьем
До контура финального дошел
Богини деревянной милосердья

Руки осталось контур иль ноги
Ему проверить и поставить точку
Но как узнать, где красота богинь
Кончается и как поставить точку

1v| o2610 Готические назидательные складки
И складки шалопутного барокко
Показывают что достаточно есть прока
В изображеньи понятой как беспокойство тряпки

И это есть возможно видимый предел
Как оседает божий ветер в человеке
Минуя пагубной свободой построенье тел
И освещая лежбища умерши человеки

Изучение признаков себя

1vl o2611 Но нету знака превосходства
Ни на единственном челе
Ни за в безумье с Богом сходство
Иль уподобие пчеле

Ни на едином человеке
Но лишь на мне, когда любя
Морфея, смеживаю веки
И сам не ведаю себя

1vl o2612 Вот ты одет. Все хорошо. Но голый
Так любопытно-нежно смотришь на себя
Почти что с дрожью иного пола
Полженщиною смотришь на себя

1vl o2613 Мне так мало в жизни надо
И для жизни и для смерти
Каплю маленькую надо
Каплю внешнюю для смерти

Мало надо и для жизни
Каплю внутреннюю надо
Остальное все что надо
Все приложится от жизни

1vl o2614 Жизнь живется один раз
Ждетя вечность целую
Вот и выпила как раз
Как яичко целая

Вот назад исполнен сил
Ждал ее готовился
Только Фет перехватил
Крепостник бессовестный

1vl o2615

1vl o2616 Смерть бьет нас неприятно по затылку
И ласково проводит по лицу
Мой милый мой – я говорю – Что толку?
Я говорю – ты близишься к концу

И это превосходно с точки зренья
Где ты единственно и мимолетно ты
Но ты, мой милый мой, утрачиваешь зренья

Не замечаешь этой красоты —
Я говорю

1vl o2617 Моя кожа ровно загорела
Солнцу словно зверь непобедим
Отчего же грустный я и несмел я
Своим телом вечно нелюдим

Что же свои мышцы, свои кости
Городской скрываю паранджой
От все понимающих и злостных
Но пред красотой слабых жен

1vl o2618 Пушкин был живой нахал
Можно было тронуть пальцем
Иль послать его на Ха
И с соседом потрепаться

Нас уравнивает смех
Слезы словно совмещают
Жизнь уравнивает всех
Смерть по полкам размещает

1vl o2619 Мой лучший стих я написал сегодня
И это верный знак, чтоб я затих
Иль завтра станет милостью Господней
Пустышкой сегодняшней мой стих
Так и договоримся с милостью Господней
Что будет проклят каждый прошлый стих
Что мне не будет радости сегодня
Чтоб только завтра голос не затих

1vl o2620 Я мог бы описать любую природу
И всяку промышляющую тварь
И всяку осмысляющую тварь
И всяку разну неземну природу
Но я вам говорю: скупой словарь
Приличествует смертному народу
И всяку предстоятелю народну
Приличествует выжженный словарь

Изучение воспоминания Праги

1vl o2621 Москва не кажется мне Прагой
И есть тому на то причины
Что кажется в Москве нам правдой
То в Праге – радость дурачины

А Прага ведь еще полправды
Невольно – а полдурачинна
Париж – не Мо... Москва – не Прага
У каждого на то причины

1v| o2622 Помню, помню Карлов мост
Возле Староместских мест
Возле Малостранских мест
Между ними Карлов мост
Он один на свете есть

Помню, помню Святой Витт
На Градчанах он стоит
Где другие вокруг стоят
Словно древний стоит лес
Одичавший он стоит

Помню, помню тиху Влтаву
Тиху, тиху словно деву
Набережными не сжату
Эту, эту бы мне Влтаву
В жены б мне – да уж женатый

1v| o2623 Вот и славный наш Карлсбад
Где с Тургеневым влюбленным
Здесь соседствовал Карл Маркс
Одним летом отдаленным

Тож соседствовал с ним
Гоголь, но уже в России
Мы ж соседствуем с иным
Здесь в Карлсбаде и в России

Здесь в Карлсбаде и в России
Мы соседствуем с иным
С чем – сказать я вам не в силе
С чем-то очень неземным

1v| o2624 Здесь жил Суворов Александр
Из Альпов возвратясь
В генералиссимуса сан
Прекрасный облачась

Он редкий русский, кто поправ
Знамен враждебных шелк
В Россию с Запада, но прав
И не отступая шел

Изучение сокращения гласных

1vl o2625 Лёт ммртового птаха

Над чрною житью
Он мртвел летаха
Над Влтавой жидкой

И над Пршикопом
Я зрел ту птаха
Как пел он прекрасно
Посмертно летаха

1vl o2626 Вот я птцу ли гльку ли льящу

Иль про чрвя рзмышляю плзуща
Или звря ли бгуща в чаше
Я змечаю ли дльны уши

Странно, но на все есть слово
Здесь ли в Прге, иль в Мскве ли рдимой
Даже в Лндоне – тоже слово
На естство оно первдимо

1vl o2627 Не видно ни птцы и ни врна

Ни звря и ни звриной же млости
Ни члвека ни члвеческой вльности
Отчизна на время затврна
До времени будущей млдости

1vl o2628 Ой ты рече... ой реченька бстрая

Унеси этот град эту Мскву
Словно пули прастален он встрая
К моему он приставлен вису

И тебя будут реченьку бструю
Славить будет всяк зврь и вся льства
Что снесла эту пулю ты вструю
Этот город по имени Мсква

И с тобою мы реченькой бстрою
Не заняв у соседей мстерства
Мы над грешною змлею построим
Новый город по имени Мсква

241 платонический диалог 13 эротем и частушки 1977

Предуведомление

Издание этого сборника совпадает с весьма значительным и даже не одним, а с пересечением нескольких, а конкретнее – трех, весьма значительных для любого деятеля сферы искусств, событий.

Дело в том, что... в том что... В чем же дело? Да и дело ли это! Дело ли это, говорить с читателями о своих личных делах не в рифму! Да, да, вы правы, вы глубоко правы, вы правы даже еще глубже, чем я не прав. Но вы правы про меня, а про себя неправы. К сожалению, статус органично-самопечатающегося поэта неизбежно оставляет меня в стороне от широких охотничьих троп литературоведов, а поскольку такой зверь, как поэт, жить без охотника на себя (в результате, к этому приходишь) не может, то приходится мне регулярно, из сборника в сборник, закончив очередной, натягивать поверх вонючей поэтической шкуры воротничок, манжеты и белые перчатки и выходить на не совсем предназначенную для поэта тропу в надежде поймать, уж ладно – кого другого, а то – себя.

И, в итоге, ловлю я таки себя, но не целиком и с опозданием и в невероятных страданиях, которые постороннему литературоведу не случились бы. Правда, скорее всего, возможно, по видимому, наверное, может быть, думается мне, у него свои муки. Помогите ему, Боже! Вот в чем дело. Хотя, нет, дело вовсе не в этом. Дело в том, что мне исполняется 37 лет, да, 37 лет, моему поэту исполняется 20 лет, а числу моих стихотворений – 3000, три тысячи.

Человек, проживший 37 лет, имеет право кое-что сказать, человек, 20 лет проживший в искусстве, имеет кое-что сказать о творчестве, а поэт, написавший три тысячи стихотворений, имеет право (не скажу «долг», о долге речь ниже) что-то сказать о поэзии. И в результате я (поскольку речь во всех этих эвфемизмах шла именно обо мне) высказываю довольно банальную, на первый взгляд не требующую столь массивной подготовки и, боюсь, такого количества прожитых и проработанных лет, истину. Все, что ты делаешь, должно быть необходимо тебе самому, потому что, не дай Бог, если чьими-то темными усилиями в тебя втемяшится благородная мысль, что все это нужно кому-то другому, или другим и, когда окажется (а так бывает), что это никому не нужно – то что же останется тебе? Эльба? Черная речка? Глушь степей Молдавии? Кремлевская стена?

Поэт ничего не должен народу, но и народ (что усвоить гораздо труднее, вернее смириться с этим) ничего не должен поэту. Они свободны. Именно эта свобода и связывает их и ставит на свой постамент, где они уже вместе.

Соответственно, я никогда не был служителем русского народа, русского характера, русской идеи, но только русского языка, не ведающего про всевозможные акциденции русского, но принявшего в свои мясо и кровь их яды, гормоны и панацеи, и если я тоже принял их, то единственно – через язык.

И вот так вот я прожил 37, а вернее, только 20 лет. Все, написанное мной (напомню: 3000 стихотворений, не считая поэм, пьес, рассказов, рисунков и скульптур), составляет уже собственную географию. Каждый следующий сборник должен смотреться в соответствии и относительно всех прочих, он есть отзыв на них, на их сложившуюся уже собственную культуру. Трудно, конечно, при условии непечатания требовать от читателя, которому случайно попался на глаза (имеющие тенденцию сразу узаконивать за поэтом одну определенную стилистику) единственный сборник, чтобы он представил (я уж не говорю – отыскивал) некие другие, но

трудно и не требовать этого. Потому что это должно быть так. Я пишу не отдельные стихи. Я пишу поэтическое пространство.

Сборник, представляемый сейчас нашему вниманию, сам есть маленькая модель всего моего творчества. Он состоит из трех разно-перекликающихся частей. В каждой из них нашли продолжение мотивы моего предыдущего творчества. В первой многие, известные моим регулярным читателям, темы приобрели ребристую поверхность в диалогическом преломлении. Внимательному читателю сразу бросится в глаза, что диалогов не 241 (как обозначено на обложке), а гораздо, гораздо меньше. Надеюсь, что от его внимания не ускользнет также и незримое, но реальное присутствие отсутствующих диалогов, неодинаковость и значимость лакун.

То же самое касается и эротем, где обязательность версификации словно выстраивает стремящееся быть прихотливым и необязательным содержание.

А частушки? Что о них скажешь? Они и есть – частушки.

241 ПЛАТОНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

(Я И ПЛАТОН)

Диалог № 3

ПЛАТОН Там было лето
Я Там было и это
ПЛАТОН Там было лето
Я Но там было и то
ПЛАТОН Там было лето
Я Но там было и то и это
ПЛАТОН Там было лето
Я То было где-то
ПЛАТОН Там было лето
Я Но это было здесь
ПЛАТОН Там было...
Я Ну, ну, ну!
ПЛАТОН Там.....
Я Ну!
ПЛАТОН
Я Согласен

Диалог № 45

ПЛАТОН Гражданэн, на вам нытка
Я Не на вам, а на вас
ПЛАТОН На мэнэ?
Я Не на мэнэ, а на мне

ПЛАТОН Я и говорю: на вам нытка
Я Едрить твою мать!

Диалог № 76

ПЛАТОН Широка страна моя родная
Много в ней лесов, полей и рек
Я Я другой такой страны не знаю
Где так вольно дышит человек
ПЛАТОН От Москвы до самых до окраин
С южных гор до северных морей
Я А дальше что?
ПЛАТОН Дальше – что-то неземное!

Диалог № 62

Я Скажи мне кудесник любимец богов
Что сбудется в жизни со мной?
ПЛАТОН Тебя очень скоро на радость врагов
Могильной засыплет землею
Я Так что же мне делать? Куда мне бежать
В чей край мне укрыться богатый?
ПЛАТОН Без разницы это – бежи не бежи
Другим попадешься врагам ты

Диалог № 94

Я Хочется жить и работать по-коммунистически
ПЛАТОН Ты прав, это здорово, здорово!
Я Крепя могущество нашей родины
ПЛАТОН Это здорово, ой, как здорово!
Я Крепя единство народов всего мира
ПЛАТОН Это же, это же... я больше не могу!
Я В борьбе с империализмом, колониализмом,
ревизионизмом, неоколониализмом, реваншизмом
и неореваншизмом
ПЛАТОН Ой, ой, это же...!
Я Сметая с пути врагов и предателей
ПЛАТОН Ой, ой!
Я Выявляя и уничтожая в своих рядах предателей
и изменников
ПЛАТОН Люби меня!

Диалог № 99

ПЛАТОН Если враг не сдается – его уничтожают
Я Но уничтожить – значит простить
ПЛАТОН Простить – это не значит созидать новое
Я А если создать материально-техническую базу
коммунизма
ПЛАТОН Согласен, нынешнее поколение людей будет жить при
коммунизме
Я Но жизнь дается один раз
ПЛАТОН Тогда эх раз, еще раз, еще много раз
Я Нет, нет, лучше меньше, но лучше
ПЛАТОН Разве же лучше умереть стоя, чем жить на коленях
Я А ты что думал – в этой жизни умереть не трудно
ПЛАТОН Зато сделать жизнь – значительно трудней

Диалог № 117

ПЛАТОН Вы видели его лицо?
Я Лицо мыслителя и ученого
ПЛАТОН Вы видели его руки?
Я Руки человека труда
ПЛАТОН Вы видели его грудь?
Я Грудь знаменосца истории
ПЛАТОН Вы видели его пах?
Я Пах рыцаря революции
ПЛАТОН Вы видели его ноги?
Я Ноги певца свободы
ПЛАТОН Вы все видели

Диалог № 133

ПЛАТОН Рот
Я Ротик
ПЛАТОН В ротик
Я Не в ротик
ПЛАТОН Невротик
Я Невропатик
ПЛАТОН Невропа
Я Европа
ПЛАТОН Здорово!

Диалог № 137

ПЛАТОН Род
Я Народ
ПЛАТОН Инарод
Я Инородный
ПЛАТОН Ан инородный
Я Антинародный
ПЛАТОН Антинарод
Я Тинарод
ПЛАТОН Тинар
Я Уинар
ПЛАТОН Урина
Я Урина
ПЛАТОН Урина

Диалог № 151

ПЛАТОН Причинная пагубность мира нас мучит
Я Но все одолеют герои труда
ПЛАТОН Так что кроме смерти в награду получают?
Я Прибежище возле геройства труда?
ПЛАТОН Прибежище жизни?
Я Прибежище просто
ПЛАТОН Прибежище времени?
Я В том-то и смысл
Что время имеет тенденции к росту
А труд побивает и самую мысль
О том.

Диалог № 163

Я Что есть мудрость?
ПЛАТОН Она есть семь классических поз древних мудрецов
и их же чистый ум
Я Семь классических поз древних мудрецов и их чистый ум?
ПЛАТОН Да, семь классических поз мудрецов и чистый ум
Я Семь поз мудрецов и чистый ум?
ПЛАТОН Семь поз и чистый ум
Я Семь поз и ум?
ПЛАТОН Да, семьпозиум

Я Семьпозиум? Да, симпозиум

Диалог № 171

ПЛАТОН

Я Не понимаю. Вы говорите на мертвом языке

ПЛАТОН Язык не умирает

Я Но когда на нем не говорят?

ПЛАТОН Он говорит сам с собой

Я Как это?

ПЛАТОН

Я не понимаю

Диалог № 172

ПЛАТОН $2 \times 2 = 4$

Я Зачем?

ПЛАТОН Чтобы знать

Я Где?

ПЛАТОН В мысли

Я Как?

ПЛАТОН $2 \times 2 = 4$

Диалог № 197

ПЛАТОН Как будто идет дождь

Я Как будто

ПЛАТОН Но вот проясняется и выглянуло солнце

Я Идет дождь

ПЛАТОН Снова как будто идет дождь

Я Но вот проясняется

ПЛАТОН Но вот проясняется и выглянуло солнце

Я И выглянуло солнце

Диалог № 203

Я Вот и осень подошла

ПЛАТОН Листья желтые слетают

Я Возле нашего дышла

ПЛАТОН По сравнению с Китаем

Я Потому что не во всем
ПЛАТОН Если мерить казуально
Я Чтобы было карасё
ПЛАТОН Как японцы доказали

Диалог № 241

ПЛАТОН Я долго странствовал и вот
Я Отчизны не узнал?
ПЛАТОН Отчизны не узнал
На реках я заметил лед
Я птиц заметил перелет
Я Но радует ль тебя?
ПЛАТОН Не радует меня
Я Так что же радует тебя?
Неужто ли покой?
ПЛАТОН Наверно не покой
Я Так что же видится тебе?
ПЛАТОН Какой-то край другой
Я А в чем же он другой?
ПЛАТОН Не знаю, но другой

13 эротем

1.

1v| o2629 Мужской но не конкретный член
Когда заманен в лоно входит
Помимо удовольствия он
Что в этом деле он находит

Возможно, что конец пути
В конце которого – свобода
И это дело вознести
На пьедестал иного рода

2.

1v| o2630 Это мягкое мясо вершинное ног
Где чулок окончается чистый
Это клюв разделяющий месиво ног

О, в тюрьму меня лучше, чекисты!

Я признаюсь, что был мериканский шпион
Что Кремля подготовил взрыванье
Только все позабыл я про Альбион
И той штуки забыл я названье

10.

1v| o2631 Не столько женское сколько свое
Отдельно ходяще, несущее с собой
Под юбкой прячущее, но отвое
ванное с потерей в силе живой
И это все так с отделеньем лица
И тонких субстанций по имени пять
Заведомо летучих, чтоб в теле самца
И душу самца чтобы не оскорблять

11.

1v| o2632 Как много девушек красивых
Средь соразмеренных частей
Группо-влекомо не спесивых
Под скрип ломаемых снастей

Или несет их твердый ветер
Единый обнажая пах
Когда одна за всех в ответе
Один за нас в ответе – прах

12.

1v| o2633 Чем губит женщину иной
Она всегда живет с поличным
Покуда прут почти стальной
Ей вогнан в тело неприличный

Обереги! и сбереги!
Побереги об этом чуде!
Пока на берегу реки
Лежат пленительные люди

13.

1vl o2634 Когда прекрасная отроковица
Лежит как роза и проткнул кинжал
В цвету, в соку, в крови и в сукровице
И ничего вокруг прошедшего не жаль

И в этом деле самый центр коснут
После которого – бежать, бежать
Лететь, лететь, забыть, забыть, забыться
Вернуть, родиться, быть и не узнать

Частушки

1vl o2635 Эй, Ерем, да ой Ерем!
Что же с нами будет
Коли вместе все порем
Может легче будет

1vl o2636 На дворе стоит утюг
С маленькой привескою
Ничего я не хотю
Знать антисоветского

1vl o2637 Эй вы, девки, кому рады
Аль увидели вдали
Эй, товарищ, камарада
Давай, Африку спалим

1vl o2638 Из старушкина узла
Выпала горошинка
Я всегда был против зла
Был за все хорошее

1vl o2639 На дворе ведро стоит
С мыльными осадками
Мой миленок говорит
Что не любит сладкого

1vl o2640 Как с под самой высоты
Обвалилась полочка
Ой, милая, это ль ты
Девка-комсомолочка

1vl o2641 Птичка по небу летела

Сжал мозолистый кулак
Ее маленькое тело
Головой об землю – бряк!

1v| o2642 Как два сокола сидели
На одной да веточке
Свое время отсидели
А мы теперь сироточки

Труднонаписанные стихи 1993

Предуведомление

Есть такая широко распространенная иллюзия, что стихи писать просто. Т[о] е[сть] взял, да и написал. Да, стихи писать просто, но в другом смысле. Просто писать не стихи, просто писать слова стихотворным способом. А стихи-то писать сложно. Я помню, как во дни молодости (ну, не такой уж и молодости) ходил я по какому-то залу и встретил своего знакомого Евгения Маратовича Бачурина, который вдруг отвернувшись, позвал проходящего: Дима! Подошел поэт Бобышев. – Дима, сказал Бачурин, указывая на меня – Вот тоже Дима и поэт. Ну, стихи, может, он и пишет...! – отвечивал Бобышев, глядя искоса куда-то вверх над моим левым виском. И он был прав. Теперь я знаю. Стихи писать просто, пока тобою не овладеет мысль, что их писать сложно, непереносимо сложно, просто невозможно. И вот тут надо терпеть, терпеть, пока их опять не станет писать легко. Но это будут уже не та первичная легкость, а вторичная, как легкость тяжелооперенного крыла.

1vl o2643 Всю ночь он беспробудно пьет
Под утро же стуча зубами
Он видит демонов помет
Над собой
И собственное прозябанье
Он видит
Сверло алмазное берет
Просверливает в сердце дырку
И все, что дорого – кладет
Туда
Уходит, на ноге лишь бирку
Оставляет

1vl o2644 Где кошка кошке глаз не выключет
Там множество иных проблем
Сефирических —
Как из обрывков смерти выклеить
Среди снегов
Тропинку в город Вифлеем
Прерывающуюся непрерывно
И как по признаку трехзначному
Оповещающему
Пройдя это за пядью пядь
Разъезды конные казачие
Минуя, возвращаться вспять
В Россию, естественно

1vl o2645 В немецком старом городке
В глубинке

Среди готических построек
В безумно жаркий летний день
Домой, в тенистый сад пробраться
И вздохнуть
И черной строгой униформы
Снять сапоги и китель потный
В саду на стул плетеный бросить
И вымолвить:
О, Господи, сколько работы!
Скорей бы осень
И в отпуск

1vl o2646 Я помню, на уроке пенья
Не балуя взаимный слух
Мы походили на скрипение
Уключин, испускавших дух

Но ежедневно, еженощно
От школы к школе в высотах
Перелетая, в дивный мощный
Выстраивался всем на страх
А иным на радость и восторг
Встречный гимн

1vl o2647 Зенон земную черепаху
Успокаивает:
Спокойно! я как пятью пять
Не дам ему тебя догнать
Хоть стой, хоть пяться, или праху
Хоть
Уподобься! —
Да как же, вот он нас вдвоем —
Плачет черепаха —
Сейчас... – Так это он в своем
Неистинном измерении
А в моем и твоём
Ему ни за что нас не догнать

1vl o2648 Две крапивоньки выросли
На асфальте под окошком
Прибежали злые кошки
Зубы черные, и злы
Сами-то
Съесть хотят
А первая крапивонька —
Это буду я
А вторая крапивонька —
Это будешь ты
А у нас тоже – коготочки

Не дадимся этим злючкам
Кошачевидным

1v| o2649 Два старых гомосексуалиста
Спокойно жили, содержали
Кафе
В Амстердаме
Прошли два русские туриста
И так их громко осмеяли —
Дикость какая!
Гомосексуалистам амстердамским давно уже, наверное,
не доводилось встречаться
с таким и такими —
За страну обидно
Нашу

1v| o2650 Ленин Троцкому сказал:
Ты бы сбежал на вокзал
Да и местечко заказал! —
А он и сбегал на вокзал
Да местечко и заказал
А Сталин строго наказал
Троцкого:
Зачем бегал на вокзал
И местечко заказал
В неведомое
Зачем?
А?
Политика есть искусство реального
А мне Ленин сказал! —
Не знаю никакого Ленина!

Стратификации 1995

Предуведомление

Страсть всеобщей стратификации окружающего мира сопровождает человечество с первых же его культурных вздохов. Она обретает вид мифологии, ритуалов, социальных и военных иерархий, научных и квазинаучных теорий, а также всяческих шутовских, игровых и детских табелей о рангах. Собственно, наибольшей чистоты и всеобщности в этом отношении в наше время достиг рынок с его денежным эквивалентом. В свете этого понятны побудительные причины моих слабых попыток в разрозненных областях, но в неложном направлении.

*

Датчане смеются как люди, и если их принять за 1, то англичан можно обозначить как 0,9, французов – как 0,8, швейцарцев немецкоговорящих – как 0,6, немцев – как 0,2, итальянцев же опять как 0,85, русские могут понять на 0,5, а китайцы уже 1,2, демоны их –8, демоны остальные –5, вампиры, оборотни, сосуны и вонючки –2. Про ангелов не говорится. Святые, наверное, где-то на абсолютном нуле, но в иной классификации.

Если вкусовые качества арбуза можно принять за 1, то селедке следует приписать также 1. Икре красной, в зависимости от ее склизкости, от 1,1 до 0,8. Хлеб черный 0,8. Чуть-чуть поджаренный уже тянет на 0,89. А поджаренный остывший сразу 0,7. Малина, клубника, салями, мороженое, пиво, сыр 0,91. Плавленый сыр 0,5. Взбитые же сливки 1,58. Все сжаренное на адском огне 11,59. Все утихшее, сдавшееся, успокоенное и примиренное колеблется между –0,000014 и +0,000013.

Если достоинства русской литературы обозначить через 1, то китайская потянет на 0,99. Немецкая на 0,89. Английская на 0,87. Французская на 0,785. Испанская и итальянская на 0,75 каждая. Я потяну на 0,31. Отсвет от русской литературы, могущий быть оцененным в 0,05, дает в сумме с моим личным показателем 0,36 – что совсем неплохо. Даже чистый нуль у нас, учитывая ответ в 0,05, имеет положительное значение.

Если принять кита за единицу не веса и силы, но экстенсиала образополагания как 1, то лев, в зависимости от насыщенности геральдичности ситуации, будет принимать значения где-то между 1,2 и 0,88. Крыса тоже между 1,3 и –0,3. Собака – 0,61. Кошка – 0,60. Кролик – 0,11. Русалки и лешие – –0,9. Черти – –9,3. А вот такая мелочь, как комар, тоже колеблется между 1,2 и –1,2.

Ясно, что если чему-то приписывается значение 1, то ряд, идущий, возникающий за этим, уменьшается, начиная примерно с 0,99, затем 0,98, затем 0,92 и т.д. Возрастающий же ряд будет 1,1, затем 1,11, затем 1,111, затем 1,1111. Резкий же перескок, типа 7 – будет означать, что привлечен ряд, условно встраивающийся в эту классификацию. Определение же в последовательности типа 1, затем 2, затем 3 означает расширение стратификационной стратегии до понятия всеобъемлемости.

Простота и изящество венского стула позволяют принять его за 1. Тогда все мягкие вещи будут определены в пределах от 0,9 до 0,7. Шкафы и столы от 0,83 до 0,59. Ложки, вилки, ножи от 0,98 до 0,43. А вот стеклянные изделия от 1,3 до 0,8. Фантомы могут взлетать до 5. Иные же немислимые уникумы значат 9,8. Но тут же ршутся до –5.

Иному явлению можно приписать значение 1. Но через год уже 0,8. Через 2 года – 0,7. Через 3 года – 0,65. Через 4 года – 0,58. А через 5 лет бывает и снова 0,87. А иные, бывает, и наоборот, с годами набирают значение. Через 1 год, скажем, 1,1. Через 2 года – 1,12. Через 3 года – 1,123. А иные сразу обозначаются как 7. Да так с годами и держатся.

Как правило, котенок принимается за 1. Тогда цыпленок 0,95. Щенок, козленок и жеребенок 0,89. Ребенок, птенец и теленок 0,87. Волчонок 0,33. Мышонок уже 0,12. Крысеныш и змееныш –0,71. Ведьменьш –1,2. Но бывают всякие пути, ангелочки, купидончики и амуры, они колеблются от 1,5 до 5,3.

Песок нельзя принять за 1, но скорее за 0,5. Глина и чернозем уже 0,7. Колючки и терновник 0,8. Трава и клевер 0,9. Деревья, леса, тайга и джунгли 1. Для некоторых уже джунгли и лианы, наоборот 0,8. Лес после пожара 0,6. Лунная поверхность 0,001. Адские окрестности –7. Райские долины 10. А бывают странные мечты и их превосхождения до уровня 11, по нисхождению же, несдержанию до уровня 0,00000.

Если принять себя за 1, то некоторые, являющиеся модификацией и инкарнацией тебя или просто с тобой совпадающие, могут быть обозначены через индекс 12, 13, 14. Чуть-чуть ущербные будут уже от 0,8 до 0,3. Уродливые, безобразные будут уже от 0,3 до 0,1. Ужасные, дикие и гадкие будут от 0,1 до –0,1. Унтермены будут на абсолютном нуле. А супермены будут от 1,2 и выше до бесконечности.

Если совокупление мужчины и женщины будет 1, то мужчины с женщиной уже 0,89, а женщины с женщиной 0,81, мужчины с ребенком 0,75, с собакой 0,68, с ягненком и теленком 0,52, с козлом 0,4. Минет любого рода имеет понижающий коэффициент 3. С совокуплением с инкубом –1,35. С суккубом –2,41. С ангелоподобными существами для человека 5,38. Для ангелоподобных же существ –9,99.

Если принять сезон с 365 солнечными днями за 1, то, разделив единицу на 365, мы получаем индекс каждого дня 0,00274. Теперь умножим на количество дней и вычтем результат из единицы, мы получим значение каждого сезона в зависимости от солнечных дней. Конечно, следует еще добавить температурный коэффициент. Скажем, за каждый градус от +10 до +30 – 1,2. За каждый градус ниже –5 – 0,8. И за каждый градус выше +30 – 0,4. Можно, конечно, сделать еще поправки на ветер, давление, уровень над морем и пр., и пр., и пр.

По поводу распределения значения в пределах гниения мнения расходятся.

Так качественные и численные определения процессов и фактов воскрешения затруднены из-за нерегулярности колебаний.

Попытки нахождения абсолютных значений для полнейшей всеобщности всегда интересны и не могут быть отвергнуты по определению.

Если принять запах нормального человека за 1, то запах немывтого человека будет 0,8, запах ассенизатора 0,5, запах разных парфюмов 1,1, запах говна, миазмов и прочих отходов жизнедеятельности 0,1. Запах смерти и ужаса –0,89. Запах провалов метафизических от +4 до –8. Запах благодати неопределяем.

Иглоукалывание 1997

Предуведомление

Описываемые здесь процедуры вполне напоминают сеансы медитативной и симпатической магии. Хотим обратить внимание на глобализацию опыта. Это опасно, безумно, но и маняще, захватывающе – в общем-то как и с любыми тотальными и универсальными утопиями и амбициями.

*

Человек воспитывается и проводится через ряд экспериментов и процедур так, что в результате он оказывается проекцией и даже реальной презентацией, и больше – воплощением планеты с ее членениями на страны, нации и государства, вплоть до таких мелких деталей, как отдельные дома. Так что внедрение простой иглы в точку за ухом может привести к гибели Франции, скажем, а то и целого Уральского региона и т.п. Продолжение проекта может привести к воспитанию человека, равномошного Вселенной и способности через него внедряться в нее и управлять ею

*

Те же самые эксперименты, или схожие, помогут образовать человеческий организм, синхронный, равномошный и регулятивный относительно всего времени, так что введение иглы под ногти может, например, уничтожить существование 17 и 18 египетских династий, либо татар с их иглом, либо введение иглы в паховую точку отменит будущий небывалый расцвет Ганы и Гвинеи и утвердит на их месте, скажем, Перу

*

Либо, манипулируя тем же самым, или модифицированным организмом, введя иглу в средний сустав большого пальца ноги, можно отменить закон отрицания, либо легким укалыванием в мочку уха можно одновременно отменить закон сохранения энергии и массы, а также заповедь «не сотвори себе кумира»; а иглой, введенной в надбровье, напротив, утвердить правило изометрической полноты всякого существования

Различное письмо 1997

Предуведомление

Я говорю, вы говорите, они говорят. Все, сказанное одним человеком, в конце концов, может быть понято любым другим.

*

Я пишу по-азербайджански:
Война (пишу я по-азербайджански)
Есть (я пишу опять по-азербайджански)
Кофеварка (и это пишу по-французски)
На столе (это я пишу по-армянски)
Аллаха (это я опять пишу по-азербайджански)

*

Береза (пишу я по-русски)
Осина (пишу я по-русски)
Ель (пишу я на санскрите)
Ставлю тире
И пишу сразу на всех языках: Выстрел
Хаос (пишу по-древнегречески)

*

Любовь (пишу я по-французски)
Обладает (пишу я опять по-французски)
Свойствами (пишу я на латыни)
И завершаю почему-то по-русски: Блядства

*

Кузнечики (пишу я на суахили)
Позвякивающие в ночи (пишу я на среднесирийском)

Жалуются (просто пишу)
На бесконечность (написал на каком-то, а потом
обнаружил, что это на
древнекитайском, но потом передумал и решил, что
написано на японском)

*

Пишу по-русски: Сволочи!
Пишу снова по-русски: Гады!
Пишу по-английски: И что?
И опять пишу: Дорогие мои, неужели непонятно?!

*

Не треба (начинаю я стихотворение на украинском)
Батьку (продолжаю я по-украински)
Саблей (на общекавказском)
Рубати (на древнеславянском завершаю почему-то все это)

*

Снежинки (пишу я, изображая по-русски и одновременно
по-японски)
Летающие в осеннем воздухе (это уже чисто по-японски)
Напоминают (это по-простому)
Мне (пишу на некоем что ли личностном)
Меня (пишу и произношу в абсолютном молчании)

*

Афина (говорю я по-древнегречески)
Бела (пою наподобие Сафо)
Как (пишу просто по-гречески)
Пена морская (возвращаюсь опять к некоему условному
древнегреческому
впрочем, необязательно)

*

Смерть (пишу я, вычитывая из Библии на иврите)
Говорит (пишу я)
Устами (пишу я)
Безумия (пишу я на иврите)

*

Девушка (начинаю я по-русски)
В косынке (продолжаю я деревенским русским)
Цвета (определенно по-русски)
Выцветших российских небес (все так же завершаю я)

*

Орел (записываю я по-немецки)
Обитает (пишу я по-древнегермански)
На вершине (пишу я на языке неземных скальдов)
Небытия (завершаю в задумчивости)

*

И все-таки, и все-таки (восклицаю я по-итальянски)
Нигде не утверждайте (пишу я вдруг почему-то коряво
по-детски)
Что мы (пишу на расширенном русском)
Обречены (по-ангельски, по-ангельски завершаю я)

*

Все (я это пишу на языке, несомненно, могущем быть
опознанным как русский)
Обозначено (пишу по-русски, но латиницей)
Стоянием (пишу, пишу с неожиданными добавлениями
неких знаков и конвульсий,

могущих быть опознанных как язык немых, пантомимы,
порывов ветра,
шума растревоженных веток, стремительного
набегания туч с промелькиванием
молний и дальними раскатами
растревоженного грома)
На твердом месте (пишу как угодно с возможностью
пересказа на каком угодно
и где угодно, да и ладно)

ПРИГОДНЫЕ МЕСТА

**Из девяностошестикопеечной тетради
(Дабл сборник)
1976**

1vl o2651 Кабан откапывающий корни —
Он в наше время символ веры
Не в смысле басенно позорном
А в смысле Гамлета позорном
И в смысле Иова примерном

1vl o2652 Очень трудно быть красивым
На глазах у всей вселенной
В этом случае быть красивым
Значит быть той всей вселенной
Да, но и не быть красивым
Значит тоже быть вселенной
Это значит быть красивым
В стороне от всей вселенной

1vl o2653 Индус не ценнее китайца
С китайской глядя стороны
Но со стороны европейца
Так оба не очень ценны
Но со стороны пролетарской
Так только их части ценны
А со стороны христианской
Мой Боже, скажи, что ценны

Китайцы

1.

1vl o2654 Они так верно нам служили
Китайцы желтокожие
И несмотря мы с ними дружили
На то что желтокожие

Теперь они все Мао служат
Китайцы желтокожие
И с нами яростно не дружат
Видать что желтокожие

Не будут снова нам служить

Китайцы желтокожие
И будем снова с ними дружить
Пусть что желтокожие

2.

1vl o2655 Китайцы нас не хотят любить
И за дело, и за дело
Потому что нету дела
За которые нас любить
За которые ж нас любить
Если будет это дело
Ну тогда другое дело
Китайцы будут нас любить
Будут нас все тогда любить
И за дело, и за дело
И за это самое дело
Будем сами себя любить

1vl o2656 Осень стонет как злодей
Возле каждого забора
А действительный злодей
Он идет вдоль забора
Ручками, ножками он играючи
И не чувствует тот злодей
Осень жизни начинаючи
Что один он среди людей

1vl o2657 Как посыпал этот снег
Все мы были словно в сне
Потому что только в сне
Может сыпать такой снег
Когда же отходили к сну
Ветер гнул одну сосну
Может и не одну сосну
Да мы отходили к сну
Когда ж проснулись от сна
Местность дьявольски ясна
Как у дьявола ясна
Показалось от сна
Тут же и пропал весь сон
Жизнь катилась колесом
Поверх снега колесом
Это был уже не сон

1vl o2658 Я вижу веселых китайцев
У честного моря Янцзы

И силою слабжих малайцев
И птичий вьетнамский язык
Я вижу больших европейцев
В среде ими зачатых бед
Живых все еще иудейцев
Арабов едящих обед
Я вижу россиян живущих
Среди равномерных снегов
И американцев жующих
Жевачку для мощи зубов
Я вижу густых африканцев
Всех не охарактерзовать
Но все они мне открываются
И в глубь, и на дух, и на пядь
Они все носимые ветром
Беда коли нету корней
Живут над землею на метор
И счезнут не живши на ней

1vl o2659 О, мясо сладкое сограждан дорогих
Оно вкусней германцев недешевых
И мериканцев двутридорогих
И негритянцев уж для всех дешевых
Такая наша строгая страна
Себя вкусила памятно она
Как и не снилось ни одной стране
И не проснулась – значит не во сне

1vl o2660 Кто это там едет
На Волге-Победе
Куда это едет
Он в славе-победе
Ту Жуков он едет
На старой Победе
Неузнанный едет
Он к смертной победе
Все едем мы едем
На Форде ль, Победе
Как маршал мы едем
Неузнанны едем
К погибель-победе

1vl o2661 Как огромный вентилятор
Овевают эти крылья
И торопятся те крылья
Как бесшумный эскалатор
Как живой аккумулятор
Содрогают эти крылья
И ссыпают эти крылья

Нас в подземный элеватор

1vl o2662 Такая рожа – просто грех
Смотреть и радоваться жизни
Но жизнь дарована на всех
Во всей своей дороговизне
И это милое лицо
Чувств вызывающее бездну
Вдруг в ужас бросит. Вот лицо
Вот рожа. А вот третья бездна

1vl o2663 Вот что я скажу вам, товарищ Сабуров
Чем стих о погибнувших в гражданской войне
Хуже стиха будет о погибнувших бурах
Ясно-то ясно оно, да ясно не вполне

И вот что ответьте вы мне, товарищ Сабуров
Чем стих о прекрасном нечтом во внутри и вовне
Лучше стиха будет о погибнувших бурах
И погибших в недавней но гражданской войне

И вот что еще ответьте мне, товарищ Сабуров
Чем прекрасное нечто, прекрасное вполне
Прекраснее погибнувших будет прекрасных буров
И прекрасных погибнувших тоже, но в гражданской войне

1vl o2664 Товарищ, товарищ, мой конь боевой
Мы много с тобою гуляли с тобой
Мы брали Каховку
Мы брали винтовку
Чем крепче мы брали винтовку
Тем жутче мы брали Каховку
С того нам и страшно с тобою, с тобой
Товарищ, товарищ, мой конь боевой
Советский товарищ, мой конь боевой
Мы близимся к смерти с тобою, с тобой
Все чудится жизнь
С огнями коммунизма
Чем ярче огни коммунизма
Тем кратче становится жизнь
Куда же мы скачем с тобою, с тобой
Российский товарищ, мой конь боевой

Искусство графического портрета

1.

1vl o2665 Кожа мышцы уплотняя
Овекает наши кости
Ощущенье создавая
Завершенного портрета
Некьего подобья света
Некьего смиренья страсти
Отторгнвения теней
Без которых жизнь – лишь краска
А познание – раскраска
А страдающий – злодей

2.

1vl o2666 Разве борода, волосы —
Знаки внешней нам красы
Разве могут быть темней
Однородных нам страстей
В виде въедливых теней
Словно выбросы костей
Залегающих в глазницах
И корябающих лица

3.

1vl o2667 Чем упорнее перо
Хочет вырваться с бумаги
Тем бесстыднее оно
Наподобье некой влаги
Мочит и ее коробит
По закону правдподобья

1vl o2668 Посередине улицы
Стоит милиционер
Не плачет и не хмурится
И всем другим пример

Но кто возьмет ответственность

Что он не входит вдруг
Вот в этот миг ответственный
Во ада первый круг

1vl o2669 Я как-то на Красную площадь зашел
Влеком патрьятическим чувством
Как прежде я Красную площадь нашел
И Кремоль исполненный чувством
Исполненный страшным искусством
Василий Блаженный стоял, я нашел
И дальше, и мимо, и боком пошел
Влеком возрастающим чувством

1vl o2670 Снег идет три дня подряд
На корню у почвы тает
Горожанин – рад не рад
Сельский житель пострадает
Труд народный пострадает
Зверь весь норный пострадает
Водоплавающий – рад
Будет, коли снег весь стает
Что идет три дня подряд
И безумный тоже рад

1vl o2671 Вот избран новый Президент
Соединенных Штатов
Поруган старый Президент
Соединенных Штатов
А нам-то что? – ну Президент
Ну Съединенных Штатов
А интересно все ж – Президент
Соединенных Штатов

1vl o2672 Изучена ваша наука
Изучена наша наука
И третья... да вот в чем вся штука:
Выходит занятная скука
Вот здесь бы поверху науки
Искусству и карты бы в руки
Да слишком тяжелые штуки
Ложатся на нежные руки

1vl o2673 Вот розы нежные лежат
В водою полной ванне
Свет электрический, а они
Как будто бы в тумане
И губы все мои дрожат
О, Господи Иисусе
Я нарисую их сейчас

И может быть спасуся

1vl o2674 Я славы искал, но я был не готов
Я взял тогда книгу старинных стихов
Прочел я, но чувствую: нет, не готов
Я книгу тогда современную взял
Внимательно тоже ее прочитал
И чувствую: вот, наконец я готов
Сказать пару тех призывающих слов
Сказал я, но чувствую: нет, не готов

После ночного разговора с друзьями

1vl o2675 Вот вся вымыта посуда
Слы... не слышно пересуда
Ви... не виден огонек
Близкий час еще далек
Но страна у нас большая —
Так себя я утешаю
Так на точку зренья став я
Изучить коль географию
Не понять у нас в стране
На свету она ль, во тьме
Да что всматриваться толку
Лучше уж посуду с толком
Мыть... А тянет все взглянуть —
Вот предательская суть

1vl o2676 Варфоломеевская ночь
Утра нашей родины
Грешного народины
Слову не прикажешь – прочь!
Коль оно пришло из смысла —
Ни прибавить, ни отнять
Стоят голые, как числа

1vl o2677 Час спасения людей
От возвышенных идей
Час вселения в людей
Первобыточных зверей
Полных радости дверей
Дверь одну откроешь – радость
Дверь другу откроешь – гадость
А все – радость для людей
Полных с юности идей

1vl o2678 И то не влазит в стих, и это

А все не видно вырожденья
Видны прозвания предметов
И указания движенья
Стих есть не форма выраженья
Но только форма порожденья

1vl o2679 Она вошла и выпустила все
Что прежде руки крепко так держали
Слепое все, заснувшееся все
Но по значенью равное державе

Жизнь кончилась и началась беда
И я как из учебника портретом
Смотрел на все грядущие года
И на нее из глубины портрета

1vl o2680 Во времена коллективзацы
Индустриализации ль
История, могло казаться
Обратную имела цель

Нам сложно было веселиться
Но сверху эти слезы – чьи?
Там Ягве выбрал ассирийцев
Народ любимый проучить

1vl o2681 Я изучал как грамотей
Пристрастия детей
Как осторожный крысолов —
Обязанности слов
Но был медлительн грамотей
Обманут крысолов —
Я так и не познал детей
А вместе с ними слов

1vl o2682 Здесь ассирийцы – прошедшего немцы
Здесь проходили и строили козни
Всех их песком позасыпало поздним
Всех нас песком позасыпало немцев
Страшных и строгих как ассирийцев
Нам бы вдали бы песков поселиться
Но коли немцы, коль ассирийцы —
Некуда деться нам где б поселиться

1vl o2683 Муза хоккея с крюком и фанфарой
Над стадионою машет крылом
Кто там – лапифы там, или кентавры
Инки ли там во главе с Третьяком

В ней безотчетливая нега
И злая женска сила

И вся природа ей под стать
Без умысла стоит
Мне тоже предстояло стать
Вопрос еще стоит

1vl o2689 Больше-просторно логовище льва
Он ходит взад-вперед, туда-сюда
И нет соперни-недрузгов для льва
А кто не лев – тот тихонько сидит
Но птичка наверху гнездо свинтит
Гнездо свинтит и рядышком свистит
Но не сидит, а в воздухе висит
Над самой головой-башкою льва
Головкою вертит туда-сюда
Туда-сюда и взад-вперед вертит
Вот так всегда – вертит кто не сидит

1vl o2690 Я пускай белье стираю
Я пускай обед варю
Я все время повторяю:
Жизнь, я так тебя люблю
Я пускай белье варю
Пусть обед я повторяю
Я все время говорю:
Жизнь, я так тебя люблю
И обед я так люблю
И белье я так люблю
Жизнь, тебя я повторяю

1vl o2691 Ягненок к речке вышел для питья
И волк с затылку подошел к ягненку
Ты нарушаешь правила бытья —
Промолвил – это ясно и ребенку

О, боль какая в образе ягненка!
И в волка образе какое бытие
Какое назидание ребенку
То самое, но мудрости питье

1vl o2692 Тебя Господь из клеточек прекрасных
Сложил на удивление и тишь
И вот ты улыбаешься стоишь
Не подзревая сколь же ты прекрасна
Меня на промышленение сложил
Из властвующих мысляющих жил
И я стою и понимаю: ты прекрасна

Когда б не ты – Господь со мной не жил

1vl o2693 Вот я подобен ли Изекиилю
Я самолет гляжу летящий в небе
И понимаю: это небыль, небыль
И отделяю от такой же были

Или подобен я сижу Ионе
В кита огромно-незаметной пасти
И понимаю: это вечность, вечность
И отделяю их от просто время оно

1vl o2694 Знакомы аллеи старинного парка
По детству проведенному рядом с ним
Здесь в детстве стояла знакомая арка
А после – вазон и дитя рядом с ним
А после – ларек и народ рядом с ним
И дворник в аллеях старинного парк
Сбирал свои листья и рядом с ним
Ходило дитя по прозванью Тамарка
А после – Тамара Иванна и с ней
Дитя непонятное, с виду – еврей

1vl o2695 И станкофрезерный рабочий
Крестьянка с рожью и серпом
Любой начальник, зам и пом
И труженик на ниве прочей —

Кто здесь нужней и кто опасней
Кто меньше делает вреда
И кто осмелится, когда
Момент представится прекрасный

1vl o2696 А вот Москва эпохи моей жизни
При коммунизме и социализме
Что спутаешь – когда же при царизме

А вот Москва эпохи моей славы
Полславы слева, а полславы – справа
И прочая и прочая приправа
Опять же – половина слева, справа

А вот Москва эпохи моей смерти
Над моим телом в земляном конверте
Над моей славой в неземном конверте
Над моей жизнью и опять в конверте

1vl o2697 Парафинная времени тога
Оплывает у жизни итога

Да и жизни итог – этот...
Тоже вроде бы как парафин
Кто же строгий лепщик парафина?
Знаю, знаю... А все же – Афина

1vl o2698 Морозное время стоит по Москве
А может быть время морозно?
Иду погулять я в соседственный сквер.
Все невыносимо серьезно
Ну, так двенадцать серьезно
Что хоть одной мыслью гуляй по Москве
Всем прочим – гуляй где придется

1vl o2699 Уже так тонко пахнет февралем
Хотя еще декабрь, еще не время
Еще не пахло даже январем
И даже больше – только ноябрем
Отпахло, только-только время
Растаяло где пахло сентябрем
И августом и прочими. О, время!

1vl o2700 Вот плату повысили низшим рабочим
И служащим нашей страны
Пусть я не рабочий, я рад между прочим
Хоть цели их явно видны

И дело не в плате, дай Бог, разгорится
Из этого радость людей
И выйдет как белая общая птица
Одним перекрытием дней

1vl o2701 Он видит сон: жена уходит
С каким-то юношей младым
Она по комнате все ходит
Он ж слов достойных не находит
Она же ласковая с ним
Младого ж юношу-еврея
Как будто даже попрекает
На покидаемого ею
Так поучительно кивает
Какий-то вещи собирает
Он ж ничего не понимает
Он ждет единственный тот жест
Который скажет – это шутка
Но жеста нет, а ужас есть
Ему становится так жутко
И очи застилает дым...
Он просыпается, находит:
Жена стоит, она уходит

С каким-то юношей младым

1vl o2702 Вот всякий зверь бежит из леса
И лапою потусторонней
Играет как дитя Зевеса
Он людям так в ответ устроен
И он без умысла настроен
И встречи этот миг подстроен
На этом мире наш и построен

1vl o2703 Я как-то вышел в мир зимой
Был зимний мир подобен свету
Под зимним светом мир земной
Потусторонним слыл приветом

А вот бесстрастная луна
Она знакома разве ж с страстью!
Бесстрастно смотрит в мир она
И мир поит своим бесстрашьем

И мир зимы и мир луны
Слагались в совокупный холод
Кто молод посреди зимы —
Тот под луной тем боле молод

1vl o2704 Мой дом совсем не моя крепость
Он просто слабый-слабый дом
И каковая ж его крепость —
Он так безумно заселен
Он так бездарно заселен
Сплошь-сплошь, как не бывает крепость
А кооперативный дом

1vl o2705 Да, время – сумчатый злодей
То есть оно с огромной сумкой
Куда собирает всех людей
Всех умных и всех недоумков
А мы-то самых недоумов
И не считали за людей
Но всех уравнивает сумкой
О, время – сумчатый злодей

1vl o2706 Я не лечу, но думаю как птица —
На коем камне крылышки сложить
Так трудно незамеченным служить
В подкомитете даже и столицы
Но я как птица – крылышки сложив
Никто не догадается, что птица
Пройдет, бывало, мимо полстолицы —

Никто не догадается, что жив

1vl o2707 О, дерево, краса моя, приди!
Прижмись ко мне своим прекрасным телом
Как белорыбица ты задрожешь всем телом
И задохнешься в молодой груди
Тебе причин сожительствовать нету
Ты в полусне, понять чтоб что к чему...
Коль не дерево не идет к Магомету —
То Магомет идет-спешит к нему.

1vl o2708 Но могила – не бессмертье
Как себя ни убеждай
Разве самая нужда
Уличит ее в бессмертье
Но могила есть могила
Так ее и понимай
Не пытайся ее силой
И на слабость не пытай

1vl o2709 Какая-нибудь клеточка у тела
Вдруг распахнется вдруг и я умру
Она нечаянно, она ведь не хотела
И я ведь не хотел, но я умру
И будет ровно тыща девятьсотый
Семьдесят – Господи, какой же это год?
И я взойду на следующие высоты
И буду знать какой же это год

1vl o2710 Приказ мне снился по родной стране
Чтоб все нам чуждые по плоти и по духу
Сгорели все в карающем огне
Подверглись очистительному духу
И все пошли пошли пошли пошли
Пошли пошли пошли и гнули шеи
И на огонь карающий взошли
Остались лишь продукты Москвошвея

1vl o2711 Я долго буду жить в народе
И буду знать: вот здесь народ
Потом буду лежать в природе
И будет греть меня природ
Народу странной я породы
Природ ж плевал на мой пород
Плевал он и на мой народ
Он жив ему наоборот

1vl o2712 Прекрасная где-то погода
И в чем-то прекрасная мысль

Я думал над этим полгода
Казалось – только возьми
И станется эта погода
И эта прекрасная мысль
В ту боле прекрасную мысль
Где мысль не нужна – коль погода
Погоды не нужно – коль мысль

1vl o2713 Тройка мчится, тройка скачет —
Так куда же она прискачет?

По небу полуночи ангел летел —
Так куда же он прилетел?

И свет во тьме светит —
Так кого же он осветит?

1vl o2714 Как странно этот мир устроен:
Вдруг брови выросли – зачем?
И уши выросли – зачем?
И нос так вычурно устроен
И мозг – он тоже ведь устроен
Он говорит: зачем? зачем?
Зачем мы мучимся? зачем?
А ни за чем – просто устроен

Орфей

1.

1vl o2715 Когда Орфей в аду играл на скрипке
Он был подобен Рихтеру на сцене
Последний правда не играл на скрипке
А первый не играл зато на сцене
Во всем ж другом подобия несть счета —
Игра и ад, и неземное что-то

2.

1vl o2716 Когда Орфей в аду играл на скрипке
Там наверху в саду играл другой
И льнули все к нему все женские улыбки
А там внизу – не сыщешь и одной

Иди наверх, Орфей, играй в саду на скрипке
Другой нас не заменит, он – другой
И будут льнуть к нам женские улыбки
А та одна? – да черт с ней с той одной

3.

1vl o2717 Когда Орфей в аду играл на скрипке
Все понимали: так не проживешь
Так можно – нотабене иль постскрипту
Но целиком? за здорово живешь?
Ах ты шутник – знать здорово живешь:
В аду играешь, в нем же и поешь

1vl o2718 Небо с утра позадернуто тучами
День по-особенному неуютн
Мучаюсь так я, как будто бы мучают
Словно бы жить на земле не дают
Кто не дает? Все дают понемножечку
Этот дает и вот этот дает
Так проясняется все понемножечку
Время проходит, да жизнь не идет

1vl o2719 Кто есть кто и кто есть что —
Проследим параллелизм
Пушкин – это просто Пушкин
Ленин – это ленинизм
Да к тому же – коммунизм
Да к тому ж – матерьялизм
Всякий прогрессивный изм
Пушкин рядом с ним – ничто
Вот тебе и кто есть кто
Вот тебе и что есть что

1vl o2720 Как облетают быстро молодости листья
Как молодости ветки сламваются скоро
Как эту улицу мы пербежали быстро
И я гляжу на всех с одним укором
В отдельности никого в том не виня
Что мы здесь стараемся день ото дня

1vl o2721 Тот ангел был как этот падший снег
Все валит вниз – знать где-то совершилось
И вдруг одна снежинка – шась наверх
Так что-то в нем тогда зашевелилось
И вверх взлетело б, каб не этот нигиль
Но

Оставим ангела, поговорим о снеге

Болевые точки 1978

Предуведомление

Строчки, следующие сразу за предуведомлением, которых ради и возникло оно, не являются начальными строками неосуществленных стихотворений, не цитатами, не коллажами, не... В общем, ясно, что они «не», но что же они «да»? В этом-то и вопрос.

Всегда существовала мечта о некоем роде писания, большего, чем писания, в котором бы жизнь говорила сама, а не была бы разыграна в масках слов и приемов. Но, очевидно, это и останется вечной мечтой. Порой ее исполнением представляется введение в строгое общество литературных правил новых приемов и интонаций. Но очень скоро, если их не удастся выпереть из приличного дома, они приручаются и становятся своими людьми. А все хочется не рядиться в зверя, а вроде бы открыть дверь и будто бы выпустить якобы настоящего зверя. Сначала, чтобы поверили, что настоящий, достаточно было назваться зверем. Потом потребовалась маска, потом шкура, потом пришлось и запах подпустить, воню подвонять. И ко всему привыкли. И так и надо. Кому нужны среди шахмат настоящие королевы? А все хочется выпустить на сцену настоящего льва, или дога, или осу хотя бы.

Но какое отношение все это имеет к небольшому количеству слов, помещенному в конце сборника?

Для поэзии в жизни существуют три реальности: эйдиум, психиум и ситуативность. Существуют и три, соответственно, способа привода их в поэзию – размышлительный, переживательный и описательный. Принято, что самый объективный, незаинтересованный в интерпретации – это описательный. Но, наверное, адекватным (то есть, когда будто бы жизнь говорит сама) для эйдиума является размышлительный метод, для психиума – переживательный, для ситуативности – описательный. Естественно, что в жизни ни этих реальностей, ни этих методов в чистоте мы не находим, они определяемы лишь акцентацией. Для чего же их нужно вычленять? – Просто по-другому я не умею.

Темой этого сборника является ситуативность. Но вместо описаний ситуаций и положений я попытался отыскать их, как бы это выразить – болевые точки, нервные узлы, прикосновение к которым вызывают боль, судорогу во всем теле ситуации.

Эти фразы и словосочетания не есть резюме или венец ситуаций, они есть их интонационные центры. Некоторые фразы являются пограничными, ключами перевода из одной ситуации в другую.

Так, например: «Я вас лично об этом прошу» – является медиатором между сферой личного и общественного. Обратнаправленной фразой является: «Не имею права». Слова «в этой жизни» стоят на границе между реальным и загробным. Фраза «Подумаешь!» является ключом ситуации перевода из одной системы ценностей в другую. И тому подобное. Ну и, конечно, все они вместе являются некой целой картиной ситуативности жизни.

Очевидно, что всякая поэзия есть реконструкция жизни, соединенная с ней узкой горловиной поэтического преобразования. В данном случае, как упоминалось выше, предпринята попытка как можно больше расширить эту горловину, понеся потери в строгости отбора и четкости реконструкции.

1vl o2722 Начинаем, товарищи
Вот он!

и дальше не последовало...
само собой разумеется
В этой жизни
Это выше...
Это
разумеется, но не в данном случае
В последний миг
Последний миг
Последний

1vl o2723 Что вы говорите!
Что вы!
Что?
если получится
Открывается неприглядная картина
Что ты этим хотел сказать?
Что ты?
Что?
А что я мог сделать?
Я вас лично об этом прошу
Не имею права

1vl o2724 Подумаешь!
Если бы знать раньше
Если бы
Если
Не в том смысле
Не в том
Не
не наше
И не надо
Считаю закрытым

Весьма нищенские утешения 1980

Предуведомление

Весьма нищенские утешения. И вправду: нищие образы, нищие рифмы и размеры, нищая фразеология, нищий словарь. Все это было бы весьма милым и занимательным декоративным курьезом, когда бы эти стихи не являлись единоутробной дитятей нашего нынешнего языка и языкового мышления, которые даны нам здесь и сейчас и которые должны прожить, как судьбу, честно, нечужеродно, с прислушиванием и угадыванием.

С точки зрения возвышенной словесности можно было бы, конечно, деликатно не замечать этого нищенства, когда бы не его далеко нешуточные претензии. Как, впрочем, и у этих стихов.

1v1 o2725 Вот он слышит бурчание будто в желудке
Но чувствует, что и не там
И беспокойство чудное и жуткое
Овладевает им.

И он напрягается и усилием воли
Определяет, что это в трубе
И вытеснив из себя это дело
Успокаивается вполне

1v1 o2726 Когда обожаешь Отчизну
То ясно ее представляй
Как деву, как мать, как могилу
И вслух про себя повторяй:
О, дева! О, мать! О, могила!
О, могила, О, дева! О, мать!
И все станет не то чтобы ясно
Но истинно, коль повторять

1v1 o2727 Когда твой враг к тебе приходит
Так и скажи ему: Мой враг
И вы почувствуете вдруг
Такую ясность в обиходе

Твой враг – он птица вороная
А ты – ты тоже, тоже птица
Под вами древняя столица
Вы бьетесь в небе – не на земле же

1v1 o2728 Когда я говорю: рабочий
То представляю я рабочего
И среди разного и прочего

Его не спутаю я с прочим

Его не спутаю с крестьянином
Когда же нужен мне крестьянин
То просто говорю: крестьянин
И представляю я крестьянина

1vl o2729 Любите волосы свои
Как я их полюбил
А то бывало не любил
И повылезли они

Так все неотвратимо гибнет
Забыв себя любить
Но хуже всех народы гибнут —
Их некому любить
Ведь не другому же народу
К примеру, вот американцам
Нас взять да полюбить

1vl o2730 Когда приходит врач в халате белом
Он – ангел, даже если и не так
Когда он занят своим тайным делом
Ты со своим ему открытым телом
Ты для него – случайность и пустяк

И ты его не должен опасаться:
Со смертью ты связан в небесах
Он подтвердить пришел и расписаться
И кой-что взвесить на чужих весах

1vl o2731 Орел кладет мне руку на плечо
А на другую лев кладет мне руку
Товарищи мои! – такая жизнь!
Товарищи! живем в такое время!

Иначе нам, товарищи, нельзя
Иначе нам, товарищи, не сбыться
Иначе не родить нам голубицу
Которая, товарищи.....

1vl o2732 Когда мне было лет немного
Был помню праздник Первомай
Я был дитя, был месяц май
Кругом народу было много
Кругом я помню был народ
Я был в матросочке хлопчатой
Дитя – он праздником живет
Пусть даже это смерть чия-то

1vl o2733 Товарищ! товарищ! не надо болеть!
В такие минуты сжимается жизнь
Почти вполонину, а после на треть
А после горошинкой в теле лежит
Пока ее там не нащупает смерть
Но скажем себе мы: товарищ! товарищ!
Не надо, не надо, не будем болеть!

1vl o2734 Вот скажем лицом я в Китае
А затылком – в СССР
Там солнце встает, там светает
А здесь волосы густо растут
Вот лицом перебегаю на Запад
И ложится на него чужая тень
Поражает его чуждый запах
А здесь – снова волосы густо растут

1vl o2735 Когда бы у моей постели
Поэт поклялся молодой
Как у Некрасова постели
Белинский клялся молодой
Или у Пушкина постели
Лермонтов клялся молодой
У Маяковского постели
Есенин клялся молодой
Или у Ленина постели
Так Сталин клялся молодой
Я б умер с легкою душой
Да некому теперь поклясться
Вот и приходится самому до старости жить

1vl o2736 Сидит на небе ворон-птица
А под землей – лежит мертвец
Друг другу смотрят они в лица
Они друг друга видят сквозь
Все, что ни есть посередине
О ты, земля моя родная!
Меня ты держишь здесь певцом
Меж вороном и мертвецом

1vl o2737 Обещаю быть красивым
Обещаю быть счастливым
Обещаю быть бессмертным
Вечно юным-молодым

Но и вы мне обещайте
Всем народом обещайте
Всей Вселенной обещайте

И с детишками своими
Что полюбите меня

И тогда наступит счастье
Мое счастье – ваше счастье
Ваше счастье – наше счастье
Наше счастье – выше счастья
Нету счастьяев иных!

1vl o2738 Возьми и сделай так, чтоб было
Как будто сделано давно
Как будто сделалось само
Как будто до тебя так было

А сам гуляй как будто весел
Как будто это кто другой
Как будто не тебя подвесил
Народ законною рукой

1vl o2739 Если смерти не бояться
То не так прекрасна жизнь
Потому бояться смерти
Жизненный закон велит

Так и ты вот – бойся смерти
Ну а сам смотри вперед
И представь что смерть вся сзади
Хотя смерть вся здесь вокруг

1vl o2740 Кто полюбит щас меня —
Тому высшая награда
Потому что это надо
И это надо для меня

Перед правдою народной
Будет он герой народный
Потому что это так
Потому что надо так
Потому что нравится он мне
Или она

1vl o2741 Я жил нехитро – Бог прости! —
Покуда не решил
Столицу куда-нибудь на юг перенести
Решил – и перенес
И много чего перенес
Поскольку уж решил
И все это по мере сил —
Столица-то не основное

1v| o2742 Вот к вам дождик затекает
Это я его наслал
Я подумал: что б такое
Сделать – и его наслал
Поначалу я подумал:
Бурю может быть наслать
Но потом я передумал
Дождичек решил послать

1v| o2743 Я всю жизнь свою провел в мытье посуды
И в сложении возвышенных стихов
Мудрость жизненная вся моя отсюда
Оттого и нрав мой тверд и несуров

Вот течет вода – ее я постигаю
За окном внизу – народ и власть
Что не нравится – я просто отменяю
А что нравится – оно вокруг и есть

Позитивный сборник умеренной радости 1983

Предуведомление

Всегда хочется сказать в стихе, да и во всем творчестве в целом, явить, так сказать, в своей поэтической позе нечто позитивное, положительное. Но в то же время нельзя себе позволить оскорбить и ту часть мыслящего и глубоко чувствующего населения, да и просто, непрерывную часть самого себя и любого смертного существа, которая пристально всматриваясь в жизнь замечает ее неизбежную конечность и тленность и мужественно, с пониманием Высшей воли на то, принимает это как истину мира сего.

Именно этим и объясняются все оговорочные определения, смиряющие прыть безудержного буйства слов «радость» и «уверенность в жизни».

1vl o2744 Отчего люди рисуют
6211⁷ Или беспробудно пьют
Жизнь их не интересуется
Жизнелюбия бегут

Кабы интересовала
То ходили б просто так
Всматриваясь в цветок
Или в лозунги, нимало
Не задумываясь

1vl o2745 Когда в райсовете по случаю был
6219 Одну райсоветочку там полюбил
Я ей говорил: Вы начальство, едрить
Не можете в чем-либо мне пособить?

— Нет, нет! Я закону навек предана! —
Ну, нет — так и нет, а на что мне она
Такая

1vl o2746 Птицы весело поют
6248 В небе поднебесном
А и следом разный люд
Распевают песни

Жизнь идет. А ведь вчера
Думалось: Кончаемся!
Конец света! Все! Ура!
Как мы ошибаемся
Однако

⁷ Авторская нумерация (Прим. ред.)

1vl o2747 Здоровых и веселых

6255 Они нас любят все
А только заболел —
Уже никто не любит
Так буду я больным
И мрачным-невеселым
Пускай меня не любят
Я сам их не люблю

1vl o2748 Всюду мясо женское летает

6274 Просит одевать-любить его
От души бывает отлетает
А душа не просит ничего
Потому что голая душа
Женская – безумно хороша

1vl o2749 Возле вашего подъезда

6299 Всякой твари посреди
Вышел ангел полуместный
Посидеть – ну, посиди
Потому что всяко место
Всякой сущности пригодно
Нам судить их неспособно
Им судить нас – Бог прости
Их

1vl o2750 Вот лучатся недра-воды

6340 Свет струится неземной
Средь ослабленной природы
Всяк кусочек – золотой
Всяк кусочек наг и чист
А вот этот – коммунист
Ну и что, что коммунист
Тоже, тоже золотой
Глядячи-то

1vl o2751 Вот голая идет красавица

6366 Среди ослабшей государственности
Ей всё это конечно нравится
А мне это не то что нравится
Да и не то чтобы не нравится
Меня все это не касается
Ну разве только в смысле нравственности
И в смысле нарушенья нравственности
И проявления безнравственности
Среди ослабшей государственности
А так мне всё конечно нравится

1vl o2752 Проступайте не во мне
6389 Человеческие боли
Чтобы стал я поневоле
Мерзопакостным вполне

А то вот живу как кошка
Много вижу, мало ем
Скоро мудрый уж совсем
Распластаюсь вдоль окошка

1vl o2753 Как любил я вас, мать же етить
6409 О, прекрасные европейки
Как увижу – так сразу любить
На поверку же – все вы японки
В смысле, Азия: Где ни возьмешь их —
Мясо желтое под белой кожей
Течет

1vl o2754 Мы не от страшных ран порем
6419 Конечно ежели порем
Но так как все же мы порем
Выходит, мы порем от ран
Нестрашных

1vl o2755 Вот живет антисемит
6425 Книги русские читает
Ну, а рядышком семит
Книжки тежие читает

Правда, вот антисемит
Чувствует намного тоньше
Но зато в ответ семит
Мыслит немного тоньше

А над ними Бог живет
Всех у нее их и тоньше
Так что пред Его лицом
Кто умнее тут? кто тоньше —
Я

1vl o2756 Когда в Никарагве проездом я был
6427 Одну никарагвку себе полюбил

Была в ней к свободе жестокая страсть
Так что с минометом ложился спать

В сердцах воскричал я ей:
О, вот минетчица
Хотя бы была ты, а то – минометчица

На кой я тебе!

1vl o2757 С краюшку состава еду
6438 Аж пятнадцатый вагон
Хорошо – коль опротивит
Можно и в поля бежать
Умыкнуться в дику степь
Да ведь страшно – глушь да небо
Все-тки с краюшку я еду
Можно уж и потерпеть

1vl o2758 Как в Петрозаводске проездом я был
6439 Там петрозаводку себе полюбил

Тогда говорил я ей: петрозаводка
Беги, дорогая, скорее за водкой

Нет, не побегу, – отвечала, – за водкой
Навеки запомнишь ты петрозаводку

1vl o2759 Когда вот в Кижях я по случаю был
6450 Кижовку одну я себе полюбил

Она же напротив – меня невзлюбила
И голосом мрачным она говорила:

Вот ты без билета в музей наш проник —
Так я ж по любви – Ишь какой любовник
Нашелся

1vl o2760 Как Берия съел Жданова
6451 Стремительно и нежданово
А думалось, что Жданов съест
Да Берья – не такой он есть
Вернее, не такой он был
Да оказался все ж такой
Хрущев его-таки сгубил
Освободительной рукой
Да и Хрущев – такой

1vl o2761 Вот болит голова, а к чему и зачем? —
6461 Значит нужно ей так и приятней
Коли случилось, что снизу я к ней прикреплен
Должен кротко сносить и опрятно
Не впадая в безумные страсти
То же самое с Богом и властью
В общем, со всем, что наверху
Но соответственно природе каждого

На их и наше 19-е Октября

1vl o2762 Друзья, прекрасен наш союз

6487 Я этой мысли не боюсь
И даже больше – не боюсь
Другой, сомнительной и дерзкой:
Гляди – друзей вокруг нас союз
Соседей, жен, детей союз
Советский вокруг нас Союз
Как Царскосельский

1vl o2763 Всем своим вот организмом

6517 Сколько он сумеет мочь
Я хочу быть коммунизмом
Чтобы людям здесь помочь

Чтоб младую дорогую
Не растрчивали жизнь
Чтоб родились – а я тут:
Здравствуй! здравствуй коммунизм!

1vl o2764 Женщина белая, стройная, чистая

6540 Что тебе делать со мною мучнистым

В общем-то ясно, что делать со мной
Да на что тебе червь этот подлый мучной

Разным к тому же бессмысленным мучимый
Да и к любви навсегда необученный
Как знамя, полотнище какое

1vl o2765 Вот живешь ты здесь, живешь

6564 А там кто-то умирает
Тебе деньги оставляет
Я вот деньги и беру
В смысле, деньги ты берешь
Нет, все-тки, деньги я беру
Я же выдумал все это

1vl o2766 Я гуляю по Садовой

6575 Дохожу до Ногина
Головы моей бедовой
Участь определена

Вот я на метро сажуся
Доезжаю до себя
Прихожу домой, ложуся

Вот она и спит уж вся
Бедовая

1vl o2767 Воздух ярок и прозрачен
6585 День прекрасен и могуч
Глас народа однозначен:
Больше света! Меньше туч!

Соответствие природное
С дивной строгостью души
В дни восторга всенародного
Господи, как хороши
Все мы, до единого
Самого последнего

1vl o2768 В огромном городе в минуту
6594 В дни празднества огромного
Гулял я в виде скромного
Простого гражданина

И думал: как соотнести
Вот эти вот огромности
С моей гражданской скромностью
Быть может этот самый стих
И соотнесет

1vl o2769 Мочу с кусочком кала
6612 Я на анализ нес
Словно кусочек сала
Там для каких-то ос
Или кусочек меда
Для неких там синиц —
Вот ешьте меня, пейте
Мне ничего не жаль

1vl o2770 Как-то Рейган меня мучил
6647 Спать мне не давал всю ночь
Я взмахнул рукою: Прочь!
Кыш поди, комар ебучий!

Что ты попусту летаешь
Взгляд бросаешь из очей
Видишь – Пушкина читаю
При догорающей свече
Исчезни!
Сгинь!
Отменись!

1vl o2771 Мне сорок третий год уже

6651 Вот шкафчик вымою посудный
И ничего дурного же
Живу, живу – и неподсудный
Пока на кухоньке сижу
Сварю чего, чего помою
Под вечер вынесу помой
А ночью уж в окно гляжу
И говорю: Великий Боже!
Вот видишь – чистота и свет
Я понимаю – невозможно
Коли на весь огромный свет
Но хоть здесь оставь!

1vl o2772 Когда б мне девушкою быть
6652 Кудрями нежными увитой
Я не хотел бы быть Лолитой
Наташею Ростовой быть
Хотел, хотя Лолита ведь
Прекрасный образ невозможно
Я понимаю как художник
Но для себя хотел бы быть
Наташей Ростовой

1vl o2773 Закон ученый открывает
6685 Другой приходит – отменяет
А тот хватает пистолет
И гада в сердце убивает
Поскольку вот – закона нет
Кроме страсти человеческой
И милосердия

1vl o2774 Звезда горит на небе чистом
6732 И отразилась на штыке
Какое счастье – быть чистым
И это отразить в стихе

О том, что вот звезда горит
И что-то сердцу говорит
А сердце уж другому сердцу
Стихом прекрасным говорит
Об этом вот

Лирико-информационные сообщения 1983

Предуведомление

Вот газета. Что нового в газете? Да ничего. Что вчера было новым – сегодня уже картинки быта и жизни, изящные или неизящные. А не выйдет газета – тревога: случилось что? – жизнь вслух не подтвердилась.

Вот так и у меня – зачем много пишу? А чтоб жизнь подтверждалась.

1vl o2775 Вот она – сила нечистая
Руки не моет, не чистит зубов
Ну, а вот вымоет, что ж она – чистая?
Или вот я – тех же самых зубов
Скажем, не чищу, нечистый хожу
Запахом, скажем, каким исхожу
Что же – я сила нечистая? —
Не скажу

1vl o2776 Вот Орлов узрел чужую
Дочку и красавицу
Старость, старость он учуял
Он не хочет стариться
Плачет, плачет мне в жилетку
Старичок Орлов
Дай, тебя я пожалею
Ты мне юн и нов
Всегда, Орлов
Ты слышишь?
Нет, не слышит
Плачет Орлов

1vl o2777 Лев Семеныч Рубинштейн —
Это драгоценный штейн
А Иосиф Маркович Бакштейн —
Ясно что кирпичный штейн
Михаил же Наумович Эпштейн —
Это значит просто штейн
Камень, кремь

1vl o2778 Курицу достал я
Мяса килограмм
Все полегче стало
Вот и проживу
Накормлю жену
А то утром встанет

Иль под вечер там
Скажет: Кушать дай мне! —
А что я ей дам?

1vl o2779 Вот приходят арестовывать его
Ордерочек предъявляют молодой
Чистый, новенький, подписанный такой —
Виноватый, мол, и больше ничего
Да и у него ведь ничего другого нет
Виноватый – говорит он им в ответ —
Не удался

1vl o2780 Вот пионер ты, комсомолец ты
А вот тебя и в партию вступили
Но ведь идейной этой красоты
С собой не унести в могилу —
Такое в Небеса несут!
Но там ведь как известно – Суд
Стра-а-ашный

1vl o2781 Что череп наш поросший волосами? —
Он так же быстро пылью порастет
И в некую такую перейдет
Он безответственность, в то время как мы сами
Тревогой полны, как кому-то снится
Над этой пылью будем все носиться

1vl o2782 А что товарищ пионер
Давай-ка все переустроим
Вот эти звезды, например
В другом каком углу пристроим
И разного что понастроим
Да вот придет милиционер
И нам такое здесь устроит
И будет прав

1vl o2783 Вот некто большого духовного роста
Ко мне подходил, заговаривал просто

Я голову вверх задираю – чуть не ум
Ему отвечал, а все сам себе думал:

Что? – больше здесь и разговаривать не с кем?
А с Шифферсом, там, или скажем с Флоренским
Там

1vl o2784 Вот я Малборо курю
А потом курю я Кэмэл
По-английски говорю

А ведь прихожусь я кем им? —
Никем

А у них же всякий гад
И друзья бывает даже
Ведь не выкурят Дукат
Пару слов тебе не скажут
По-русски

1vl o2785 Там много разных тонких чувств
Я воспитал неосторожно
Что оскорбить их так несложно
И оскорбленный я мечусь
А что изнеженный мечусь
Сшибаясь неосторожно
А жить бывает так несложно —
Поменьше б этих тонких чувств

1vl o2786 Когда я в Тольятти по случаю был
Тольятточку там я одну полюбил

Ну, там полюбил беззаветно – бывает
Она же, гляжу я, что не понимает

Ну, не понимает – так не понимает
В Тольятти там и не такое бывает

1vl o2787 Я сидел и горько плакал
Над прозрачной водой
Полетел я и заплакал
Словно лебедь молодой
Словно сокол удалой
Молодой и краснозвездый
Красные носящий звезды
Вороном немолодым
Горько взял я и заплакал
Краснозвездый

Из Мухоморов

1vl o2788 Аль народ наш не таков
Поиссякли что ли силы
Чтоб родить своих битлов
Юных, мощных и красивых

Чтоб смогли они запеть
Всю Европы покрывая:

Хейя, хейя! Вайя, Вайя!
Аб-дуб-даб-ду, твою мать!

1v| o2789 Вот девушка идет раскованно
А ночь кругом, уж третий час идет
Ее одну и выпускать рискованно
Да выпустили – и она идет

А ведь кругом одни насильники
Ну, честные конечно тоже, но они все спят
О, девушка, родная! – свят! свят! свят!
Что я один могу, такой несильненький

1v| o2790 Скажите мне правду, что нравлюсь я вам
Неправду – что я вам не нравлюсь
Поскольку мой долг – это нравиться вам
Мой долг это – вот я и нравлюсь
Вам

1v| o2791 Какая музыка играла
Какие сласти разносили
Все было в памяти и силе
Да нам вот не принадлежало
И мы на это все глазели
Сквозь кристаллические слезы
Как на немислимые грезы
Как некие уже газели
Удаленные

1v| o2792 Вышел сумрак погулять
Темный и лохматый
Ах ты сумрак, твою мать —
Тут я его матом
Или: ах ты сумрак, бля —
Тут я его снова —
Ну я в общем-то – гуляй
Это так я, к слову

1v| o2793 Нет, весь я не умру, какой-нибудь кусочек
Пусть маленький, пускай невидный очень

Но выживет и тут же заорет:
При жизни Пригов зажимал мне рот

И вот сейчас свободный наконец
Я вам скажу: вот Пригов – он подлец!

1v| o2794 На даче тихо. Люди спят
Ну, люди спят, положим

А если, предположим
Придут и обнажат до пят

Ведь страшно – непонятно кто
Да и зачем – неясно
Ну, ежели Государство —
Тогда понятно, но и то
Не очень ясно

1vl o2795 Вот растет себе трава
Только потому что точно
Запечатлены навечно
В небесах ее права
Так и наши ведь права
Запечатлены – не страшно!
Да, но и убийц ведь наших
Запечатлены права
И там же

1vl o2796 Вот красавица сидит
В подмосковной электричке
Подняла свои реснички
На меня и не глядит
А в окно она глядит
Да и я в окно гляжу
Ее вижу отраженье
Только нет мне утешенья
Глупость – вот что вам скажу
Все это

1vl o2797 Обидеть человека просто
Вот раз обидели меня
Но я смотрю на это просто
Вон раз обидел ты меня
Значит имеешь на то право
Иль мне еще неясный знак
В руках единого, ведь право
Мы Провидения – не так
Ли

1vl o2798 Они вот мне мешают жить
В духовном смысле жить
И не хотят меня любить
Мне жизни от них нет
А что же – коли я поэт
Я не могу их заклеить? —
Очень даже могу
Но не буду

1v| o2799 Вот стираю белье я, известно
А на улице страшный мороз
Или умер там кто-то известный
А вот стирка выходит не лучше
Да и стирка выходит не хуже
Точно так же – ведь вот в чем вопрос
Не ко времени может мороз
Иль не вовремя там умирают
Или как-то не так я стираю
Надо как-то иначе, всерьез
Чтобы в стирке ведь мир помещался
Колебался бы в ней, отражался
Оживлялся – ведь вот в чем вопрос

1v| o2800 Вот сыны, сыны эфира
Пролетают в высоте
Наблюдают судьбы мира
Судьбы эти, судьбы те
Над Москвою пролетают
Я же снизу им машу
Вот снижаются, внимают —
Что такое им скажу

Я же говорю: Родные!
Нету сил! Безумен мир!
Это – говорят – мы знаем —
И летят себе в эфир

1v| o2801 Я с детства не любил овал
Я с детства просто убивал
Просто убивал
Убивал
Просто

1v| o2802 Зима – столица нашей Родины
А лето вот – ее окраина
Такая удаленность крайняя
И даже вовсе – заграница
Куда не долетит и птица
Чтоб просто посмотреть на ту
Диковину и возвратиться
И дальше мерзнуть на лету

1v| o2803 Я человек не простоватый
Но искусенный в жизни этой
О, у меня богатый опыт
Желания быть знаменитым
Да и желаний прочих тоже
О, этот опыт вам скажу я

За день ведь не приобретешь
Но надо жизнь прожить большую

1vl o2804 Вот демон в виде мелкой мошки
Слетел ко мне средь темной ночи
И долго меня подлый мучил
Меня съедая понемножку
Почти под потолок взмывая
Я бился с ним простой и строгий
И отогнал его в итоге
В итоге с детства я хромаю

1vl o2805 Когда вот в Торжке я по случаю был
Торжанку себе я одну полюбил

Я ей говорил: вы царица, торжанка!
Вот ведь вы свободная, не каторжанка

Любовью свободной давай заниматься —
А что это значит? – и стала смущаться
А это вот значит, что надо общаться
А ну-ка, торжанка!

1vl o2806 Хочу как будто между делом
В своем существованье кратком
И не тайком и не украдкой
Хочу быть сильным, хочу быть смелым
И заодно с правопорядком
Хочу

1vl o2807 Жить надо правильно и честно
Вам это говорю не я
Вот с неба сходит зверь небесный
То есть небесная змея
И говорит: люби меня
Но мы в ответ без промедленья
Ей говорим: Изыди враг!
Поскольку знаем различенье
И таинство добра и зла
Она кричит: О, Боже! Боже!
Вы обознались живьем!
Но мы в ответ ей говорим:
Нет, ошибиться мы не можем
Поскольку правильно живем

1vl o2808 Вот носки мои сопрели
Запах эдакий идет
Но по сути ведь, на деле —
Это значит жизнь идет

Как такой вот странный номер
Вы что ж, – хотите чтоб я помер?

1v| o2809 Нет, я славы не люблю
Правда я ее не видел
Но как представишь, как представишь
Вокруг ходят, пальцем тыкают
И глазеют, и глазеют
Нет, чтоб просто жизнь отдать

1v| o2810 Страшные, едрить, морозы
Что же – мне и поделом
Вот у других – тепло и счастье
А мне вечно не везет

Ладно бы еще томился
Сам, а то еще при том
Триста бедных миллионов
За собой еще увлек

1v| o2811 Ах вы девы, девы, девы
Ах вы где вы, где вы, где вы

Ах вы дамы, дамы, дамы
Ах когда, когда, когда мы
И куда, куда, куда мы

Ах вы все-тки, все-тки, все-тки
Вы грезе..., грезе..., грезетки
Все вы бляди, профурсетки
Дрить вашу

1v| o2812 Кто поймет их – этих клеток
Вот живут себе, живут
А тут рак приходит, свистнет —
И все за раком побегут

А быть может все не так —
Вот ты жил себе злодейски
И к тебе приходит рак
Потому что жить злодейски
Могут и самые порядочные люди
Не замечая того

1v| o2813 В дороге от метро Беляево
Автобусом до остановки Свет
Меня вдруг мыслью осенило
Что вот на свете счастья нет
А что случилось-то? – ведь было

И видимой причины нет
Возможно, что виной Беляево
Возможно – остановка Свет

1vl o2814 Дайте мне валокордину
Нет сил на свете жить
Сердце в недрах пропадает
Кровь по жилам не бежит

Тело просится в природу
А душа, конечно – в рай
Ах, вы хитрые какие
Ну а я что? – помирай
Ради вас

1vl o2815 Поэзии пленительным звукам
Я помнится тоже внимал
О что это были за звуки!
Но был я бессмыслен и мал
А после был трепетн и юн
Поэзию брал в нежные руки
И пел словно твой гамаюн
О что это были за звуки!
Но после от них я устал
И тут же стал желчен и стар
И нет уже больше мне звуков
Помимо смертей и разлуков

1vl o2816 Вот снегу насыпало на год вперед
Что и маломальской скотине
Неясно – что дальше-то произойдёт:
Весна ли объявится к сроку

А нам все полегче осмысленным жить
Нам ясно все с первого взгляда:
Когда ей назначат – тогда ей и быть
А назначат – когда будет надо

1vl o2817 Вот он ходит, кровью каплет
Оставляет, в смысле, след
Да зима, бля, вдруг внезапно
Снегом дунет – следа нет

Даже запах не остался
Чтобы в воздухе искать
А ведь он здесь жил, старался
Кровью капал, твою мать

1vl o2818 Идет пора ужасная

Момент истории злой
Заплачет мир несправедный
Горючею слезой
Горючею-ужасною
А мы-то, милый друг
Ведь были тихи-справедны
Ан нет – со всеми вдруг
Здесь вместе и погибнем

1vl o2819 Поднимаюсь на лифте несмело
На седьмой свой законный этаж
Хоть законный, а страшно мне аж —
Высоко ж моя жизнь залетела!
Выше прочих шести этажей
Коиx уж и не помню, не слышу
С высоты, а бывает и выше —
Вот уж этим-то страшно, ей-ей

1vl o2820 Вот пляшет стройная девица
Копытом юным об пол бьет
А что же ей не веселиться —
Господь ее такой возьмет
Какая есть, себе в невесты
Со всеми прелестями вместе
А нам еще и потрудиться
Ведь надо, чтобы тоже взял
И наработать капитал
Духовный, если повезет
А то и с ним ведь не возьмет —
На кой Ему

1vl o2821 Первый день февраля
А солнце уж греет
От лучей его, бя
Снег под корочкой преет

Это ж надо сказать
Подумать такое
Все кругом, твою мать
Что хотят – то и делают

1vl o2822 Вот свинку подлые враги
Вот режут, а она с глазами
Под голубыми небесами
Когда ж к ответу их – врагов?
Иль на том свете в том поправка
Вот Грозный, скажем что, Иван
Его к ответу скажем там
А он в ответ: А у меня справка

1vl o2823 Глухая пора снегопада
В прекрасные зимние дни
Когда мы, бывает, бываем одни
Кругом же засыпано все до упада
Каким-то таким, что в нечеловечьем
Каким-то таким неземным
Каким-то таким, что и вовсе иным
Что и крыть-то нечем

1vl o2824 Вот подметаю в кухне пол
А там и в коридоре надо
А там – на лестнице, потом
На улице и дальше надо

А там уж и не различить
Границ невидных и нестойких
Там где ж предел мне положить
Мне сильному – но не настолько ж

1vl o2825 Вот газы скопились в моем животе
И выхода ищут внаружу
Я выход расширю, то сужу
И мечутся газы безумные те
На воздух прорваться пытаюсь чистый
Постойте же газы-фашисты!
Вам здесь не прорваться участок сквозь мой
Пусть с вами погибну я словно герой
Безымянный

1vl o2826 Я сижу и горько плачу
Отчего же плачу я
Жизнь возможно что собачья
А быть может я – свинья
А быть может и все вместе
Да к тому же на крови
Ну так что – меня повесить
Что ли – да нет, живи
Они говорят

Стихи переходного периода 1983

Предуведомление

Стихи переходного периода.

Какого переходного? Куда переходного? Откуда переходного? Зачем переходного? Переходного ли? Да и бывает ли вообще переходный? Не вся ли наша жизнь переходная?

Что приобретаем? Приобретаем ли? Что можем приобрести? Что хотим приобрести? Чем оно лучше? Что оставляем? Да есть ли, чего оставлять? Да стоит ли приобретать?

Но не скучно ли без перемен?

Не страшно ли? Ее есть ли перемены знак жизни? Но как различить? Как понять? Как оценить?

Как решиться?

1vl o2827 Как же надо все это любить
5862 Чтоб в итоге таки не убить
Вот я это любил ведь, любил
Да в итоге в себе тки убил
Да не только в себе тки убил
А ведь как уж любил я, любил
А выходит-таки, что убил
И любил, а выходит – убил
Или как-то не так я любил

1vl o2828 Я пойду в эту самую клозету
5877 Потому что во мне паразит
Говно-кало глубоко сидит
Организм отравляя поэту

Что же делать – природа строга
Своей самой духовнейшей части
Говорит: ты вот здесь отчитайся
Ну а после лети в облака
Если сможешь

1vl o2829 Вот ведь они кушать хочут
5890 И жена моя, и сын
Не смеются, не хохочут
На браду и на усы
На мои глядят с укором
Будто говорят:
Вот ведь, как козел упорный
Весь зарос до пят
А пользы...

1vl o2830 Весна под окошками бродит
5897 Родимая! Личко покажь!
На седьмой поднимися этаж
А то все внизу пропадаешь

Она ж отвечала смеясь
Гуляя средь гущи народа:
А на седьмом – там уже не природа
На седьмом – там уже черт-те что

1vl o2831 Грустно без счастья и воли
5900 Вон они там вдалеке
Словно платочками машут
Мол, как живется нам здесь

Да ничего нам живется
Жаловаться было б грех
Вот есть покой у нас, скажем
Есть вот и вечный покой

1vl o2832 То не ветер ветку клонит
5903 Не дубравушка шумит
Ну, а что там ветку клонит
Что дубравушка шумит
Кто их знает, что там клонит
Кто их знает, что шумит
Там у них бывает такое
Уж как клонит, как шумит
А посмотришь – не понять их
Что там клонит, что шумит

1vl o2833 Ох, уж ты солдатушка
5904 Ох, ты худ да мал
Скольких же солдатушка
Ты понастрелял —
Ой, мои несчастные
Деточки мои
Но ведь и небесные
Деточки они
Будьте уж уверены
Сколько там отмерено
Столько и настрелял
Ровно столько и не больше
Может быть чуть-чуть побольше
На немного

1vl o2834 Когда я в Париже по случаю был
5918 Одну парижанку я там полюбил

Париж! – Нотр-Дам, Пляс Пигаль, Пер-Лашез
И Наплеон, и Камю, и Шартрез

Париж Жан-Луи и Жан-Поля, Жан-Жака
А что парижанка? – Ах, да, парижанку
Я там полюбил

1vl o2835 Вот завилась пыль воронкой
5924 Это смерть сюда идет
Может, и пройдет стороной
В смысле, мимо обойдет

А чего идти ей мимо
Ей и здесь ведь хорошо
Вот когда ведь ты прошел —
Ведь понравилось, не правда ль?

1vl o2836 Стриг я заросли ногтей
5956 Думал между прочим:
Так вот заросли людей
Выстригают прочие
Чем он, ноготь, виноват
Разве вот что простоват
Или скромн, так сказать
Чтобы крикнуть: Вашу мать!
Изверги проклятые!

1vl o2837 Вот дача, Пастернак где жил
5971 Сперва не очень-то тужил
С собой прославленным дружил
С окрестностью своей дружил
Не очень с властью дружил
А под конец – так не дружил
И явственно о том тужил
Но жил

1vl o2838 Электричка пролетела
5976 Вот у ней какое тело

Само прочих тел полно
Да и прочее – оно

Тоже полно прочих тел
Где же положить предел

1vl o2839 Вот смерть жестокая здесь пыхнет
5978 И обнаружится беда
Бежать несчастному куда
От злонамеренности ихней

Конечно, можно например
Подняться до опроверженья
Но
Нечеловеческий размер
Их органа уничтоженья!

1vl o2840 Жестоковыйные враги
5987 Жестоковымьную корову
За то, что вот стара-ненова
За недодачу молока
Враг подлый волочит на бойню
Так ведь и этого врага
За старость волокут в могилу —
Ни за что другое

1vl o2841 Бомбардировщики напали на меня
6001 От них бежал я в страхе превеликом
Бежал и падал с громким к Богу криком:
Дай истребителя на них! Спаси меня!

Бог отвечал с укрытою улыбкой:
Беги, беги родства не помяня
А то вот, может, дать тебе зенитку
Да ведь промажешь, попадешь в меня

1vl o2842 Я просто жил и умер просто
6002 Лишь умер – посреди погоста
Мучительно и нестерпимо долго
Глядя в лицо мое умершее
Стояла смерть Милицанершею
Полна любви и исполненья долга

1vl o2843 Куда кругом ни бросишь взгляд
6005 Нет утешения для взгляда
Кривулин вот из Ленинграда
Сказал: ужасен Ленинград
А мне казалось иногда
Что там как будто посветлее
И так похоже на аллею
У царскосельского пруда
Н-да-а-а

1vl o2844 Этот томик однотоминый
6026 В знак признательности, помню
Подарил один поэт
Томик есть, поэта нет
Это вовсе не в насмешку
Это даже в похвалу

Все умрем мы понемножку
Ты умрешь, и я умру
Разницы-то будет здесь
Между вымерших поэтов:
У того вот – томик есть
А у этого вот – нету
У меня вот, скажем – нету
А у многих скажем – есть

1vl o2845 Килограмм салата рыбного
6043 В кулинарии приобрел
В этом ничего обидного —
Приобрел и приобрел
Сам немножечко поел
Сына единоутробного
Этим делом накормил
И уселись у окошка
У прозрачного стекла
Словно две мужские кошки
Чтобы жизнь внизу текла

1vl o2846 Я с домашней борюсь энтропией
6074 Как источник энергии божественной
Незаметные силы слепые
Побеждаю в борьбе неторжественной

В день посуду помою я трижды
Пол помою-протру повсеместно
Мира смысл и структуру я зиждю
На пустом вот казалось бы месте

1vl o2847 Вот полезли тараканы
6076 Напугали иностранку
А чего тут в общем странного —
Ну, полезли тараканы
Так живем вот – в мире, в доле
Где-то мене, где-то боле
Нам не нужно иностранного
Ты вот нас вот с нашей болью
Полюби

1vl o2848 Давай-ка какую простуду
6134 Напустим на общего люда

Пускай они все заболеют
А после мы всех их спасем
И будут они благодарны
И будут живые при том

1v| o2849 А то давай какую розу
6204 Ложноклассического стиха
Как обаятельную позу
Но не буквально, а слегка
Привьем советской жизни прозе
Да вот давно уж привита
Да роза видимо не та
Поскольку явно что-то в позе
Не то

Мои нежные милые ласковые стихи 1984

Предуведомление

Стихи мои, свидетели живые! – мог бы воскликнуть я, – бегите, бегите, искренностью себя проливайте на этот мир цветов, деревьев, небес искрящихся, зверей и тварей, людей и детишек нежнокожих и невинных, ласкайте их, будьте с ними как спасители и утешители – не мог бы сказать я, – оглядывайте мир взором чистым и несокрушимым, обозначая место встречи нашей с истиной, правдой, счастьем, судите их всех, возжелавших превзойти вас и отвергнуть, судите их судом невидимым, но оттого не менее явным и нелицеприятным, судите, но и спасите их! – стоит ли говорить об этом.

1v| o2850 Ах, кабы не было бы снега
7607 Ветер бы не завывал
А всяк виновный, как Сенека
Добровольно б умирал
В теплой ванне, чистый-гордый
Господи, вот был бы город
Райский

1v| o2851 Вот их пытаются на дворе
7613 Горячим способом и тихим
Кругом толпа, шуты, шутихи
А дело где-то в октябре
Вот изморозь с утра ложится
К полудню где-нибудь растает
И лист осенний облетает
И еле слышимо кружится
И небосвод стеклянный замер
Я говорю: перенести
В зимний замок

1v| o2852 Есть упоение в бою
7649 С штыком у бездны на краю
Или с ракетой у бездны на краю
С нейтронной бомбой на краю
Как бы уже в раю

1v| o2853 Выйдешь – детки мельтешат
7650 Наподобие мышат
Словно нехристь или ворон
Я за шиворот их ворот
Хвать – и в стих, они ж – пицчат
Бедные
Упираются

1vl o2854 Ебитская сила сидит на ветвях
7655 И песни в ночи распевает
И клювом стальным раскрывает
Невидные складки, укрытые в днях

Одну вот такую раскроет
В соседстве родных деревень
Оттуда огромная выплывет тень
И ладно что матом всех кроет
А то и пальцем еще щупает

1vl o2855 Возле разбитого стекла
7671 Сидел я сокрушаясь живо
Кровь холодела в моих жилах
А вот ведь и холодеть могла
Снаружи их

1vl o2856 Вот он, Генрих Боровик
7672 Да на Рейгана набросился
А куда тому бежать —
Всюду, всюду зверь выходит он
А куда же мне бежать —
Там вот Рейган зверем носится
А здесь вот Генрих Боровик
Вот он, на меня уж косится
Одним глазом
Беспощадный

1vl o2857 Вот я нальюся черным ядом
7681 И чтоб весь мир не погубить
Я мелкую каку, едрить
Найду себе зверушку рядом
И так начну ее кусать
Она в ответ начнет вопить
А я в ответ начну рыдать
И после говорить устало:
От яда что не помираешь? —
А что твой яд? – слюна пустая
Но больно вот, подлец, кусаешь
Да и то – смех один

1vl o2858 Тениста жизнь в гостях у Бога
7688 Когда сидишь не по годам
И кажется – еще немного
И будешь заново Адам
Уже от новых стран советских
От крайнего среди невеских
Житья-бытья

1vl o2859 Господи, страшно смотреть на ребенка
7693 Глянешь – а он в одночасье помрет
Как-то не так тебя, скажем, поймет
Да не опомнится – дело-то тонкое
Да и обратно ведь – ведь не уйдешь
Вот ведь, удержишься – да и помрешь
Сам

1vl o2860 Вот ведь холодно невысказано
7701 Что костей не соберешь
А бывает соберешь —
Что-то кости незнакомые
А одни вот сплошь берцовые
Как у петуха бойцового —
Может, оно и полезнее

1vl o2861 Вот что-то левое плечо
7727 Живет совсем меня отдельно
То ему это горячо
То ему это запредельно

А то вдруг вскочит и бежать
Постой, подлец! внемли и вижди
Я тебе Бог на время жизни
А он в ответ: Едрена мать
Мне бог

1vl o2862 Под звуки танго и челюсты
7732 Танцует женщина-змея
И гнется стан ее прелестный
И зубы светятся ея
Эмалью фосфорной покрыты
Один всего лишь ядовитый
Не так уж мало для ея
Жертв
Но и не так уж много для ея
Красоты

1vl o2863 А много ли мне в жизни надо?
7740 Уже и слова не скажу
Как лейбницевская монада
Лечу и что-то там жужжу
Какой-нибудь другой монаде
Она ж в ответ мне: Бога ради
Не жужжи

1vl o2864 Какая мощная природа
7745 Что страшно выйти со двора

Зараз удушит, а за два
Под именем махроть-народа
Немедленно погонит вдаль
Вонзатъ карающую сталь
Во что-то мягкое

1v| o2865 Когда немецкий человек
7762 Наш вековой пренеприятель
Через второй иль третий век
Приходит к нам уже приятель
И говорит о вечном мире
Без всякой хитрости лица —
Так что ж святого в этом мире
Коль враг – так будь им до конца!

1v| o2866 Он в юности был идиотом
7763 И к старости умней не стал
Но в чем-то он мудрее стал
И прозорливее стал в чем-то

Он юношеству стал пример
Работы жизни кропотливой
А умные – сред них счастливей
Отыщешь, сыщешь ли пример
Их и самих уже не сыщешь

1v| o2867 Беги, беги, вода живая
7768 Изнеженная, душевая
Лиясь, как из любви фиала
Вот здесь и женщина стояла
И гладких членов либидо
Вот этою мочалкой млела
Дай-ка и я потру, а то
Какой-то зуд пошел по телу
Содрогающий

1v| o2868 А вот народ —
7772 Он сильно пьет
Идет, сплетая в вензель ножки
Ничто его здесь не берет
Ни власть небес вот не берет
Ни совесть тоже не берет
Да и милиция не берет
Сначала вот брала немножко
А щас вот снова не берет
Да что с него возьмешь такого
А вот щас милиция вроде снова берет

1v| o2869 Эка пакость внутри накопилась

7776 Коли это выплюнуть вот
Через задний-передний проход —
Все повыжглось бы тут, задымилось

Ну а я ничего вот – хожу
Как какая нейтронная бомба
На детишек с улыбкой гляжу
Не на них же – на ком бы другом бы
Испробовать

Поэзия гуманитарных измерений обыденной жизни 1990

Предуведомление

Как сразу же бросается в глаза, понятно с первых же строк – многие сценки и сюжетики из этой неидентифицируемой жизни весьма искусственны и приведены лишь с одной целью помянуть сладостную кружку пива, роскошный автомобиль, или сверкающий на локтевых сломах ослепительный кожаный лиловый пиджак.

Да так оно и есть в нашей жизни.

1vl o2870 Вот хлопнет дверцей, подбежит
Рука еще легко дрожит
От боевого Мерседеса
За столик рухнет: Пить! – несут
Со льдом пленительный сосуд
Сосуд с сиянием небесным
И с тем же ужасом небес!
Глоток – и снова в Мерседес
И след ее простыл
И снова я один

1vl o2871 Под Моцарта, под реквием его
Сидеть, смотреть в прозрачное окно
Все в мелких-мелких капельках дождя
Сидеть, уж никого не ждя
Сегодня
К себе
На легкий шум откинуть плед
И к окнам подойти – сосед
На своем Мерседесе подкатил
Опять, наверное, с какой-то новой женщиной
Оно и понятно

1vl o2872 Вся в кожаном и вышитом приходит
Сапог расстегивает у бедра
И говорит: Вот так и жизнь проходит! —
По-французски говорит
А завтра, может уж пора
Ложиться не в постель – в могилу
Что улыбаешься? мой милый
С тобою вместе! —
А улыбаюсь потому, что у нас на Руси это называется:
и умерли в один день

1vl o2873 Идти по улицам укромной

Держа в руках кебаб огромный
Весь полный мяса, лука, перца
И слушать, что подскажет сердце
В какую пивную ближайшую заглянуть, чтобы запить
этот жар, почти полунебесный

1vl o2874 Вот жизнь устроена так странно —
Я выхожу из ресторана
Китайского и силы нет
Не то, чтобы постичь весь свет
Но и такую малость малую:
Как это всё себя так балуя
Омарами и прочьей кухней
И уж совсем немыслимо чем
Живет, живет да и не рухнет
И непрерывно дает возможность этим наслаждениям,
прибавляя все новые и новые
немыслимые элементы своего
хрупкого, но и не рушащегося
разнообразия

1vl o2875 Купить за марку банку пива
А на другую – булку с сыром
Пойти по улице направо
А улица уходит криво
И упирается красиво
В какой-то прудик неглубокий
Присесть и чувствовать себя
Оставленным и одиноким
Заброшенным —
Так прекрасно
И горько!

1vl o2876 Американке в двадцать лет
Нужно добраться до Парижа
Чтоб встретиться с таким же рыжим
Ирландцем двадцати трех лет
Может, и террористом
Я видел его дважды на
Цветной открытке и невольно
Все сравнивал с собой, она
Меж тем садится в свое Вольво
И вдаль отчаливает чинно
Меня с безумным капучино
Моим
Оставляя за прозрачным столиком придорожного бара
Господи! – думаю я – ирландец! рыжий к тому же!
Да – отвечают мне – но двадцати трех лет! —
Так ведь пока доедет, кто знает, сколько ему будет! —

Так ведь если останется – тебе столько уже и есть! —
Что ж, я знал! это аргумент! но все же!

1v| o2877 На улице дождь и безумно темно
А ну, холодильник открою
И пиво достану, и прочье говно —
Колбасу там, ветчину, мелочи разные
И маленький праздник устрою
Себе
Возьму телефон и как грустные чудак
Гриновский
В Нью-Йорк, скажем, Брускину просто так
Позвоню
Минут двадцать проговорим
Дорого, конечно, – но ничего

1v| o2878 Вот дождик отыдет и розы запахнут
Живая соседка, седая как лунь
Керстин Штарке
На велосипеде промчится куда-то
За нею живая, ну – форменный нуль
Маленькая, в смысле
Почти отсутствующая
Но лающая
Беленькая собачка следом промчится —
Куда?

1v| o2879 По шумной улице брести
Смотреть в прозрачные витрины
И спутнице лет двадцати
Иль около, сказать: Кристина
Давай, хоть в шутку купим что-то
Ведь марок – тьма! – Да неохота! —
Ну, неохота – так неохота!
Мне и самому что-то неохота
Хотя марок, скажем прямо – тьма
А неохота

Актуальные стихи 1991-93

Предуведомление

Актуальные стихи – так ведь стих как стих сам в себе и собой презентуемой действительности всегда актуален. Тем более что строки, отделяющие время написания от момента напечатывания и обнародования, делают так называемые актуальные стихи вполне неактуальными в терминах актуальности актуального, и на фоне стихов всегда актуальных они как бы вдвойне неактуальны – и как стихи, и как некая актуальность.

Так что ничего не оставалось делать, как собрать их отдельно в виде такого вот вневременного монструозного образования, чтобы не мешали стихам и актуальности как таковым.

1v| o2880 Уйду, уйду и буду как Зарница
Приду, приду и буду как закат
И девочка, слепая Мамлакат
Передо мною ляжет плащаницей
Туринской

И я руками высшего умельца
Прочту ее и выну из утроб
Справа налево по-еврейски: Гроб
Слева направо по-русски: Ельцин
Читаемое

1v| o2881 Пять рублей заплачу за белье
И улягусь на верхнюю полку
Обегая за тысячу лье
Коммунисты и серые волки
Побегут оставляя следы
Слабые
Я двуглавым орлом обернуся
Полечу над умытою Русью
Их бесцветно-худые уды
Уды, в смысле
Перевяжу одним узлом —
Бедные мои
Но это, единственное, что вам сейчас доступно

1v| o2882 Здравствуй, Ельцин-батюшка
Как живешь, родной
На дворе скотинушка
Плачет, Боже мой
Как плачет!
Накормил б сердешную
Да нечего ей дать

Что ж ты медлишь, батюшка!
Глянул —
А он в тесте весь
По горло аж

1v| o2883 Гайдар мой! Тимурыч! дружище!
Нас мало! нас, может быть, тыща
А, может, и меньше того
Практически ни одного
А может, мы бабочке снимся
Как, скажем, узоры полета
А может, и вовсе мы что-то
Нездешнее! – так отдадимся
Же
Скорее
Ей
Вернее, ему
Или обоим

1v| o2884 Трудитесь, ребята, трудитесь
В парламенте и на местах
А что непонятно – так разом
Бегите, ребята, ко мне
Мы вместе по-братски обсудим
К порядку людей призовем
А надо – таки и осудим
И чашу любви Изовем
По кругу большому пустим

1v| o2885 Вы думали – порушили Союз
Но ведь записано – он нерушимый
Неразделим и вечен! и тунгус
И мусульманин, и поклонник Шивы
И буддист
И христианин
И просто человек —
Все воспели его
И он придет опять! и всплачет
 нерадивый!
Его Второй Приход – он будет
 диво!
Не говоря уж о Третьем,
 завершающем
Хотя, говоря о Первом, Мы имеем в виду как раз Второй,
 который, собственно, и порушен,
 а мы нынче есть в ожидании
 Третьего

1v| o2886 Дико-мафиозные структуры

В районе Малаховки

1vl o2891 Убийца ей в отцы, казалось
Годился, но она связалась
С ним
Они ходили, убивали
Самодельною финкой острой
Ну, что сказать – живые монстры
В былые времена едва ли
Они героями бы стали
Моих стихотворений
Но сейчас времена такие
Что и этим будешь рад

1vl o2892 Неся неподвижное тельце
Огромной страны на руках
Борис Николаевич Ельцин
Бредет в равномерных снегах

К холму нежилому подходит
И вслух произносит: Ерёт! —
И кто-то оттуда выходит
И белое тельце берет
Скорее как идею
И пытается отогреть дыханием

1vl o2893 Пока, как лебеди, парят
В небесах
Святые демократы
И, словно коршуны, летят
За ними партократы

Мне думается: Боже мой!
Может, я и не прав —
Кто выдумал на милость
Небеса эти
Уж лучше б они под землей
В виде червей сходились —
Сердце бы так не разрывалось

1vl o2894 С утра мне совесть говорит:
Пойдем, пойдем на демонстрацию! —
А у меня с утра болит
Если я мужчина
Или там, скажем – менструация
Если я женщина

А к вечеру мне хорошо
Она же вьется, проклиная:

Вот ты, подлец, ты не пошел
Тебе, видите ли, хорошо
А я, а я теперь больная! —
Вот, она теперь больная
А все ведь на мне сказывается

Разнообразная жизнь в лесу 1993

Предуведомление

Да, собственно, сборник-то никудашный. Он не только что предуведомления не стоит, он не стоит и бумаги на него затраченной. А уж времени! А уж времени, затраченного на написание его! А уж времени, потраченного на написание всего объема стихотворений, включая и выброшенные по причине уж и полнейшей их невыносимости даже для меня. Да и вообще, писать стало как-то ни к чему. Да и читать. Да и не только мне. Так что, надеюсь, это все и не будет никем прочитано, даже мной, так как после вот этого напечатыванья вряд ли я когда-либо переверну хоть одну его страничку. Ну, разве что для отвращения и стыда.

1v| o2895 Шумят орлиные леса
Верхушками
Кустарник волчий густо вьется
Мышиная дрожит трава
Между
И уголь под землю жжется
Черный
Он жжется, жжется, а потом
Как вспыхнет вдруг! и все кругом
Сжигает
В который раз

1v| o2896 Убежит дорога влево
А мы влево не пойдём
Мы пойдём с тобой направо
Да и в чащу попадём
А там дикий и гунявый
Выйдет страшный Бех Оди
И скажет:
Не ходи, браточек, вправо
Ты, браток, себе ходи
Влево

1v| o2897 Снег засыпал те поляны
Где я проходил и плакал
Вчера еще
От счастья
А сегодня как собака
Выскочил безумно рано
Спозаранку
Нюхаю, врываясь в снег
Носом
Нет утех и прежних нет

Сладостных
Не отыскать уж под снегом

1v| o2898 Иду, гляжу, – а он листвою
Присыпанный лежит
Лишь над кудлатой головою
Чуть видимый дрожит
Мошкариный рой
Стою, не подходя поближе —
Он мертв! убит! – я это вижу
С дальнего-дальнего расстояния
Из другого пространства почти

1v| o2899 Сотрудники леса – лиса и медведь
Как ангел и гурия рая
Сидят и не смеют в глаза поглядеть
Друг другу
От ужаса замирая
Поскольку, лишь глянут, лишь поглядят —
Так тут же друг друга и испепелят
Взглядом
Так записано за их должностями

1v| o2900 Не говорите мне про лес
Я сразу вспоминаю лето
И мальчик маленький одетый
В матросочку, в сандалях без
Чулочков
Когда бежит он, Боже мой
Вдоль по тропиночке как некий
Уже прозрачный неживой —
Не вижу! поднимите веки!
Мне!
Не вижу
Не говорите мне про лес

1v| o2901 С утра бежать в соседний лес
И сразу скинуть платье
И без трусов, чулочков без
Бюстгальтера, в объятя
Кинуться
Кому-то странному, лохматому
Он сдавит с хрустом, и: Ахматова! —
Лишь
Прочитай в сердце своем

Выходы в зимний двор 1994

Предуведомление

Не надо говорить, что двор – больше чем двор. Это ближайшее окультуренное немножко пространство чужой земли и природа. В то же самое время, это и переход от одного к другому. Но и в то же самое время – это часть своего в противостоянии истинно чужого. Но и в то же самое время – это примиренная природа, пришедшая к нам, напомнить о себе и о своих преимуществах. В то же самое время – это пространство проб и экспериментов в овладении природой. Ну, а зимний двор на его переходе в весенний есть просто усиливающий признак к основной онтологемме.

1v| o2902 Выходим вместе в зимний двор

Глядим – а все уже отдельно
Кто здесь, кто там, кто в запредельной
Иль сопредельной
В стране, в земле, в краю – а двор
Все зимний по-прежнему
Не переставая

1v| o2903 Представьте, что кто-то выходит в зимний двор

и по наивности ли, безумию ли, представляет,
что вышел во двор весенний, но оглядывается —
нет, двор по-прежнему зимний, а он сам —
все не окрылённый юноша – подросток —
касается рукой головы и с удивлением обнаруживает
на ней опадающие свои белые волосы

1v| o2904 Припомни детства зимний двор

Сверкают санки, струйка блещет
Ярчайшей чистой детской крови
На снег бегущая невинно
И двор уже наполовину
Весенний

1v| o2905 Проснись, проснись! там зимний двор!

С ним что-то явно происходит
Как будто кто-то тихий ходит
В сапожках мягеньких как вор
Нездешний! —
За это все тебе со сна
Наверно, жданная весна
Просто
Пришла! —
Да нет же, там что-то странное! —

Спи, спи!

1v| o2906 Послушайте, какой же двор
Не зимний? – А вот двор весенний!
– Да это кто-то там рассеян
На чужедальний нам простор
Загляделся
Но взглядом воротясь в Россию
Глядит: все как и должно – синий
Зимний двор

Поезд снег ночь 1994

Предуведомление

Так грустны, таинственны, манящи пролетающие ночные поезда. Но ровно в той же степени таинственно и маняще все, пролетающее за окном безумного поезда, если ты стоишь у темного, таинственно-оживляющего твои мечты и собственные фантазии стекла. Что только ни причудится, чему только ни удивишься, и чего только ни пожелаешь, возникшего в его магическом свечении – и все впустую. Вот, поезд прибывает на конечную станцию, все хмуро одеваются, подхватывают свой багаж и бегут, забывая, как обстоятельства предыдущих жизней и рождений, все эти картинки манящего иного бытия, которым не дано быть замененными.

*

Стоят безумно озаренные
Какие-то строенья странные
Заводы тайные ль военные
Или вместилища пространные
Тайных школ и учений
Свет недоступный сей уму
Струят
Но быстро-быстренько во тьму
Свою
Ночную
Снежную
Поезд улетает

*

Мне часто в голову приходят рассуждения, что наша жизнь вот так же, как поезд, пронесется мимо вспышек каких-то жизней или жизненных образований, укутанных в некую снежную мглу

*

Мне, да и не только мне, представляется, что эти огоньки, мелькнувшие за окном, как бы суть только зарождение жизней, но могущих образоваться в них и без моего оплодотворяющего явления им, да и поезд летит, улетает в снежную мглу

*

Часто представляется, что в этих окнах и крохотных огоньках за окном проносящегося поезда и есть истинная жизнь, стоит только спрыгнуть с поезда, постучаться, да куда там – поезд летит, летит в снежную мглу

*

Вот остановится, стоит
На некой станции неведомой
Повсюду ровный свет горит
И никого, лишь снег заведомый
И законный, как всегда —
Постойте! я придумал! – да
Куда там

*

Иногда беглого взгляда из окна пробегающего поезда под случайно упавшим светом достаточно, чтобы разглядеть целую паутину неведомых следов на снегу, ведущих неведомо куда

*

Иногда достаточно быстрого случайного пятна света из проходящего поезда, чтобы разглядеть в окно какую-то копошащуюся массу, скопившуюся под чем-то красным, еще подрагивающим на черно-белом снегу

*

Иногда беглый взгляд при слабом случайном свете луны вдруг выхватит среди снежных просторов что-то черное, лохматое, быстро разбегающееся, тянущее свои извивающиеся конечности вослед окнам поезда, и страшный гул сотрясает вагоны, и все успокаивается

*

Так вот у ночного окна вдруг забудешься, представишь себе что-то в неясном светлом пятне, и снова летишь, летишь вдоль заснеженных постоянств

*

Так у ночного окна вдруг представишь себе дом, свет, тепло, жена в углу сидит и как-то странно, словно не видя тебя, и не ведая, смотрит на тебя, я ей говорю: Что ты? Что так глядишь? – а она молчит, она видит ночной поезд среди снежных заносов, видит светлое окошко, стоит кто-то – и все

Расчеты с жизнью 1995

Предуведомление

Как неверны, мучительны, а порой и просто трагичны наши с жизнью расчеты. А все из-за того, что неправильно найден и неверно прилагаем эквивалент. Собственно, нынешний мир рыночных расчетов породил, дал нам прямо в руки, абсолютный и чистый эквивалент прозрачного перевода всего во все с небольшими затемнениями по краям в маргинальных зонах, могущими быть и не принимаемыми во внимание. Я, конечно же, под этим эквивалентом понимаю деньги. Если отнестись к ним как к генеральному мировому медиатору (наподобие средневекового философского камня), то жизнь предстанет нам тотально конвертируемой и совсем в иных стоимостно-оценочных категориях.

Жизнь станет на твердое основание. Все станет на свои места.

*

В кафе Британского музея
Я выпил кофе с каким-то маленьким пирожным
Потянуло на 2 с половиной фунта
По вкусу же едва дотягивало до полутора фунтов
Но как по уровню несомненного удовлетворения выглядело
как 2 фунта 30 пенсов
Результат оказался лишь в 20 центов
Небольшой убыток

*

В музее Стедлик в Амстердаме
В полукафе-полустоловой
Ел овощной суп, какое-то второе, кофе и колу
Все в сумме оказалось на 15 гульденов
По вкусовым качествам так и было – 15 гульденов
Но впечатлений была уйма – гульденов на 60
Тем более что платил за все не я.
Так что прибыль можно было бы прикинуть
как 100—150 гульденов

*

В Кельне, в музее Людвига
В кафе пил черный кофе
Запивал прохладной колой
Вышло точно 5 марок 70 пфеннигов
Было достаточно вкусно – что-то около 5 марок
Однако же общее благоприятное впечатление заходило
за пределы 6 марок
Так что итог был почти нулевой с едва
заметным моим прибытком

*

Рядом с Будапештским музеем
В охотничьем ресторане
Откушали грибного супа с кусочками кого-то
Затем зайца в сметане
Пиво и прочие запивки
На троих потянуло 3 с половиной тысячи форинтов
Я выложил 2 тысячи
Но было вкусно, даже очень вкусно – тысяч на 5
К тому же обстоятельные собеседники, шутки,
национальный антураж – 10 тысяч
Итого, разделив на три, получаем 3 с небольшим
Прибытку оказывается не меньше чем 1 тысяча форинтов

*

В Тейт-галерее в Лондоне
С женой вдвоем взяли немного, на 5 фунтов
Но вкусно, вкусно, на 4 фунта 60 пенсов где-то
Впечатления прекрасные, прохладность и соседство высокого
присутствия фунтов на 7
Тут пришел замдиректора и угостил еще на 9 фунтов
При том ценность и легкость беседы с уважительными
интонациями
в мой адрес
В общем, в итоге сумма трудно суммируется,
но поимел где-то фунтов на 20—25

*

В Москве, поблизости от галереи Гельмана
Перекусил тысяч на 50
Надо сказать, у нас тоже умеют
Ощущения даже на 70—75 тысяч
И вообще приятно – Москва, центр, умиление и почти слезы —
уже на 90 тысяч
А в итоге положительный баланс в 60—65 тысяч
Да ладно! Родные края все-таки

*

На вернисаже угощали абсолютно бесплатно
При интересе, ажиотаже и совсем неплохой пище – 40 тысяч
Скажем, в Кельне это было бы марок на 30
В Лондоне угостили бы фунтов на 7
Так что прибыль практически исчисляема

*

В Дании, в Реккебринке
Во временном артцентре
Взял на 30 крон не ахти чего
Не понравилось абсолютно
К тому же узнал позже, что как участник проекта
Мог есть и пить абсолютно бесплатно
Да вот опростохвостился
Расстроился ужасно
Итог – убыток материальный и моральный
порядка 300 крон

*

Шел по улице Стокгольма
Рядом с Кунстхуссетом
Никуда не зашел
Вообще-то сэкономил
Но не было случая иметь прибыль
Хотя и не потерял своих тоже

*

Смотрел, как один известный московский художник
В Мюнхенской Пинакотеке
Уплетает за обе щеки пищу ценой марок в 100—150
По удовольствию, написанному на его лице
Было ясно, что это тянет на 150 марок
К тому же на него смотрели, узнавали
К тому же в музее
К тому же праздничная атмосфера
Можно было только угадывать общую набежавшую сумму марок
в 400
Итого домой привезет примерно прибыль в 280—300 марок

*

В Метрополитен-музее в Нью-Йорке
Легкой и освежающей осенью
Я сидел в кафе с девушкой
Это стоило порядка 15 долларов
Что и соответствовало качеству и вкусу
Но приятность соседства, беседа, пожатие рук,
прекрасность окружения повышали
стоимость сразу до 50 долларов
А предстояло мне и вовсе нечто, что трудно оценить
Но все-таки рискнем назвать сумму
в 200—300 долларов
Итого, по прошествии всего, за вычетом начальных
15 долларов оставалось 235 или 325 долларов сверху

*

Вот старушка в галерее Уффици
Кушает буквально за гроши, за 5 тысяч лир
Но по ее быстрому косящему взгляду
Видно, что она старается заставить себя оценить еду лир в тысячу
50
А значимость обстановки, вмещающая в себя
резко возросший ее уровень самосознания и того больше
– 500 тысяч
Старушка ошибочно скалькулировала уже

свою возвращенную молодость
в миллион лир

Ничего не выйдет, старая!

Не обманешь!

Я все вижу и оцениваю беспристрастно
по прямому факту поедания тобой фактической пищи
Все так и будет – 5 тысяч лир – ни больше ни меньше

*

Не всегда итог, казавшийся прибыльным,
оказывался таковым
По прошествии времени и по трезвой оценке
Качество еды понижалось в своем
первоначальном ошибочном денежном эквиваленте
Да и полезность или приятность беседы
резко падали в цене
Так что прибыль оборачивался своей
противоположностью
То есть страшным, страшным убытком

*

Были у меня случаи и прямой выгоды
Когда без всяких обедов
И всяких дополнительных подсчетов
В руки попадали прямые деньги
Но как бы не отмытые культурным обиходом
и редукцией
И последовательностью квазирыночных операций
Они не обладали как бы очарованием и величием
Однако же все-таки доходили до ума и сердца
Они так и были – деньги

*

Я просчитывал оптимальный вариант на каждый день
В более-менее устойчивом долларовом эквиваленте
Обед 5—6 долларов
Желательно очень вкусный, превышающий
номинальную стоимость на 10 долларов

В компании интересных, значительных
и полезных людей, что прибавляет
еще долларов 50
Итого имеешь в день где-то 55—60 долларов
В месяц – около 1800
В годовом расчете – 21600
Не Бог весть что, но жить можно

Стихи написанные

в самолете Берлин—Москва

в автобусе Лондон—Киль

в поезде Самара—Москва

в поезде Москва—Самара

в самолете Лондон—Будапешт

в самолете Будапешт—Лондон

в поезде Лондон—Бангор

в поезде Берлин—Кельн

и т.д.

1997

Предуведомление

Это стихи, действительно, были написаны в перечисленных средствах транспортного передвижения. Это было бы не очень уж и отличительным свойством, так как кто не писал в поездах, автобусах, самолетах, метро, трамваях, троллейбусах, такси, вертолетах, кораблях, катерах и машинах. И я писал, и очень часто, и очень много. Но у этих стихов есть и другое отличительное, объединяющее их, если не качество, то принцип.

Недавно я прочитал поздние стихи Василиска Гнедова, наирадикальнейшего авангардиста двадцатых с его малевичеподобной «Поэмой конца». А в чем-то и почище Малевича. И вот под конец жизни по разным причинам выпихнутый из культурной жизни, живя где-то в полукурортном городке, работая на какой-то бухгалтерской должности, что ли, продолжал он

перебирать слова, слагая их в стихоподобные организмы, единственно запомя из далекого отрубленного прошлого, что стихи это что-то поделенное на короткие строчки, записываемые столбиком друг под другом и наделенные некими перекликающимися созвучиями на концах. В общем-то, все так и есть. Но в случае с крутым авангардистом это выглядит наиудивительнейшим образом, но и в то же время до невозможности обаятельно. Да, именно это и есть уровень поэзии, неотличимый от простого жеста, простой интенции письма. Вот это и хотелось осознать и воспроизвести, тем более, что такое, вообще-то, всегда изначально присутствовало в моем способе бытования в поэзии.

1vl o2907 Опять приходит Новый год
Писать стихи – какая скука!
Подумайте только!
Всякий и так сам себе угодн
Без всякого метафорического стука
Пустого
Однако же, важна прицельность
То есть направление и цельность
Натуры

1vl o2908 По радио рассказывают про Танзанию
Я слушаю внимательно, но занят я
Параллельно
Исследованием тушки крысы
Со мной проживавшей лет пять
Большой притворщицы, актрисы
Которую понять
Даже мертвую —
Что твою Танзанию понять

1vl o2909 Вот вижу, канаву копает
Какой-то солдат отставной
И кабель там основной
Некий
Отыскивает и ласкает
И в рот глубоко запускает
Засовывает его и вот
Уже через задний проход
Не без труда достает
Его

1vl o2910 В метро к дежурной по станции
Я подхожу и говорю:
А что вдруг если станется мне
Вдруг заболеть, вдруг я горю
Весь
От температуры
Она в ответ глядит участливо:
И что, такое часто у вас? —
Какое такое?

Ну, что подходите так и так вот рассуждаете

1vl o2911 Я помню, девушка Сабина
Из немецкой дальней стороны
Вправду, словно стройная рябина
Мне тогда явилась, хоть странны
Были строгие ее слова —
Все равно, шальная голова
Моя
Кругом пошла

1vl o2912 Я сегодня недолго спал
Вышел во двор и встретил соседа
Он подошел ко мне и сказал
Что в магазине слышал беседу
В бакалейном отделе двух продавцов
Что все подорожает, кроме огурцов
Соленых

1vl o2913 Ко мне подошел мужик с бородой
И попросил подать на выпить
Но я ему сказал, чтобы шел домой
А он стал ругаться и хотел побить меня
Но рядом оказался Милицанер
И я подумал: А что, например
Случилось
Не окажись рядом Милицанера —
Убить бы запросто мог

1vl o2914 Я, помню, раньше ходили с красными флагами
На демонстрации разные и праздники
Ну, случались, конечно, и безобразники
Но, в основном, все было как надо
Какое-то было приподнятое настроение
А вот написать об этом стихотворение
Мне случилось только сейчас
Тогда как-то в голову не пришло

1vl o2915 Из палисадника ветка сирени
В окошко под утро мне просунулась
Как раз в это самое время
Под утро и что-то приснилось мне
Подобное —
Как будто бы ветка сирени божественная
В окно мне под утро просунула женственную
Руку

1vl o2916 Мой близкий друг недавно умер
Я понимаю, что такое

В порядке дел, но я подумал
Что вот, лежит себе спокойно
Внутри его же – может, буря
Душевная! а как по дури
Нашей
Земной
Узнаешь это

1vl o2917 Курица зерно копает
К ней подходит кот соседский
Я его отлично знаю —
Дранный и безумно дерзкий
А курица и не боится
Эка сука! – даром птица
Что! —
Чувствует, что я рядом
А я и уйду

1vl o2918 Я люблю смотреть на салюты
Они так на стихи похожи
Разноцветно-яркие и в то же
И в то же время они абсолютно
Не похожи на стихи нисколько
Они тут же умирают, поскольку —
Вспышки мгновенного света они
А стихи – вечные

1vl o2919 Умер сосед из соседнего подъезда
Спокойный был, важный мужчина
Даже дослужился до важного чина
Видать был полезный
Человек
Я спросил у соседки: А умер-то от чего? —
Да от какой-то ошибки врачевой
Не тот укол сделали

1vl o2920 Я облил себя чебуречным салом
Я чебурек неправильно надкусил
Он стал падать, совершая немислимый слалом
А я его ловил
Весь сок вылился и вывалилось мясо
В моих руках и остался
Что —
Глупый запеченный остов теста

1vl o2921 В одной книжечке сюжет
Про испорченную девочку
Ей всего тринадцать лет
Звать Лолитой – вроде, немочка

А писатель, вроде, был
Русским, да вот позабыл
Имя его —
Вроде, Кабаков

1vl o2922 Покрасили здание школы
В светлый и радостный цвет
И я здесь учился, и в памяти след
Еще
Как делали нам уколы
Под левую лопатку два раза в год
Вот боль прошла, а память нейдет
Прочь

1vl o2923 Я с внуком сижу за задачкой
Математической и не могу понять
И вспоминаю, как вот также мать
Сидела со мной на дачке
В саду, и черемухи цвет отлетал
И я безутешно рыдал
И точно так же, как сегодня, ничего не мог понять
Вот так – и годы летят, но что-то все-таки остается
неизменным

1vl o2924 Мороз рождественский и всюду
Шаги поскрипывают прохожих
Словно фарфоровую посуду
На стол выставляют – похоже
И все белым, легким духом сковато
Словно парик Людовика там какого-то
На мир натянули

1vl o2925 Мне никогда не было семнадцать лет
Всегда либо пятнадцать, либо двадцать один
Но горя по этому поводу не было и нет
Пока один
Не сказала мне, приведя в расстройство:
Это очень опасное свойство
Почти нечеловеческой
Натуры

1vl o2926 К нам летом в дом зашел медведь
Но нет, не то, чтобы реветь
Но стал безумно озираться
Словно таежный Заратустра
Я ж сидя на печи пронзительно
Смотрел, и он вдруг заразительно
Рассмеялся
И я тоже

1v| o2927 С приятелем по телефону
Своим старинным говорил
И вспомнил вдруг: во время оно
В далеком детстве я избил
Его так страшно на виду
У всех
И стыдно! да вот не найду
Никак
С тех пор
Повода попросить прощения

1v| o2928 Вот я твержу все: Стар я! стар!
Однако же и молодого
Когда бы он ко мне пристал
Отделал бы за будь здорово

Нет, я, конечно же, не стар
Но просто дьявольски устал
За долгую и неблагодарную жизнь

Где я это видел 1998

Предуведомление

Ну, основной посыл написания этих текстов так прост и явен. Почти на каждом шагу возникает вопрос: а где это я видел? И моментально выстраивается ряд той или иной длины. Именно имплицитное содержание как самого перечисления, мысленного перенесения в различные ситуации различных мест, так, собственно, и многообразие собственного содержания перечисленных топонимов моментально заслоняет конкретность и порой значимость данной, взывающей к отдельному персональному ее восприятию, встречи. Но таков уж человек. А мы представляем вам частоповторяющийся мгновенный механизм редукции искреннего к культурному.

*

Вот вишня в цвету – подобное я видел в Подмосковье, в Германии, в Южной Корее, под Лондоном, во Франции, и в других местах, где, уж и не припомню

*

Вот валяется пьяный – я увидел подобное в Москве, в Печоре в детстве, в зрелости, в подворотне, в Калуге много раз и в других местах, где, уж и не припомню

*

Вот картины развешаны в залах – подобное я видел в Москве, в Нью-Йорке, в Чикаго, в Лос-Анджелесе, в Париже, в Германии, в Италии и в других местах, где, уж и не припомню

*

Вот детишки бегут – подобное я видел однажды ночью, много раз днем в Москве, в Америке, во Франции и Германии, во

время прогулок, даже во сне и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек чудовищно врет – я видел подобное часто, я видел это в Москве, в Тбилиси, в зоне отдыха, в Подольске, в Бристоле, в Мадриде и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот две крысы медленно перебегают дорогу – я видел подобное часто, я это видел в Москве, в Петергофе, в Иерусалиме, во дворе своего дома в Сиротском переулке, в Переделкино, в Ливерпуле и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек усердствует над скрипкой – я видел подобное в зале Чайковского и в Консерватории, в Тбилиси, в Потсдаме, в Мэдисоне и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот удят рыбу – подобное я видел на Истре, в Звенигороде, в Нью-Йорке, в Амстердаме, в Дельфах, в деревне Черная и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот приключилось что-то невероятное – подобное я видел в подворотне в Москве, в Сеуле, в школе, в Германии, на пароходе посреди Рейна и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот собака какает с невероятным напряжением – я это видел на улице Волгина, на улице Мытная, на улице Унтер ден Линден, на площади Трафальгарской и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Я видел живописные ручьи и щебетанье птиц – подобное я видел в Ньюхемпшире, в Швейцарии, в Северной Италии, в Тюрингии и Саксонии и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот дракон пожирает девственницу – я это видел в кино, в книгах, по телевизору, во сне и может быть, в каких-нибудь других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек со зверским выражением лица – я это видел в Москве, в Крыму, в подъезде, в Кельне, в телевизоре и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот женщина лупит козу – я видел подобное в деревне Подрезково, около Ньюкасла и вроде бы в каких-то еще местах, где, уж и не припомню

*

Вот люди копают канаву – я видел подобное в Ясенево, в Берлине, в Англии, в Белфасте, в детстве, на Аландских островах и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот несется дикое количество облаков – я это видел в Эстонии, в Голландии, на островах и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот валяется мертвый голубь – я это видел в Мюнхене, в Москве, в Киеве, в Лондоне и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек применяет бритву Оккама – подобное я видел в интеллигентских домах в Москве, среди интеллектуалов Берлина и Нью-Йорка и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот падает неожиданно что-то сверху – я это видел как-то в юности, видел в Иркутске, видел снег валившийся с крыши в Сокольниках, в Нью-Йорке видел бутылку, летевшую откуда-то сверху, и видел подобное во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот растет малина – я видел подобное в местечке Локса, в деревне Подолы, в Корнуэлле, во Франции и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек страдает от зубной боли – я это видел на самом себе, на своих родных и знакомых, видел в Пуцино, в Брайтоне, в Праге, в Разуваево и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот происходит событие прямо-таки метафизического значения – я видел подобное в Загорске, в Риме, в книге, во сне, в Кванджу, в Иерусалиме, в Сантьяго-де-Кампостелле и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот невыносимо блеет ягненок – я видел подобное в поле под Богуславом, в загоне, видел в Вельяминово, в Киле, под Ливерпулем, в Миделборо, в Зальцбурге и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот тело падает с высокого этажа – я это видел в кино, в книге Хармса, во сне, по телевизору, однажды случайно в Тимирязевке, и ни в каких иных местах, которые уж и не припомню

*

Вот лодка покачивается на волнах – я видел подобное в парке культуры и отдыха им. Горького, в парке Сокольники, в зоне отдыха Беяево, в Ялте, на картинах импрессионистов, в Швейцарии, в Винчестере и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек зачем-то читает газету – я видел подобное в своем доме, в метро, в самолете, в кафе, в парке и на кухне, в туалете и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот море с диким шумом наваливается на берег – я видел подобное на Кавказе, в Британии, в Эстонии, на Канарских островах, на Сардинии и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот мужчина порезался бритвой – я видел это в кино, в зеркале, в гостинице, в Кембридже, в Лекко, в Комо, в Бостоне, в Белифельде и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек пьет водку – я видел подобное у прилавка, в подъездах, в лифтах, в парках, на местных площадях, на рынках, на стройках, в ресторанах, в магазинах, в гостях, дома, на работе, в забегаловках, в кино и театрах и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот тропа забирает резко в гору – я видел подобное в Германии, в Грузии, в Швейцарии, в Кванджу, в Фелдкирхе и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек платит огромные чаевые – я видел это в ресторане, в гостинице, в Москве, опять в Москве и опять же в Москве, в Лондоне, в Израиле, и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек сидит на сцене – я видел это в Москве, в Лондоне, в консерватории, в Художественном театре, в Регенсбурге и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек чует волка – я это видел в американских триллерах, в советских фильмах, в собственном воображении, в глазах зрителей и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот резко изменяется погода – я видел подобное в Хаапсулу, в Англии, в Мичигане, этой весной в Москве и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот является вечная женственность – я это видел в некоторых философских рассуждениях, в эзотерических учениях, в старой Москве, в литературе, ночью в Иерусалиме и в некоторых других редких местах, где, уж и не припомню

*

Вот убивают кого-то – я это напрямую не видел, но результат этого видел у своего подъезда, у пруда в Кратово, в зоне отдыха в Беляево, по телевизору, в изображении других людей и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот валит густой снег – я видел подобное в России, в Сибири, в Швеции, в Америке, как ни странно, в Италии и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот идут выборы – я видел подобное в Советском Союзе, в Чехословакии, в демократической России, в Германии, в Армении, в Италии и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек сидит с видом эмигранта – подобное я видел в Америке, в центре Москвы, в нынешней Латвии, в полиции в Англии и в некоторых других местах, где, уж и не припомню

*

Вот стоит дикая безумная жара – я подобное видел на Ванзее, в Новом Свете, в Италии, на Канарских островах и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек ни на кого не глядя бежит в туалет – я подобное видел дома, в гостях, в театре, на улице, в Париже, на улице Полянка в собственном исполнении, на даче и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек внезапно побледнел – подобное я видел на кладбище, в больнице, на экзаменах, в России, в Лос-Анджелесе, во время споров и непростых разговоров и во многих других случаях и местах, где, уж и не припомню

*

Вот что-то тяжелое носится в воздухе – я это видел в Белграде, в Лейпциге, в Кижях, рядом с Гарлемом и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот я стою недовольный и нерешительный – я это видел в центре Москвы, на ее окраинах, зимой и летом, в тумане, в Швейцарии, в Корее, в Екатеринбурге, в Самаре, и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот человек дает пресс-конференцию – подобное я видел во многих музеях, в Москве, Берлине и Лондоне, в университетах, на политических мероприятиях и во многих других местах, где, уж и не припомню

*

Вот вынимают сердце из кого-то и вставляют кому-то –
я это видел в кино, на фото, во сне, в воображении и в некоторых
других местах, где, уж и не припомню

*

Вот плачет ребенок – подобное я видел в детстве, во
взрослом возрасте, в гостях, в Беяево, в Америке, в Германии,
в Вильнюсе, в Ростове и во многих других местах, где, уж и не
припомню

рюмки – не рюмки
Слева – достаточно хороший свет падающий на бумагу
Справа – доносится крик и плач
сына Георга Михаила,
т.е. Михаила Георгиевича
За спиной – целый день всяческих
сомнений

1vl o2933 Сижу утром в одном знакомом доме за кухонным столом
Передо мной – утренняя маленькая чашечка кофе
Слева – плита с чем-то дымящимся на ней
Справа – окно и детские выкрики внизу
За спиной – ровный сон без сно-
видений и стимуляторов
и без превышения ка-ба-
ланса

1vl o2934 Сижу в метро
Передо мной – негритянка с длинню-
щими ногами и в юбке с раз-
резом до лобка
Слева – какой-то хмырь читает
газету
Справа – вдали что-то смутное
За спиной – почему-то подумалось,
про мироздание

1vl o2935 Сижу в кафе Литературхаус Берлина
Передо мной – чашечка напитка
Слева – за столиком немцы едят что-
то тяжелое
Справа – сад, маленький фонтанчик
и свежая листва знаменитых
берлинских лип под мелким
морозящим дождиком
За спиной – приятный разговор с
директором Литературхауса

1vl o2936 Сижу в доме профессора Витте
Передо мной – портрет поэта Круче-
ных, который я рисую уже
недели две
Слева – маленький радиоприемничек,
по которому радио Свобода
говорит об ужасах в России
Справа – крики маленького Миши,
доносящиеся из большой комнаты
За спиной – нелегкое решение

- 1v| o2937 Сижу в поезде Берлин—Кельн
Передо мной – ничего
Слева – за окном рожица с тоненьки-
ми березками
Справа – за другим окном бетонные
развалины и нечеловеческий
вид
За спиной – проблемы покупки биле-
та и захват удобного места
у окна по ходу поезда
- 1v| o2938 Сижу утром в галерее
Передо мной – список дел
Слева – огромный стеллаж умных
книг
Справа – гладкая чуть-чуть серова-
тая стена
За спиной – неприятный долгий раз
говор с галеристом
- 1v| o2939 Сижу в трамвае номер 7
Передо мной – какая-то старуха
Слева – двое идиотов целуются
Справа – за окном бегут неинте-
ресные строения большого города
За спиной – долгий путь и
разного рода беспокойства
- 1v| o2940 Сижу на борту какого-то парохода
Передо мной – невзрачная брошюра
о чем-то
Слева – воды достаточно могучей
реки
Справа – воды той же реки
За спиной – все-таки почему-то
невероятная психологичес-
кая усталость
- 1v| o2941 Сижу в кафе-имбис на улице
Гольштайн
Передо мной – включенный телеви-
зор, где немцы режутся в
футбол с кем-то
Слева – служебная комната, откуда
доносится переругивание
местных греков
Справа – стена с фото Акрополя —
красиво
За спиной – опережающее знание

вкуса местной пищи

1vl o2942 Сижу в закускойной

Передо мной – старый знакомый
затягивается сигаретой и
говорит по-английски

Слева – бармен со своим баром

Справа – стена, покрашенная в не-
маркий цвет

За спиной – по-глупому проведенный
день

1vl o2943 Сижу в трамвае номер 9

Передо мной – в переднее окно
накатывается малоинтерес-
ный город

Слева – гордая старуха

Справа – странно промытое окно

За спиной – почти пятьдесят лет
безумных унижений перед
советской властью

1vl o2944 Сижу в пивной

Передо мной – огромная кружка пива

Слева – Наталья, Вадик, Юрий и
Андрей

Справа – Клаус, Сабина, Иван и
Клавдия

За спиной – открытие весьма важной
для меня выставки

1vl o2945 Сижу в гостях

Передо мной – изящная чашечка
кофе

Слева – жена хозяина, вниматель-
но всматривающаяся в
меня

Справа – сам хозяин около огромного пузообразного
камина

За спиной – всякие неловкости в
объяснениях с самим собой

1vl o2946 Сижу вечером опять в галерее

Передо мной – опять-таки закон-
ченный рисунок

Слева – падает свет от лампы, не
отбрасывая тень от правой
рисующей руки на рисунок

Справа – какие-то предметы рисо-

вания
За спиной – перипетии и пережива-
вания

1vl o2947 Сижу в некоем китайском заведении
Передо мной – молодая китайка с
 блокнотиком, чтобы записы-
 вать мой заказ
Слева – зеркало, где я тихо отра-
 жаюсь с этой китайкой
Справа – какие-то шумные опять же
 китайцы
За спиной – мои невероятные пред-
 ставления о небесном Китае

1vl o2948 Сижу в кафе
Передо мной – Татьяна,
дочь моих старых знако-
 мых
Слева – Марина, старая моя знако-
 мая, мать Татьяны
Справа – Павел, муж и отец
За спиной – долгая история слож-
 ных отношений с ними

1vl o2949 Сижу утром в знакомом помещении
Передо мной – все то же
Слева – дребезжащий телефон
Справа – записная книжка с номера-
 ми, по которым так безумно
 не хочется звонить
За спиной – тяжелая, с частыми
 просыпаниями и идиотскими
 снами, ночь

1vl o2950 Сижу в комнате художника
Передо мной – несколько пирож-
 ных
Слева – маленькое окошко сходя-
 щей на нет мансардной
 крыши
Справа – естественно, компьютер
За спиной – долгое и глупое
 блуждание в поисках этого
 дома

1vl o2951 Сижу утром дома
Передо мной – рисунок, который
 я полусонный пытаюсь

рисовать
Слева – на кухне рыканье со
всхлипыванием и прибор-
матыванием кофеварки
Справа – за окном вой какого-то
ремонтного механизма
За спиной – что-то тяжкое – то
ли воспоминание, то ли сон

1vl o2952 Сижу в греческом заведении
Передо мной – вот этот вот текст
Слева – ничего, пустота
Справа – тоже никого
За спиной – обида на каких-то там
не принявших меня куда-то
там

1vl o2953 Сижу в пивной
Передо мной – телевизор с какой-то
полуголой поющей негритян-
кой на экране
Слева – столик с новыми, видимо,
русскими
Справа – какой-то ублюдок курит
вонючие сигареты
За спиной – неутешительные раз-
мышления о смерти

1vl o2954 Сижу вечером за столом
Передо мной книга
Слева – странное потренькивание
телефона, видимо кто-то
пытается прорваться из-за
рубежа
Справа – все что-то в тени
За спиной – размышления и вся-
ческие расклады по поводу
необходимого и достаточного
количества денег

1vl o2955 Сижу в поезде
Передо мной – книга воспомина-
ний Зайцева
Слева – какой-то кретин
Справа – окно и убегающая даль
За спиной – приятные воспомина-
ния о давней поездке в
подобном же поезде

- 1vl o2956 Сижу утром в кухне
Передо мной – какая-то неразличи-
мая газета
Слева – остывший чай
Справа – вещи готовые к отъезду
За спиной – уже все это, собрав-
шеся в один слипшийся
отваливающийся ком
- 1vl o2957 Сижу в итальянском ресторане в
Хайдельберге
Передо мной – обычная итальянская
пицца
Слева – огромный немец Якоб
Справа – маленький американский
поэт Коди с неожиданно
низким голосом
За спиной – долгий путь
- 1vl o2958 Сижу в концертном зале
Передо мной – какой-то музыкант
производит звуки
Слева – замерла от восторга по-
жилая дама
Справа – беспрерывно кто-то шеп-
чется
За спиной – знание жуткой силы
искусства
- 1vl o2959 Сижу утром в гостинице
Передо мной – два местных жителя
Слева – русский поэт с мрачным
лицом
Справа – только что прилетевший
американец
За спиной – вчерашнее выступление
на поэтическом вечере
- 1vl o2960 Снова сижу в поезде
Передо мной – спинка переднего
кресла
Слева – прелестная девушка, из-
редка косящая в мою сторону
Справа – в окне обычные окрестности
За спиной – хорошие деньги
- 1vl o2961 Сижу в китайской забегаловке
Передо мной – обед, не очень
дорогой

Слева – за окном хлещет холодный
иноземный дождь
Справа – за столом непонятно кем
и как занесенные сюда
испанцы
За спиной – вчерашние приятные
впечатления

1v| o2962 Сижу в пивной
Передо мной – Игорь Смирнов со
своею трубкой
Слева – Рената, мягко путающая
окончания русских слов
Справа – безумная молодежь
За спиной – какие-то глупые подоз-
рения по поводу чьей-то обиды

Где я сиживал II 1998

Предуведомление

Прочитав все эти сборники, эти сидения и присаживания, я обнаружил, что запечатлелись в большинстве своем западные по всякого рода институциям общественного сервиса – ресторанам, кафе, гостиницам, самолетам, поездам, забегаловкам и пр. Не то, чтобы в России я имею гораздо меньше возможностей присесть. Пожалуй, в России сидение есть слишком фундаментальное значение (во всяком случае, до последнего времени). В то же время в западной социокультурной жизни эти повторяющиеся и воспроизводящиеся присаживания как бы служат мелким пунктиром, точками перерыва в поступательном монотонном пути. Именно в этом смысле они здесь и приведены.

- 1vl o2963 Сижу в арабской закусочной
Передо мной – по телевизору
какой-то арабский
футбол
Слева – болельщики с тяжелыми
красными лицами
Справа – две скучающие барыш-
ни, привлекшие мое
внимание
За спиной – благородное прох-
ладное удовлетворение от
посещения музея
- 1vl o2964 Сижу утром в приятном доме
Передо мной – странная какая-то
книга
Слева – отодвинутая на время
ради этой книги чашечка
кофе
Справа – на стене чья-то, видимо
известная, картина
За спиной – ночные колики в живо
те и воспоминания о вче-
рашнем разговоре
- 1vl o2965 Сижу в баварском ресторане
Передо мной – огромная свиная
нога
Слева – издатель, вернее, изда-
тельница
Справа – ее молодая симпатичная
компаньонша

За спиной – сложные предваритель-
ные расчеты по поводу
издания моей книги

1vl o2966 Сижу в биргартене в Мюнхене
Передо мной – эти рутинные строчки
Слева – столы, столы, столы, люди
Справа – столы под большим дере-
вом с какими-то распустив-
шимися белыми стоящими вер-
тикально свечками
За спиной – нелегкое решение, все
поставившее на свои места

1vl o2967 Сижу в кафе
Передо мной – глупая бумажка с
записями для будущего
вроде бы рассказа
Слева – незаметно как выпитая
чашка
Справа – пустой стол, заваленный
чьими-то окурками
За спиной – многочисленные
обременительные, но необ-
ходимые разговоры

1vl o2968 Сижу за поздним вечерним столом
Передо мной – мой рисунок
Слева – радио с Мендельсоном
внутри
Справа – большая чашка чая с
молоком
За спиной – неясные решения на
ближайшее будущее

1vl o2969 Сижу на кухне в Берлине
Передо мной – тарелка супа
Слева – Наталья с большим живо-
том и будущим ребеночком
в нем
Справа – тонкий и восторженный
Георг
За спиной – долгие и многочис-
ленные попытки в разных
направлениях

1vl o2970 Сижу перед отъездом на кухне
Урсулы
Передо мной – огромный кусок торта

- 1vl o2980 Сижу с утра в кафе
Передо мной – прекрасный капучино со сливками
Слева – книга чьих-то изумительных писаний
Справа – природа
За спиной – небольшое беспокойство
- 1vl o2981 Сижу в концертном зале перед
выступлением
Передо мной – зал, наполняющийся
людьми в странно-глухо шумливый
Слева – на столике мои, кажущиеся внезапно глупыми,
стихи
Справа – музыкант, пощелкивающий мундштуком саксофона
За спиной – предвкушение успеха
и страх провала
- 1vl o2982 Сижу в туалете
Передо мной – дверь и наклеенное
на нее изображение недурной
голой бабы
Слева – на стене вырезка из газеты про чету Горбачевых
Справа – стеклянная кабинка душа
в капельках воды
За спиной – съеденная поздно
вечером дурная пища
- 1vl o2983 Сижу в траве в далекой горной
Австрии
Передо мной – местный тибетский
монастырь со ступой
Слева – улыбается тибетский монах
в бордовом балахоне
Справа – близкие, ужасно близкие
снежные вершины
За спиной – весь многовековой
давящий опыт европейской
культуры
- 1vl o2984 Сижу ночью на открытой веранде
Передо мной – над лампой туча
льющихся и гибнущих
существ

Слева – улица, по которой стремительно уносятся машины
Справа – какой-то мужик долго разговаривает сам с собой
За спиной – рухнувшие надежды на весьма престижное мероприятие

1vl o2990 Сижу в кабинете у художественного начальника
Передо мной – его улыбающееся лицо
Слева – на низком столике мои жалкие проекты, которые должны якобы его убедить
Справа – в дверь входит секретарша с кофе на подносе
За спиной – долгие размышления, как бы подстойнее представить себя и свои измышления

1vl o2991 Сижу на пресс-конференции
Передо мной – за столом торжественные участники
Слева – журналистка что-то быстро записывает
Справа – длинный ряд пустых стульев
За спиной – странное желание быть юбиляром

1vl o2992 Сижу в каком-то музее
Передо мной – улыбающийся Кабаков
Слева – спокойный и понимающий Альберт
Справа – нервно усмехающийся Захаров
За спиной – долгий путь и история взаимоотношений

1vl o2993 Сижу в самолете Берлин—Лондон
Передо мной – чья-то лысина в красных прыщах
Слева – два пустых кресла
Справа – за проходом миловидное семейство
За спиной – бесконечные разговоры

1vl o2994 Сижу в зале дворца Генриха Восьмого
Передо мной – огромный ковер с изо-

бражением Геркулеса

Слева – трое музыкантов, играющих музыку самого
Генриха

Справа – железные доспехи

За спиной – смутные воспоминания
об истории тех дней

1vl o2995 Сижу в квартире

Передо мной – какая-то древняя
родовая реликвия

Слева – благородная старушка с
желтым чайником в руках

Справа – моя жена с оживленным
видом

За спиной – ничего определенного

1vl o2996 Сижу в офисе

Передо мной – в окно с 15-го
этажа видна разнородная
застройка

Слева – фурьчит компьютер

Справа – такой же компьютер и
человек перед ним

За спиной – гордость деятеля
искусства

1vl o2997 Сижу в отделении банка

Передо мной – ряд стеклянных
окошечек с цифрами над ними
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и т.д.

Слева – какой-то весь в татуиров-
ке скотообразный мужик

Справа – дама с, действительно,
собачкой

За спиной – бессмысленные попыт-
ки понять, что же мне
здесь действительно
нужно

1vl o2998 Сижу в метро

Передо мной – какая-то свалка
мусора на противополож-
ном сидении

Слева – огромный негр, жующий
жвачку

Справа – лица кавказской нацио-
нальности, гортанно пере-
говаривающиеся на своем
языке

За спиной – впустую проведенный
день

1vl o2999 Сижу в одном доме
Передо мной – одноногий хозяин
Слева – его очень больная жена
Справа – забравшиеся на стол и
едящие из общей тарелки кошки
За спиной – долгие убеждения себя
говорить тихо и быть прохладным

1vl o3000 Сижу в полицейском управлении
Передо мной – стеклянная дверь,
открывающаяся только из-
нутри
Слева – за другой стеклян-
ной дверью длинный кори-
дор, где из комнаты в
комнату спуют женщины в
униформе
Справа – негр, индус, русский и
китаец в очереди
За спиной – старые страхи перед
любим государственным
учреждением

1vl o3001 Сижу в пабе лондонского пригорода
Передо мной – фотография какого-то
местного известного футболиста
Слева – в мелко-зарешоченном окне
какая-то свалка
Справа – пустые столы в 12 дня
За спиной – недурная выдумка ново-
го цикла

1vl o3002 Сижу в опере на галерке
Передо мной – сцена, по которой
мечется герой
Слева – безумно переживающая все
это соседка
Справа – сосед высматривает в
бинокль какие-то неведо-
мые мне подробности
За спиной – знание почти наизусть
всей этой нехитрой оперы

1vl o3003 Сижу опять в метро
Передо мной – в темном противо-
положном окне мое удовлет-

ворительное отображение

Слева – жена читает книгу

Справа – никого

За спиной – весь человеческий

опыт обыденной жизни

1vl o3004 Снова сижу в метро

Передо мной – панк в шортах и

иероглифом, начертанным

на левой ноге

Слева – кто-то читает деловой от-

чет с цифрами

Справа – дитя, ужасно громко

кричащее

За спиной – тяжесть культурных

воспоминаний о Возрожде-
нии и Просвещении

1vl o3005 Сижу в поезде

Передо мной – молодой поэт

Слева – толпа футбольных болель-

щиков

Справа – за окном проносятся зеленые поля

За спиной – светлые воспоминания

детства, проведенного где-
то в этих местах

1vl o3006 Сижу в зарубежном офисе

Передо мной – телефон, по которо-

му звоню в Москву

Слева – гора английских бумаг

Справа – местная секретарша,

неодобрительно на меня визи-
рающая

За спиной – желание чего-то

совсем иного

1vl o3007 Сижу как бы в луже

Передо мной – дикий дождь, зали-

вающий все горизонтальные
поверхности

Слева – вертикальная стеклянная

стена небольшого козырька
автобусной стоянки

Справа – промокшие, бедные,

в общем-то, люди

За спиной – все отчаяние чело-

вечества

1v| o3008 Сижу опять, понятно, в метро
Передо мной – спящая баба с боль-
шой сумкой
Слева – какой-то плакат о
возможности отлично про-
вести отпуск
Справа – то же самое
За спиной – понимание, что эти
каникулы никогда не про-
вести желаемым образом

Сижу дома
Передо мной – тарелка дымящихся
щей
Слева – за окном дождь и
унылость
Справа – книжка об умных вещах
За спиной – долгие-долгие путе-
шествия по разным стра-
нам

Интерьеры 1998

Предуведомление

Отделение внешнего от внутреннего, своего от чужого, человеческого от природного – все это сошлось, сконцентрировалось и объявилось в интерьере. И человек выстраивает целые оборонительные рубежи между ними (естественно, в пользу своего и внутреннего, поскольку, они слабы и ограничены относительно мощного и нескончаемого внешнего и чужого). Они обретают вид магических орнаментов, заговоренных растений, плодов и листьев, окон и дверей, которые человек хочет заставить функционировать в режиме полупроводников. Т.е. выпускать его самого свободно и вольно орудовать снаружи и, по возможности, не впускать ничего иного внутрь, кроме им самим дозволенного и желанного к увеличению богатства и комфорта. Ну, естественно, внешнее само просачивается мелкими незаметными струйками в это благоустроенное жилье, в дивно и персонально строенный космос, хотя бы в виде постоянной одолевающей энтропии. Против нее пускаются средства чистки, мойки, ремонта, выдворения, выселения, выкидывания, уничтожения, сжигания, требующие постоянной энергии и неусыпного внимания. Это, собственно, и есть жизнь с ее нужным героизмом.

Естественно, многое хочет вползти в доверие к человеку, прильнуть к его теплу и осмысленность. Оно плачет, взывает, трется о двери и косяки дома. Иногда прорвав оборону врывается в дом, но не имея навыка к замкнутому жилью и стабилизирующему самоцентрирующемуся движению внутрь и внешнему застыванию, проносится (к счастью для человека) сквозь его человеческий космос, правда, иногда с немалым ущербом, но постоянно компенсируемым последующими усилиями человека. Правда, некоторые пронесшиеся мимо, иногда возвращаются и бывают милостиво усыновляемы человеком. Об этом, собственно, и речь в этом сочинении.

*

Сквозь интерьер проносятся Ленин, Троцкий, кони, быстрое насекомое, чей-то разговор: Чуешь, Сашко? – Чую, дедусь!, монголы на низкорослых кобылах, кто-то в смазанных сапогах, расстегаи и пельмени, сумчатый волк, пуля со смещенным центром и сумрак

Все пусто, возвращается какая-то смятая старая скатерть, весенний свет, прозрачная ваза, ветка сирени в ней, да, и мелкий сквознячок – это и есть суть местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся базисные основания, 1-я Конная, СО₂, киргиз на осле, вспугнутые монахи, единорог и белый бурундук, бородатый мужик с криком: За одну слезинку ребенка!, танковый дивизион и кондр

Все пусто, возвращается постель, условно белые смятые простыни, человек с повязкой на голове, ночной горшок, да, еще шепот из соседней комнаты: Батюшки, неужели так плох? – это и есть дух местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся дождь, революция, пиратские и торговые судна, китайское Дао, атомная бомба, возгласы: Сюда! Сюда!, измерения черепа, катаракта и самиздат

Все пусто, возвращаются окно слева, стол у окна, женщина у стола, яркий фиксированный внешний свет, падающий на письмо, да, еще портрет на стене – это и есть иероглифический знак местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся огромное количество мягких и твердых вещей, сирийцы, проходят афганцы, облака и собаки, золото, камни, кефир, хлеб

Все пусто, возвращается высокий потолок, длинные гардины из золотистого штофа на окнах, картины на стенах, стол посреди, за столом трудноразличимый человек, да, подбегающая еще к нему собака – это и есть призрак местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся фурии, трехголовые твари, хор девушек из оперы Верстовского «Аскольдова могила», футболист сборной Бразилии, англичане, ведущие на костер Св. Жанну, косматая корова, сталелитейное производство и квасная бочка

Все пусто, возвращаются мраморные колонны, статуи на высоких подиумах, ярко раскрашенные панели, ровный ряд окон, да еще далекий гулкий звук чых-то шагов в пустынном пространстве – это и есть загробная жизнь местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся воды, львы, зайцы, Эйнштейн и Лоренц, самураи, направляющиеся в Корею, стадо мамонтов, убегающих от преследующего их стада диких людей

Все пусто, возвращаются какие-то разрозненные вещи, стены испорчены, то ли после бомбежки, то ли перед ремонтом, вбегает человек, спохватывается и убегает, обо что-то ударяется, издали слышны его чертыхания и мат – это и есть отсутствие местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся белогвардейцы, Джесси Оуенс, эсэсовцы, процесс пауперизации масс, эпидемия чумы, первые адепты буддизма и огнепоклонники

Все пусто, возвращается огромный письменный стол, покрытый чем-то зеленым, тяжелый письменный прибор, кожаное кресло, тяжелые гардины, огромный портрет Ленина в рост, за окнами выстрелы и крики – это и есть метафизика местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся толпы болельщиков, космические ракеты, отряды Сомосы, носильщики паланкинов, раздетые и разутые, крупные алмазы, чьи-то тихие всхлипывания: Но он же обещал!, бетонные блоки, балет Большого театра и глубокая афазия

Все пусто, возвращаются длинный овальный стол, заставленный чайниками, блюдами, вазочками, вареньями, большим самоваром и бублики, за столом крупная женщина, за окнами тревожная предреволюционная атмосфера – это и есть знаменитое: Остановись, мгновенье! ты прекрасно! – местного интерьера

*

Сквозь интерьер проносятся Три сестры, женщины Возрождения, суфражистки, виртуальная реальность, масса сплющенного железа, носороги, куропатки и рябчики, почва, разные ингредиенты разного, Лев Толстой, иконопись, 14 век, сабиняне, фарисеи и спартаковцы

Все пусто, возвращаются пещера, мерцающий огонек костра, шкуры, вбегает дикий зверь и тут же от огня бросается прочь – это и есть кошмар местного интерьера

*

В стенах интерьера могут быть вещи 15, 11, 9 и 2 столетий, вещи нашего времени, космобоги, герои, будущее и все останки всех прочих стен и крыш, ненужное и запредельное

Но если приглядеться, при слабом расширяющемся свете видна лишь пустота, но что-то шевелится и закручивается, или это только кажется, это и есть модель местного интерьера

Всё никак 1999

Предупреждение

Есть такие ситуации, которые не могут быть разрешены монотонным инерционным продолжением начатого процесса. Нужны решения оригинальные, порой неожиданные, лежащие как бы совсем даже на другом векторе событий. Опасные иногда. Но решаться надо.

Его усыпляли, а он все не засыпал! —
А вы соляной кислотой не пробовали? —
спрашивают самые ученые
Нет, не пробовали, кстати, — это выход

Его провожали, а он все не уходил! —
А вы его просто выкинуть не пробовали? —
спросили местные умники
Нет, не пробовали, но, кстати, — это неплохой выход

Из него выжимали все соки, и все что-то
оставалось! —
А вы сенокосилкой не пробовали? —
спрашивали старые и опытные
Нет, не пробовали, кстати, — это, возможно, выход

Из него вытекала кровь и все не могла вытечь! —
А вы его на голову поставить не пробовали? —
советовали знающие в этом деле люди
Нет, не пробовали, но, кстати, — это, может,
единственный выход

Его рожали и все не могли родить! —
А вы багром не пробовали? помогает! —
советовали эксперты
Нет, не пробовали, кстати, — это, возможно, и выход

Его ели, ели и не могли все до конца доест! —
А вы засолить не пробовали? — советовали местные
Нет, не пробовали, кстати, — это, возможно, и выход

Он все проваливался и не мог провалиться! —
А он не пробовал сказать: Сэнем! огпрова́л! и́ться! —
Нет, не пробовал, а, кстати, — это, конечно же, выход

Его лечили и все не могли вылечить! —
А гильотиной не пробовали? — шутили шутники

Нет, не пробовали, но, кстати, если быть
серьезными – это один из выходов

Его кормили и все не могли накормить! —
А вы говном не пробовали? —
Нет, не пробовали, но, кстати, – это не всегда выход

Ну и классическое:
Его все убивали, а никак не могли! —
А вы дустом не пробовали? —
Нет, не пробовали, но, кстати, – выход классический

Он все рожал и не мог родить! —
А вы помочь ему не пробовали? – спрашивали
сердобольные
Нет, не пробовали, но, кстати, – это
половинчатый выход

Его не трогали и все не могли до конца
игнорировать! —
А вы апофатику не пробовали? – спрашивали
самые опасливые
Нет, не пробовали, но, кстати, – это был бы
чересчур радикальный выход

Его прославляли и все не могли по-настоящему
прославить! —
А вы смертью не пробовали? – спрашивали
забегающие вперед
Пробовали, пробовали, и, кстати, – это вполне
может быть паллиативом истинного выхода

Его заменяли на другого и все не могли до конца
заменить! —
А вы новую антропологию не пробовали? —
спрашивали замороченные другими проблемами
Нет, не пробовали, и, кстати, – это был бы выход,
если бы кто-то имел о ней хоть какое-то понятие

Его понимали, понимали и все не могли
до конца понять!
А вы разумным способом не пробовали? —
спрашивали разумные
Нет, не пробовали, кстати, – это неплохой, хотя,
конечно, и неместный выход

Его ласкали и все не могли до конца приласкать! —
А вы терочками, скребочками, присосочками,
примочечками не пробовали? —

Нет, не пробовали, но, кстати, – это в трудные
минуты может показаться и выходом

Он самоустранился, самоустранился и все не мог
до конца самоустраниться! —

В вы не пробовали помочь ему, обмазав его
черной краской? – спрашивали решительные
Нет, не пробовали, кстати, он сам в свое время
намекал на этот выход

Его учили, учили и все не могли научить! —

А вы другую инкарнацию не пробовали? —
спрашивали уж совсем задвинутые
Нет, не пробовали, кстати, – это иногда в иных
случаях бывало выходом

Его обожествляли, обожествляли и все не могли
до конца обожествить! —

А вы распять его не пробовали? – спрашивали
самые проникательные
Пробовали, пробовали, но, кстати, – это
не может быть выходом дважды

В присутствии 2000

Предуведомление

Взаимоотношения названия и самого текста весьма неоднозначны. Мы избрали весьма узкий аспект из этой необозримой по объему проблемы – отношения тавтологические. Открывается сразу несколько смыслов и, соответственно, возможностей толкования.

Текст, следующий за названием, и почти полностью воспроизводящий его может нести на себе значения:

1. Удивления – Надо же, действительно, все так и есть!
2. Подтверждения – Да, так именно и есть!

3. Повторения – порой название и сам текст разделяют года, безмерная пропасть пропадания и вдруг – вот-те на! Оказывается, выжило? все так и есть, как заявлено и через многие годы и расстояния. Даже больше – оно только и есть. Во всяком случае, ничего нового неросло. А оно – вот оно! Сохранилось в первоначальной чистоте и свежести, от времени и расстояния нарастив даже дополнительную пыль значений и смыслов. Ну, мы не останавливаемся специально на ориентальном колорите и мотивах. Просто в тех краях, в пределах тамошнего ментального и психологического климата все подобное более открыто, ясно и доходчиво

В присутствии утки, наблюдающей меня

1vl o3009 Сижу
В присутствии утки
Наблюдающей меня
Строго

На ступеньках храма в пережидании дождя

1vl o3010 Сижу
На ступеньках храма
В пережидании дождя
Долго
Очень долго

Разговаривая с человеком о смысле жизни

1vl o3011 Разговариваю с человеком
О смысле жизни
Истерично и бестолково

Ночью пишу стихотворение о бессоннице

1vl o3012 Ночью
Пишу стихотворение
О бессоннице
Не получается

О фонтане, бьющем из самой глади пруда

1vl o3013 Мощный фонтан
Бьет из самой глади
Пруда
И легко шумит

Размышляя о чем-то неземном

1vl o3014 Размышляя
О чем-то неземном
Думаю:
Так бывает

За мытьем посуды в чужом доме

1vl o3015 Опомнился
За мытьем посуды
В чужом доме —
Что это я?

Проезжая на поезде станцию Икэбукуро

1vl o3016 Сидя в поезде
Проезжаю станцию
Икэбукуро
Следующая – Меджир

В постели, не зажигая света

1vl o3017 Лежу в постели
Не зажигая верхнего света —
Лампа перегорела

На тенистой поляне занимаясь любовью

1vl o3018 Валяясь
На тенистой поляне
Занимаюсь любовью
Угадай, с кем?

В метро, глядя в лицо невероятной красавице, думаю

1vl o3019 Сидя в вагоне метро
И глядя в лицо невероятной красавице
Думаю:
Ни хуя себе!

На кладбище наблюдая мертвеца

1vl o3020 На кладбище
Наблюдая мертвеца
Не впечатлен

За кружкой пива ожидая приятеля

1vl o3021 Сижусь за кружкой пива
Ожидая приятеля —
Не идет
Не пришел

Переругиваюсь с кошкой в самом неприглядном виде

1vl o3022 Переругиваюсь с кошкой
В самом неприглядном виде —
В длинных выцветших черных сатиновых трусах

Собирая ненужные камушки на берегу моря

1vl o3023 Собирая ненужные камушки
На берегу моря
Ничего не могу придумать

Над чужой книгой, безумно завидуя

1vl o3024 Склонившись над чужой книгой
Безумно завидую чужому письму:
Господи! Прямо хоть умри!

У окна задумавшись, не вижу смысла умирать

1vl o3025 Гляжу в окно задумавшись
И не вижу смысла умирать
Во всяком случае
Прямо сейчас

Не зная где, не зная что, решаю

1vl o3026 Не зная, где
Не зная, что
Но решаю:
Я со всем рассчитался

Мысленно дискутируя с некоторыми, идеализирующими пьянство

1vl o3027 Мысленно дискутируя
С некоторыми
Идеализирующими пьянство
Единственно, что могу утверждать с абсолютной
уверенностью
Это не для меня

Глядя на некоторых пропадающих в не зависящей от них нищете

1vl o3028 Глядя на некоторых
Пропадающих
В не зависящей от них нищете
Ужасаюсь:
Не приведи, Господи!

На огромной сцене выступая с другими поэтами

1vl o3029 Сижу в огромном зале
На сцене
Выступая с другими поэтами
А ведь не хуже их! —
Проносится в голове

Ем смородину и ощущая невероятную кислотность во рту

1vl o3030 Съев смородину
Почувствовав невероятную кислотность во рту
Отворачиваюсь
И незаметно для всех выплевываю на пол

Не дочитав газету, бросаюсь навстречу

1vl o3031 В каком-то вестибюле
Не дочитав газеты
Бросаюсь навстречу
Долгожданному другу

На улице вослед некоему думаю

1vl o3032 На улице
Вослед некоему
Думаю:
Мерзавец

В самом себе недоволен собой, осмеливаюсь нечто предположить

1v| o3033 Находясь в самом себе
И будучи полностью собой недоволен
Осмеливаюсь предположить
Что это не навсегда

Смотря картину Падение Берлина

1v| o3034 Смотря картину
Падение Берлина
Неожиданно восклицаю:
И все-таки он пал!

Пытаясь закончить стихотворение, впадаю в отчаяние

1v| o3035 Пытаясь закончить стихотворение
Впадаю в отчаяние:
Оно нескончаемо!

Пригодные места 2001

Предупреждение

Это о том, что, в общем-то все пригодно для всего, но все-таки каждое пригодно в большей степени для некой специфической функции и в том предназначение этого.

*

Телефонная будка, конечно, неплоха для совокупления
Но все же она сподручнее для телефонных переговоров
Тех же, скажем, любовных

*

Рояль, конечно, неплох для совокупления в летнюю грозовую ночь
Но все-таки он лучше приспособлен для извлечения из
него неистовых волшебных звуков
О тех же любовных страданиях

*

Лифт, конечно, неплох для совокупления при поспешных
обстоятельствах
Но все-таки он более пригоден для поднимания тех
же любовников
На верхний этаж к квартире одного из них для того
же совокупления

*

Салон машины, конечно, неплох для совокупления в дорожных
обстоятельствах
Но все же он более приспособлен для перемещения
с большой скоростью

От дома одного возлюбленного к другому для, кстати,
возможного совокупления в теплых и уютных апартаментах

*

Гроб, гроб, гроб, конечно, неплох для совокупления отпущенных
и пропащих

Но все-таки, он более приспособлен для перемещения
уже ничего не ожидающего тела в окрестности, близкие к другим
мирам

Вместе со своими уже неоскорбительными
воспоминаниями

*

Могила, могила, могила тоже неплоха для совокупления
продрогших под нудным осенним дождем бездомных обоого пола

Но все-таки, все-таки, все-таки она гораздо
более приспособлена для лежания в ней очищенного от мелочного
и сладострастного мяса чистых, белых, сияющих под первыми
лучами взыскующего солнца, костей

*

Глубокие развалы земные, конечно, подходят для совокупления
уж и совсем пропащих

Но лучше всего они все-таки приспособлены для их пущего
пропадания до полнейшей потери всяческих опознавательных
знаков и черт антропоморфности

*

Гладкий письменный стол вполне неплох для поспешного
совокупления на рабочем месте

Но лучше всего он все-таки приспособлен для
подписания указов, запрещающих подобного рода непристойные
проявления в рабочих помещениях и обязывающих в строгом
порядке к недопущению подобного

*

Кровать, конечно, лучше всего приспособлена для совокупления специально для того подобранных существ

Но все-таки, она гораздо более подходит для долгих и неотягчающих снов про долгие странные касания, отлетания и взаимолюбования удаленных обитателей нездешних пространств, ожидающих нас, обретающих вид спокойных и немучительных человекоподобных образований

Стихи которых и не должно бы быть 2005

Предупреждение

Предупреждения не было и не будет. Поскольку что за польза в предупреждении, к тому, что практически не написано. Вернее, не должно было быть написанным. Хотя, именно что, выходит, предупреждение-то и должно быть. Стихов может не быть. А предупреждение – должно. Поскольку, как понять-то, что происходит. Вернее, что ничего не происходит. Вот и выходит, что происходит одно предупреждение. Вот и произошло. А следом, понятно, произошли стихи, которых вроде бы не должно было быть. Но коли есть предупреждение, как стихам-то не быть? Никак нельзя.

1vl o3036 Помню, на похоронах моего приятеля
Выходя с кладбища
Я заметил могилу одного малоизвестного поэта
В свое время говорившего мне
Что стихи надо писать так
Чтобы член вставал
Он не решился сказать: Хуй!
Тогда подобное не было принято
Я не понял, у кого должен вставать —
У читателя?
У самого пишущего?
Не смог проверить это
Так как читал его стихи чрезвычай-
но невнимательно
Я и вообще-то не очень внимательный
читатель

1vl o3037 Прибежит дитя из школы
А там делали уколы
В спинку
Мамочка! – дитя орет —
Больно от иголки острой! —
А мать его не узнает
В дверь ломящегося монстра
Неведомо что слюняво бормочу
– что

1vl o3038 Москва слезам не верит
Ну и пускай не верит
А мы стоим у двери
Спокойные как звери
Без маленькой слезинки
Не вздрогнем и не воскликнем

Таким она вот верит
Такая вот она

1vl o3039 Молодая дремлет мать
Черный маленький ребенок
Тянет руки к ней спросонок
Чтоб ее поцеловать
Мать проснется, словно током
Вдарило – откуда только
Взялось
Это черное дитя
Ладно, ладно притворяться-то
Будто и не знает, откуда взялось —
Но молчит

1vl o3040 За оградой местной школы
Мельтешенье возрастов
Взрослых мальчиков приколы
К нежным девочкам – а что?
Сладостны приметы эти
Повзрослели наши дети
Наши ли?
Дети ли?

1vl o3041 В прозрачном городе лемуров
На тихих невских берегах
Сачками вымерших амуров
Ловили, только легкий прах
В горсти словно полуутрату
Сжимая
Слышал, там новый губернатор
У них
Женщина? —
Слышал

1vl o3042 Вошла в какой-то дивной шляпке
Замотанная узким шарфом
Кому-то помахала лапкой
А где, а где это? – в Варшаве
Такие женщины! а, впрочем
Посмотришь – наши-то не очень
Им уступают
А по многим позициям и превосходят просто

1vl o3043 Ругаются за первым блюдом
А за вторым уже молчат
Потом поплачут за десертом
Встают – какая у девчат
Наших

Неизбалованных
Все-таки насыщенная жизнь
Порой

1vl o3044 С открытой грудью красивой
А мне-то от нее, мой Бог
Потребна только кружка пива
Ну, может быть, какой салат
Нехитрый
Приносит все в примерном виде
Глядит, и оба не в обиде
Мы

1vl o3045 Я вижу волчьего помета
Следы на узенькой дорожке
А рядом маленькие ножки
Такие шустрые – так это
Коварный заяц пробегал
И волка на ходу кусал
За задние
Слабые
Ноги

1vl o3046 Вы помните, как бегуны
В Нью-Йорке и Милане
Соревновались за призы
Весьма-весьма немалые
Попросту огромные деньги
Самый удачливый из них
Хайли Селасий – был феллах
Из Эфиопии

1vl o3047 Вот чистый исполнитель функций
Рабочий, чуждый личных прихотей
Как древний говорил Конфуций:
Исполни долг, а там – умри хоть ты! —
А в чью же функцию входит прихоть? —
Артиста функции – и умри хоть
А исполни

1vl o3048 Детки прыгают в саду
Вдруг с деревьев или выше
Словно некий голос слышен:
Подождите, я приду
Сейчас! —
Они ждут до самой тьмы
А он с обратной стороны
Приходит
Какой такой обратной?

Значит, есть такая, коли написано

1vl o3049 Я мирно красил стены дома
Вокруг летала мошкара
Невообразимая истома
С небес сходила и шкала
Ее земного разрешенья
Была безумно, до смешного
Мала

1vl o3050 В Беляево уже зима
Летают мелкие снежинки
Какая-то, я вижу, жинка
Местная
Сошла, наверное, с ума
На ноги палки водрузила
И шась по снегу – что за сила
В ней!
Помчалась как угорелая
Да, видно, и есть угорелая

1vl o3051 Опять мышинные разборки
За стенкою, но громко, вслух
За тоненькою переборкой
Я чувствую мышинный дух
Но легкий, душный, кисловатый
И астматической ватой
Мгновенно
Забивается дыхание

1vl o3052 Когда служил в расстрельном взводе
Лет пять иль шесть – не вспомнить сразу
Не промахнулся я ни разу
Хотя стрелок-то был я, вроде
Не ахти какой
В общем, мудила из мудил
Ан, видно, Бог рукой водил
Моей

1vl o3053 Какая-то вдали деревня
Своим рисунком прихотливым
Напоминает замок древний
Над ним разлежся похотливый
Огромный облачный дракон
На них на всех – один закон
Моментальной
Но пугающей выразительности

1vl o3054 Две монашки входят в двери

Местного монастыря
Словно допотопный зверь
Я слежу за ними, зря
Все сквозь каменную стену
Ой, несчастные монашки
Вот-вот сделают промашку
Неизбежную, и тенью
Всеми желанною
Пойдешь гулять по долам и весям обитаемого мира
Но дверь
Монашки
Зверь
Промашка
Тень
Мир
Доли и веси

РУССКОЕ

Стихи осени-зимы года жизни 1978 1978

Предуведомление

Побудительной причиной написания предуведомлений к моим предыдущим сборникам было желание, и даже прямая необходимость, объяснить некоторые привходящие моменты, которые, как мне казалось, необходимо знать читателю, чтобы легче понять как конструкцию самих сборников и отдельных стихотворений, так и их стилистику. В данном случае подобная необходимость отсутствует, стих ясен читателю любого уровня (принимает ли он его – это другой вопрос). Надо сказать, что мне претит утверждение знаменитого поэта Мандельштама, что число умеющих читать не равно числу умеющих читать Пушкина. Как прямое следствие из этого является вывод, что по-настоящему прочесть Пушкина сможет (вернее, теперь уже – мог), если не сам Пушкин, то единственно Мандельштам. Эта элитаристская поза обрекает поэзию в смысле жизненности и в отношении количества искренних и преданных читателей на, если можно так выразиться, на самопрочтение. Это прямое обкрадывание. При этом уходит из поля зрения жизнь языка и речи в их самостоятельности и диктующего, порою насильственного, их влияния на поэзию и поэта. Все сводится к культурной и психологической изоциренности индивидуума. Но тем поэзия и прекрасна и жива, что она понимаема на разных уровнях, и искренность и интенсивность переживания на всех этих уровнях вполне сопоставима и равнозначна для бытования поэзии в сфере родного языка.

Как я уже говорил, предуведомления к моим предыдущим сборникам касались конструктивных принципов их построения. Они никогда не объясняли сложность необъяснимых ассоциативных и метафорических глубин. Это было объяснение правил игры, которые обычно легко воспринимаются.

Что же касается настоящего сборника, то необходимость даже подобного рода пояснений отсутствует. Он ясен, как вся наша нынешняя речь в любом отрезке, взятом наугад. Правда, возникает один вопрос. Даже не вопрос, а замечание. Даже не замечание, а наблюдение. Многие мои стихотворения вызывают улыбку, иногда даже смех. И прекрасно. Я же говорил, что рад пониманию стиха на всяком уровне. Единственно, против чего я возражаю, так это против скоропалительного вывода, что ироническая интонация (в смысле насмехания, опорочивания) является основным пафосом моего творчества. Тут происходит пародия и сатира (которая не обязательно связана со смехом). Я, несомненно, являюсь представителем пародизма (да и слово-то само приятно своим созвучием с парадизмом). Наиболее известный пример – это пародии на литературные произведения, где (пусть в ограниченном масштабе и, соответственно, с более узким охватом жизни) проявляются основные черты пародизма: отрывание стилистики описания от предмета описания и возможность растаскивания до предела их парадоксальной неналожимости друг на друга. Ограничительным моментом в данном случае служит любовь как к предмету описания, так и к стилистике, в то время как неприятие их снимает всякие ограничения (что является шагом на пути к сатире). Если мы перейдем к предмету нашего прямого разговора, к высокому пародизму, мы обнаружим то же самое: невозможность полного наложения стилистики на предмет описания, который не является предметом собственно, но есть сумма множества наросших культурных стилистик, которые в смутном своем неразличении определяемы как предмет и противопоставляются какой-либо конкретно отличимой стилистике определенного времени. Именно в эту щель и влезает пародист с целью выявить суть времени, материализовавшегося в стилистике, и точки его прирастания к веч-

ности. И движет пародистом (это я особенно подчеркиваю) любовь к жизнереальности предмета описания (соответственно тому, как мы предмет определили) и к конструктивной определенности и неслучайности стилистики. А улыбку и смех в данном случае вызывает эффект неожиданности, а также игровой момент, с неизбежностью возникающий при подобного рода опытах, и еще, возможно, чисто человеческая ироничность автора, при данной манере письма легко входящая в ткань стиха (в то время как тотальная серьезность апологетов культурного стиха оставляет этой естественной стороне человеческого характера удовлетворяться где-то на стороне). Пародизм – это взгляд на явление с точки зрения жизни, в то время как сатира – это взгляд с точки зрения морально-этических максим и культурных ценностей. Сатира стремится показать отсутствие предмета описания за стилистикой, либо ее полное несоответствие «истинно» существующему предмету. Как мы видим, задачи пародизма, если и не прямо противоположны, то, во всяком случае, весьма далеки от этих. Пародист входит в узкое пространство между якобы предметом и стилистикой и пытается их растащить. Это растаскивание есть само усилие стилистическое, в то же время на содержательном уровне, как бы далеко они не расползлись, их соединяет любовь и жизнереальность. При достаточно верном вживании в структуру взаимодействия данной стилистики с предметом, стилистика может быть оттащена столь далеко от предмета, что превратится в самодостаточную систему и сама может стать предметом описания. Здесь пародизм вплотную подходит к идеологическому апологетизму и тону тотальной серьезности.

Так что, хоть многие стихи и вызывают у читателей смех, мне самому, как видите, далеко не до смеха.

И позволю закончить все эти, возможно, необязательные для любителя поэзии рассуждения строками из моего стихотворения, которые послужат прямым вступлением к стихам:

...я любил всей силой трезвости
Доступной сердцу и уму.

1vl o3055 Вот нежной зегзицей рыдая
Рыдает немка молодая
Над телом жениха взывая
Ко Богу общему: Майн Гот!
Убей проклятый сей народ
За наши горькие печали
Развей его проклятый род!
И Бог ей общий отвечает:
Послушай, немка молодая
Жених твой посвящен был мне
А русский – просто сталь простая
В моей протянутой руке
Прислушайся, как вдалеке
Как россиянка молодая
Зегзицей нежною рыдая
Над телом жениха сидит
И в сторону твою глядит

И стало тихо, стало чудно
И немка слышит как отвсюду
Восходит плач и каплет кровь
И сходит Бог и тишина

Где каждая слеза слышна
Та тишина – и есть любовь

1vl o3056 Орел над землей пролетает
Не Сталин ли есть ему имя?
Да нет же – орел ему имя
А Сталин там не летает
Вот лебедь летит над землею
Не Пригов ли есть ему имя?
Не Пригов, увы, ему имя
И Пригов там не летает
А Пригов? – сидит на земле он
И в небо украдкой глядит
Орла он и лебедя видит
А Сталин? – в земле он лежит

1vl o3057 Уеду-ка лучше в страну зарубежную
Пускай что чужую, а все-таки нежную
Вот то-то и нежная, что зарубежная
Не то что своя, словно пыль неизбежная
Где слишком мы все высоко неизбежны
Уеду и средь зарубежных нежных
Единственный буду я груб и несносен
А в общем безвреден, как муха под осень

1vl o3058 Страна, кто нас с тобой поймет
В размере постоянной жизни
Вот служащий бежит по жизни
Интеллигент бежит от жизни
Рабочий водку пьет для жизни
Солдат стреляет ради жизни
Милиционер стоит средь жизни
И говорит где поворот
А поворот возьми и станься
У самых наших у ворот
И поворот уходит в вечность
Народ спешит-уходит в вечность
Поэт стоит вперяся в вечность
Ученый думает про вечность
Вожди отодвигают вечность
Милиционер смиряет вечность
И ставит знак наоборот
И снова жизнь возьми и станься
У самых наших у ворот

1vl o3059 Милиционер гуляет в парке
Осенней поздней порой
И над покрытой головой
Входной бледнеет небо аркой

И будущее так неложно
Является среди аллей
Когда его исчезнет должность
Среди осмысленных людей

Когда мундир не нужен будет
Ни кобура, ни револьвер
И станут братия все люди
И каждый – милиционер

1vl o3060 Вот оно – чудовище
Обло и озорно
Лает так чудовищно
И ведет позорно
Головой узорною
К земле припадает
Речь свою позорную
В слово облекает
В действие облекает
Всех нас увлекает
А мне незазорно
С чудищем дружить
Я и сам позорно
Жизнь умею жить
Здравствуй, здравствуй, чудище!
Что с тобой поделаешь!
За тобою будущее
Тебя не переделаешь!

1vl o3061 За свой разврат и чернокожесть
Сидит тот русский негр в аду
А имя за стихов пригожесть
Живет средь нас словно в раю
Вот возникает мысль какая:
Его неведомый нам ад
С ему ненужным нашим раем
Сравним ли? и чему кто рад?

1vl o3062 Наш Анатолий Карпов разгромил врага
Коварно мыслящего тупо
Так славный воин Карацупа
С собакой на границе бил врага

Так Карповым разгромлен подлый враг
Весомо окончательно и зримо
Японскую эскадру под Цусимой
Так легендарный потопил Варяг

На Бородинском так и Куликовом
Полях так поднималась Русь
И в страхе падал иностранный трус
Всходило солнце вслед.
И вслед всходил враг новый

1vl o3063 А вот милиционер стоит
Один среди полей безлюдных
Пост далеко его отсюда
А вот мундир всегда при нем

Фуражку с головы снимает
И смотрит вверх и сверху Бог
Нисходит и целует в лоб
И говорит ему неслышно:
Иди, дитя, и будь послушным

1vl o3064 В буфете Дома литераторов
Пьет пиво Милиционер
Пьет на обычный свой манер
Не видя даже литераторов

Они же смотрят на Него —
Вокруг Него светло и пусто
И все их разные искусства
Пред Ним не значат ничего

И представляет собой Жизнь
Явившуюся в форме Долга
Он – краток, а искусство – долго
И в схватке торжествует Жизнь

1vl o3065 На русском нашем на примере
Природа хочет показать
Как плохо жить остервенелым
Они не любят свою мать
И чтобы доказать на деле —
Живьем нас гонит в ад дышать
И в этом благородном деле
Грешно ей было бы мешать

1vl o3066 Они росли сто лет подряд
И выросли в прекрасный сад
От подземелий – если снизу
Взглянуть – до самых до небес
Без, то что мы зовем, каприза
По воздуху растут и без
Поддержки видимой, возможно
Посередине осторожно

Поддерживают темный вес
Крылами ангелы небес
А снизу вверх их гонит бес
Возможно, но и то возможно —
Сотрудничество то небес
С землей, где жив донныне бес
Живет, но очень осторожно

Калининская область станция Удомля остров «Дядя Вася» 1977

1v| o3067 Этот остров – «Дядя Вася»
Потому что коль сюда
Из райцентра ты добрался
Дядю Васю покричи

Вот он в лодочке уж в центре
Вот у берега: Привет!
Как дела там у райцентре? —
Хорошо – И он плывет

1v| o3068 На боевом посту я умереть
Я не хочу, но в инвалидном доме
Я ждать и ожидая смерть
Хочу на берегах Удомли

Туда-сюда, обратно меж стволов
И сумасшедших ночью крики
Такая жизнь – таков ее конец
Таков размер, неважно, что великих...

1v| o3069 Туман, а может не туман
Где просто так, одною страстью
Восходят силою ума
Над выкормышем сладострастья

Чтобы запомнились навек
Вся эта местность и округа
Где одинокий человек
Находит и теряет друга

Звенигород 1977

1.

1v| o3070 Дом человеческий стоит
К нему дорожка подбегает
И радио вдали полит-
ический довод воздвигает
А после – горькое танго
Вдали, а рядом на приго-
рке что-то курит чей-то дед
Вот памяти послевоенных дет-
ствий

2.

1v| o3071 В послевоенны дни
Я летом жил в Звени-
городе на посаде
В соседнем доме ради-
о играло о любви
Танго и пел их Ви-
ноградов вдаль лесов
В виду полей и сов-
етской сельской жизни
И пел он их до изне-
моженья

1v| o3072 Хочу быть прочно тихим, как народ,
Который в жизни спрятан без натуги
На рынке всяку зелень прод-
ает и видит дня итоги
Не осмысляя это в траги-
ческих словах на фоне явной смерти
И не оправдываясь верти-
кальной причастности Богу
Хочу я в жизни числиться лишь прогу-
льщиком

1v| o3073 Я отрубал все гордости грядущего
И начал жить сегодняшним числом
И я себя представил маленькой солом-

кой, что взлетает на потребу дней
Без дальней оговоренности, ней-
тральной к чудесам и просто лей-
тящей вдоль земли, вдоль небесов
И стало мне нерадостно от соб-
ственной неогорченности от соб-
ственной необреченности от соб-
ственной ненареченности от соб-
ственной

1vl o3074 Погода. День. Беда без вида
Внутритрясение земли
Под местом, где...
И нет обиды
На проживающих вдали
На плоскогорье ли, в Китае
В других читаемых местах
Которые вдруг наплывают
О коих память просто так

1vl o3075 От смерти умирает человек
Среди пожара освещенный ль гибнет
Где смерти нет, но жизни есть погибель
В гостинице Россия – человек
Среди большой России человек
Имеет смерть, но в основном – погибель
Где освещенный жив ли человек?

1vl o3076 Где бежит там вода водяная
Там и каменный камень лежит
Зверь звериный на лапах бежит
С него капает кровь кровяная
Он ложится под деревом древесным
Закрывающийся – глаз закрыт
И уже он на небе небесном
Человеком парящим парит

1vl o3077 Я думаю: нет, я не глуп
Коль столькому дал я отлуп
И стольким – веселым и жутким
На кратком таком промежутке
И вот – не скорблю вспоминая

А были ведь лучше меня

1vl o3078 Существо существует
И кажется нам сущность
Вещество веществу
И кажется нам вещьность

Большинство большинства
И кажется нам вечность
Меньшинство меньшинствует
И кажется нам сущность

1vl o3079 Погода. День недели. Время года.
Опять погода. И еще природа.
Природы день. И представители народа.
Картина жизни. И неделя года.
И представители погоды. Но природа.
Но образ мира. И время народа.
День мира. Время жизни. Образ года.
Картина дня недели жизни года
Природы представителей народа.

1vl o3080 Тучи в лужах отразились
Лужи в тучах отразились
Потом в небе отразились
И ничуть не поразились
Этой связью неземной
С этой живностью земной
И несвязею со мной
И несвязею со мно-
жеством всего иного

1vl o3081 Чужая кровь не липнет к телу
Но только к коже, так уж сделан
Любой приятный человек
Чтобы ему из века в век
Невыносимо вдруг не стало
Он медленно растет как стала-
ктит из своих наростов дней
И что там нарастет на не-
движную прямую душу
Бог знает! – может просто руша-
щийся камень

1vl o3082 Не я суров – но жизнь сурова
Я лишь ее объемлю слово в слово
Без всякого там старо или нова-
торства, к которому я глух
Как Бог к сравнениям. Слепой земель-
ный дух
Все сравнивает очи с небом
Себя приравнивая к небо-
жителям воровским путем
Но я вам говорю: потем-
ки не от недостатка ламп
А от невиденья, как говорил святой

Палам-
ма Григорий

- 1vl o3083 Если это божий ветер
Можно все ему простить
Хоть и трудно жить на свете
Просто невозможно жить
Если и это просто ветер
То ему пощады нету
Дверь мы на запор завертим
Будем дома жить до лета
- 1vl o3084 Если придут ко мне арестовывать меня
И тогда уж точно арестуют меня
А после судят и посадят меня
А после и вовсе незнамо что сделают
из меня
То что мне тогда останется среди
всех дней моих
Не останется тогда мне уже ни
друзей моих
Не останется мне даже ни стихов
моих
Разбегутся они и останутся все у
друзей моих
На воле
- 1vl o3085 Хочу я в этом мире быть не вором
Но полноправный мать своих трудов
Коль смерть кругом – пусть буду
черный ворон
Коль жизнь кругом – пусть буду Саваоф
А если жизнь поделена на секции
И я пусть буду поделенный так —
Пусть левое забьется слева сердце
И правое забьется справа в такт
Когда ж у сердца не единый клапан —
Пусть будут соответствие вновь:
Из первого пусть черная закаплет
А из второго – ледяная кровь
И красная из третьего пусть кровь
А из последнего – последняя пусть
кровь
- 1vl o3086 Что нам поэта лучше объясняет
Чем самодостаточность влюбленного
Он к общей жизни избоку привит
Как опытом Мичурина безумного
И отторгается уж в третьем поколенье

Переродясь в общую природу
Что если сверху глянуть – нету
тленья
А если внутрь войти – то нету хода

1v| o3087 Я часто удивляюсь сам себе:
Откуда это все берется?
С каких высот ко мне все это бе-
гается? и на какую бе-
ду все это в книгах остается?!
Иной читатель ведь не так уж прост
Он сбоку препоясан пистолетом
Он вовсе даже, скажем, не корыст-
любив, но он в претензии к поэту
Он понимает: наша жизнь кратка
Чтоб разбираться в пользости
конечной
И всяких там высоких предика-
тах. Я согласен с ним, конечно
Вот и пишу я про полезность дня
Да как ухватишь ты его меня-
ющуюся полезность

1v| o3088 В Калуге есть скульптурный комбинат
Его директор – Анатолий
Тихныч Гуков
О, сколько чрез него я принял муков
Среди которых нет – которой б я рад

Давайте лучше думать о приятном:
Есть в Африке почти буквальный рай
Там озеро Виктория необъятно
И зверь чудной – но там, как Пушкин
рѣк:
Уже не просвещенье, а Амин
Он далеко не лучше, нежели Гуков
О, неужель везде тоска и мука
Куда ни оборотишься?!
Аминь.

1v| o3089 За окошком ходит тьма
Предо мною, я же ма-
ленький у окна сiju
Тихо, хоть порою жу-
тко мне у окна
Кажется, что вот-вот на-
чнется и побольший страх
Кто-то памятный размах-
нется и прикончит все

А жизнь дальше понесет-
ся

1v| o3090 Я любил ведь этот край
Все это связано с ним было
Прямо скажем, что не рай
Связан был – да позабыл я
Здесь и детство прибегло
Юность тоже пробегала
Это все не помогло
Чтобы память крепче стала
Дни несметной чередой
Этих мест бежали мимо
Вот я старый и седой
Прихожу, а все – немило

1v| o3091 Я уплотнюсь до уровня глагола
Мир уплотнив до уровня предмета
И это есть вернейшая примета
Что все пришло к осиновому колу
Что где-то здесь уже последний
стих
Который больше, чем приворожитель
Безумной жизни, но – отдельный
житель
Он для других снаружи гол и тих

1v| o3092 Живого чувства не скажу: оскал
Он называется – патриотизм
Его я не растил и не искал
Но сам он навалился в организм
Обнимемся над молчаливой картой
Обозначающей российский дом!
Ах, дорогой товарищ, Джимми Картер!
Уж поздно – хоть и значились б
притом
Вы зарубежным ангелом Господним
Но мы давно поделены на снесь —
Что скушают и отрыгнут сегодня
И что съедят на будущую смерть

1v| o3093 Дух музыки и дух пустой квартиры
Они в одну судьбу упряжены
Как змей с совой они сопряжены
Они со всех сторон окружены
За ними все дороги сожжены
Пред ними все как прах обнажены
Внутри – как мыши все заражены
Всем прочим – прочие поражены

В обличие какой живой жены
Над ними жизнь витает в этом мире
Отдельная но и со всеми в мире
Зачем она витает в этом мире
Разряженном и распушенном мире
Где прахом и землей обряжены
Они же – как и вовсе сожжены
Лишь значатся в посюстороннем мире
Дух музыки и дух пустой квартиры
Они висят в потустороннем мире
А в этом только изображены

1vl o3094 Ходит он как прокаженный
Одним телом пораженный
Женским телом пораженный
Женским телом обнаженным
Сравнивает со своим
Не находит доли сходства
Видит он одно уродство
Видит он одно сиротство
И следы немого скотства
Бедного немого скотства
Что же делать в мире сем
Как тела нам сопрясти
Как к гармонии привести
Сеть какую нам сплести
Иль собраться в чьей горсти
Как покой нам обрести
Вот вопрос в чем

1vl o3095 Лодка легкая летает
По насыщенной воде
Гребец весла поднимает
Мелки брызги поднимает
Дней воды не понимает
Здесь ли? там ли? где? – нигде
Лучше – здесь, оно – наде
жней

1vl o3096 Еще не вся повыпита отвага
Из наших белых самобытных тел
И государства серая бумага
Еще промнется от великих дел

И будут кверху восходить высоты
И дали разнесутся по краям
И здесь умрет не тысячный,
не сотый —
Но первый и второй.

И будет храм.

1vl o3097 Когда б меня скульптура не кормила
Я б убежал в леса и жил там тихий
лебедь
Или зверек пушной или как небд-
ительный олень поплатился б скоро
Но я живу как равноправный волк
Я знаю пластику и откровенья
Но знаю и зубов веселый толк
И жадных интересов столк-
новенья

1vl o3098 Не завидуй другу, если друг богаче
Если друг красивей, если друг умней
А завидуй другу, коль в кровавой сече
За отчизну друг твой смертью храбрых
пал
Мы живем на свете, чтобы воплотиться
В пароходы, строчки – долгие дела
Коли нету в что нам вовсе воплотиться —
Родина придумает что-нибудь взамен

1vl o3099 Ах, сколь их было не хуже меня
А были талантливей лучше меня
Умнее ведь были, добрее меня
Моложе меня и постарше меня
Так что с ними случилось со всеми
теперь
Так тожее само что с мною теперь
Иных уже нету к печали теперь
Иные живут предо мною теперь
Зачем же я так все подробно пишу
Зачем же я так все подробно пишу
Что если я все это не напишу
Так как же узнают что случилось с ними

Футболист

1.

1vl o3100 Футболист летит над полем
Словно бабочка цветная
Взглядом быстрым и собольим
Вратари следят за ним
Они тихи и лукавы

Словно сдержанные мухи
Они встали чуть-чуть вправо
Мол – пусть влево нам забьет
Сами ж – гтовы прыгнуть влево
Здесь наивность и расчет
Соблазнителью все Ева
Помнится. Все терпит Бог

2.

1vl o3101 Вот футболист как бабочка порхучий
С цветка перелетает на цветок
Так в чем ж, его судьба-удача-случай
Что за такой его отдельный мед?

Он знает: там, вдали, за поворотом
Стоит вратарь, он может не пустить
И надо полевым цветочком притворить-
ся
Чтоб взгляда не заметил – веки
опустить

1vl o3102 Не отвергай любви народа
Полузадумчивый поэт
Во-первых, в том резону нет
К тому же это значит, что
Нет ненависти к тебе народа
С любовью ведь наравне —
Она призвание народа

1vl o3103 Себя я просто вычел из природы
И вот она отдельная стоит
Доступная словам любой породы
И осмысляема на всякий вид
И сам я тоже принял всякий вид
И отрицания любого рода
И вычитанный из частей природы
Среди нее мой облик не стоит

1vl o3104 Вот женщина сидит в метро
И розовым цветком играет
Средь подземельных сих утроб
А рядом муж полулитро-
вку жмет и обнимает

И ум мой несказанно груб
Экстраполирует их дальше

В последнюю чужую глубь
Мысль о которой даже губ-
ительна и полна фальши

Но дух мой в детской простоте
Любуется живой картиной
И эту глубь и глуби те
Объединяя их в немате-
риальное жизнеустройство

1v| o3105 Погода, надо сказать, ведь чистый
срам
Не влазит, надо сказать, ни в какие
рам-
ки, надо сказать, позор-то прям
о, надо сказать – национальный
Иной ведь эмоциональный
Свидетель, Лермонтова вроде
В сердцах проклять ведь может роди-
ну, надо сказать

1v| o3106 Трудно жить красивому на свете
На него все смотрят и завидуют
Не завидуйте красивым, дети
Старость их безжалостно уродует

Трудно жить и умному на свете
На него глядят без понимания
Не завидуйте и умным, дети
Очень их уродуют страдания

Ну а справедливому на свете
Так и вовсе жить необязательно
Не следите за такими, дети
За ними и так следят внимательно

1v| o3107 Как заснеженная степь
Смертно логово
Упокой меня постель
Одинокого

Целый день ходил-гулял
Жизнь выгуливал
В потолок слюной плевал
Богохуливал

А как всматриваюсь в ночь
Смертным оком я
Ой! – душа-то одиноч —

Одинокая

1v| o3108 Пожалуй что все обзрев пустоты
И области стиха и поношенья
Я поднимаюсь, как навряд ли сотый
Из всех рифмующих, до утвержденья
До страшного для стихотворства: Да!
Грозящего единственным стать словом
И то – последний, но недолжный дар
Для всех кто здесь тогда, опять
и снова

С некоторым сомнением 1979

Предуведомление

Несколько удручающее название этого сборника относится, конечно, не к самому стихосложению. Нет. Этот процесс всегда несомненен и самоутвердителен. Сомнение, вынесенное в заглавие, свидетельствует об ином уровне ответственности, который возникает в период формирования сборника, отбора и правки стихов с целью вывода их на арену, на суд читателей. Все это заставляет заново вчитываться в собственные вещи уже получитательским взглядом. Так вот, просматривая стихи этим получитательским взглядом, заметил я, что они, в отличие от предыдущих, стали как-то болтливы. Избавившись от груза структурно-языковых задач, которые оформились в отдельную сферу деятельности, стихи стали не просто болтливы, а прокламативно болтливы. Точнее, через них стало бойко выбалтываться. Припоминается, какой-то поэт утверждал, что предметы вокруг него (с некоторой даже укоризной в его адрес) плачут от своей фатальной невысказанности и просят его быть их представителем в мире словесном. Правда, как мне кажется, связь человека через язык с предметным миром – вопрос темный, они сложны до смутности почти христологических дефиниций. Нет, в моем говорении выбалтывается не предметность, а ситуативность. И прекрасно! Прекрасно-то прекрасно, но в том и отличие писания стихов от выведения их в люди, что последнее является уже актом деятеля культуры. И как певец не может не учитывать акустического резонанса, так и деятель культуры не может не учитывать резонанса культурного.

Оглядевшись вокруг, заметил я, что подавляющее большинство современных стихов свидетельствуют о совсем иной, даже противоположной моей, позе лица поэта в этом мире. Эти стихи являют образ поэта предельно серьезного, озабоченного, с вертикальной морщиной страдания на челе, в трагической попытке каждым стихотворением, если уж не сразу, то хотя бы в пределах видимого промежутка времени, спасти Россию, культуру, нравственность – в общем, все, что на его взгляд надо и самое время спасать. И стало мне стыдно и страшно; и при всем моем изумленно-подозрительном отношении к смиренно-общеобразовательной и эктатическо-общегосударственной любви к Пушкину, перед грозящей неизбежностью остаться одиноким стареющим гаером и похителем всего святого, вынужден я был (правда, не без коварного лукавства) прибегнуть к его (Пушкина) повсеместно узаконенному авторитету. Собственно, к его одной, но значительной интонации: «экий пустячок я накатал». Небезынтересно ведь? Даже больше – поучительно. И даже еще больше – сдается мне, что именно эта интонация (экий... я накатал) является наиболее значащим определением позы поэта в отличие от временно или по каким другим техническим причинам одевающихся в легкомысленное платье поэзии пророков, учителей нравственности, гражданственности и духовности, спасителей языка, отечества и веры. Поэт (вспомним!) – Божья птаха. Ее дело петь, т.е. болтать. И если уж угодно будет Богу пророчествовать через поэта, то уж как-нибудь само пророчествуется.

1vl o3109 Заря румяная встает
По-над румяною странюю
Румяный рад ей весь народ
С румяным тоже и со мною

Да что я! – где уж я румян

Да и народ уж где румяный
Страна, коль наложить румяна —
Румяна. А заря – румяна
Сама

1vl o3110 И литератор должен есть
И пить и всякое такое
Но что же в нем такое есть
Что не дает ему покоя

Вот он за столиком сидит
Пьет пиво, кушает креветки
Но что такое в нем сидит
Неутолимое вовеки

Оно приходит с высоты
И молвит голосом природы:
Среди голодного народа
И сытый равноправен ты.

1vl o3111 Вот страшный макрокосм – в него летают люди
Вот страшный микрокосм – в него летит поэт
Я тоже космонавт, когда на гермошлеме
Моем слова горят: СССР

Но вот вхожу я в слой где и слова сгорают
Где и сгорает самый гермошлем
Брат космонавт! Что, подскажи, мне делать!
Иль в должности твоей такого просто нет

1vl o3112 Леса населены зверьем
А города – своим народом
Но женщина и там и там
Взывает голосом природы

И чтобы лозунгом взлететь
Чтоб мыслить государство в силе
Природу мало одолеть —
В ней надо женщину осилить

1vl o3113 Вот племя пушкинских невест
Тяжелым истекая соком
И в сладострастии высококом
Несется Бог куда невесть

И вся страна поет им вслед
Словно невеста, словно в трансе
Приди, о Пушкин, я отдамся!
Да глядь – не Пушкин, а сосед

1v| o3114 Если вдруг разразится война
(В наше время вполне может стать)
Что на подвиг подвигнет меня
Защищать там или защищаться?
Что под немцем и что под китайцем
Среди этой природы, увы
Можно жить нескончаемо долго
Позабыв об отчизне и долге
Все забыть... да напомнят, увы

1v| o3115 Рыбище вонючее
На прилавке длится
А плавало ведь чистое
В чистой же водиче

Так же человека вот
Государство вытащило
Поскорее б что ли
Потребило в дело
Не загнил чтоб попусту

1v| o3116 У нас всех зубы выпадают
От старости иль просто так
У них же зубы нарастают
Хотя они еще с кулак
В колясках, кормятся грудями
Но близок, близок этот час
Когда они взмужав костями
С грудей тех перейдут на нас

1v| o3117 Выходит лошадь на луга
Гулять отпущена под вечер
На шее у нее бубенчик
Она торжественно нага
И романтически прекрасна
И ночью это не опасно
Но днем, когда она в движенье
Когда ее дымится круп
То кажется, что даже труп
Не одолеет вождельня

Представители красоты в русской истории и культуре 1979

Предуведомление

Как говорится, в красивом теле – красивый дух. Красиво говорится. И вправду, если внешняя человеческая красота и гармоничное сочленение частей тела и лица являются не просто оболочкой, шкуркой, но закономерным выражением красоты и гармоничности духа (при несомненных достижениях носителей ее в какой-либо сфере русской истории и культуры), то данный список должен заставить нас по-новому взглянуть на привычную иерархию, сложившуюся по самостийным и необоснованным законам, иерархию имен русской истории и культуры. А взятый целиком лист имен представляет собой взгляд на русскую историю и культуру с точки зрения красоты.

1. Самый красивый русский царь Николай II
 2. Самый красивый русский святой Димитрий
 3. Самый красивый русский патриарх Филарет
 4. Самый красивый русский полководец Багратион
 5. Самый красивый русский политический деятель Плеханов
 6. Самая красивая русская политическая деятельница Рейснер
 7. Самый красивый русский революционер Бауман
 8. Самая красивая русская революционерка Арманд
 9. Самый красивый русский философ Карсавин
 10. Самый красивый русский ученый Лебедев
 11. Самый красивый русский поэт Надсон
 12. Самая красивая русская поэтесса Павлова
 13. Самый красивый русский писатель Гаршин
 14. Самый красивый русский живописец Левитан
 15. Самый красивый русский скульптор Шимес
 16. Самый красивый русский композитор Френкель
 17. Самый красивый русский актер Кторов
 18. Самая красивая русская актриса Райх
 19. Самый красивый русский певец Лемешев
 20. Самая красивая русская певица Образцова
 21. Самая красивая русская балерина Карсавина
 22. Самый красивый русский танцовщик Лиэпа
 23. Самый красивый русский хоккеист Якушев
 24. Самый красивый русский футболист Воронин
 25. Самый красивый русский шахматист Карпов
- Самый красивый русский человек Христос

Картинки из частной и общественной жизни 1979

Предуведомление

Приятно быть правильно понятым, т. е. в ту меру серьезности, которую ты приписываешь предмету разговора. К примеру, как: – Ты шутишь? – Нет, я серьезно. – А-а-а... По сему поводу и возникают дополнительные тома к сочинениям, которые иногда становятся основным пафосом остатка жизни. В моем же, скромном, случае, возникают предуведомления, вернее, они делают вид, что они предуведомления, на деле же – они продукт той же последующей страсти быть правильно понятым. Вот так я однажды, в некоторой объяснительной поспешности обозвав себя “советским поэтом”, понял, что всякое объяснение обречено быть точкой на том же векторе, который именно и требует объяснения. Объяснив себя “советским поэтом”, я получил в ответ иновекторные реакции, соответствующие понятию: советское – значит лучшее, или прямо противоположному.

Теперь, поняв, что надо собственно объяснять, я попытаюсь быть более строгим хотя бы в сфере отграничения терминологии от ненужных ассоциаций. Желая вернуть термину “советский” его историко-географическое значение, решил я обозначить себя как “эсэсэсэровского поэта” (и если при этом опять-таки возникает чисто звуковая ассоциация со словом “эсеровский”, то это должно быть отнесено к сходству фонетических основ, породивших эти определения, что само по себе интересная тема, но не моя).

Желая дальше определить себя среди других возможных эсэсэсэровских поэтов, определил я свой стиль как совитализм. Уже из двух составляющих можно понять, что он имеет отношение к жизни (в данном случае термин “витализм” взят именно для акцентирования некоего всеобщего и всевременного значения понятия жизнь), и к жизни именно советской. То есть этот стиль имеет своим предметом феномен, возникающий на пересечении жесткого верхнего идеологического излучения (“верхний” в данном случае чисто условное понятие, принятое в системе философских и социологических учений) и нижнего, поглощающего, пластифицирующего все это в реальную жизнь, слоя жизни природной. Наиболее верное и точное определение этого феномена появилось, кстати, в самое последнее время – “реальный социализм”. И если научно-коммунистическое и диссидентское сознание акцентируют свое внимание на понятии социализм, уже в нем самом, в самом заявлении его определяя его реальность или нереальность (т.е. реальность со знаком минус), то мы (в смысле я) отдаем предпочтение определению “реальный социализм” как феномену, коррелятом которого в сфере нашего искусства (т. е. моего) служит совитализм. То есть еще проще, как Советское Шампанское есть ни шампанское, ни советское, а именно Советское Шампанское.

И еще, если в плане духовно-экзистенциальном можно вполне не совпадать (даже умышленно) со своим временем, то в плане языково-исторически-бытийном это несовпадение грозит деятелю искусства быть мертворождающим.

1vl o3118 Стояли дни весенние
Но не сейчас – давно
Я был обычный юноша
Мечтал я о любви
И вот она случилась
Но не сейчас – давно

И я – давно не юноша
Давно не до любви
Но снова дни весенние
И кажется, спроси -
Я снова, снова юноша
Спроси меня, спроси!

1vl o3119 Гамлет, мой миленький дружок
Что приключилось в королевстве?
Убийство, говоришь? – так если
Убийство – очень хорошо!
Так подними народных масс
Непобедимое восстанье
Они еще узнают нас!
Узнают, что такое – Пригов!
Когда сотрем их в порошок
И знамя красное воздвигнем
Вот так-то, Гамлет, мой дружок -
И вся интрига

1vl o3120 Сижу я в зале ресторанном
Прислуживает человек
И думаю, как это странно
Ведь я ж советский человек
А вот сижу, как в древнем Риме
То унеси, подай мне то
Как все-таки неистребимо
В людях эксплуататорство

1vl o3121 Вот новое постановление
Об усилении работы
Его читает населенье
И усиляет те работы
Его ничто не удивляет
Но усиливая те работы
Попутно эти ослабляет
И дисгармонию устраняет
Между Работой и работой

1vl o3122 Два скульптора стоят перед стихией —
В их мастерской вдруг прорвало сортир
И жижа ползает между творений
Так в верхний мир ворвался нижний мир
Меж двух миров, обоим не ровня
Они стоят, не по себе им стало —
Вот верхний мир сорвется с пьедестала
И их расплющит столкновенье сил

1vl o3123 Крыса в домике моем

Поселилась как хозяйка
Что там ночью! – даже днем
Ходит, косится свирепо

Непонятная внутри
Словно страшный бог дикарский
Может две их, может три
Может там их многобожье

Подложу-ка я в ответ
Ей отравленное сало
Скушает – приму обет
Настоящему я Богу

1vl o3124 Ах ты, гадина такая! —
Крысе говорит Мария
Бродит вокруг нее с поленом
Крыса щерится, на стену
Прыгает прыжком опасным
Падает, кричит ужасно:
Дай уйти! Не то я внуков
И детей перекусаю! —
Ах ты, гадина! – Мария
В череп ей бревно бросает
Крыса падает на землю
И кричит как поросенок
Ах ты, гадина такая!
Дети плачут сквозь просонок
Крыса плачет умирая

1vl o3125 Всего за полтора рубля
Проводишь целый день на юге
В соседстве ласковой подруги
Тоже за полтора рубля
В смысле – не стоимость подруги
А пребывание на юге
Ей стоит полтора рубля
А сколько стоит вам подруга —
То не зависит уж от юга

1vl o3126 Малолетняя женщина бродит по пляжу
В окружении собственных женских частей
Только что объявившихся и для куражу
То потянется, то пробежится быстрее

И не знает она, что вот эти вот части
Приведут ее скоро бог знает куда
А пока они ей – для игры и для счастья
И пока еще даже чуть-чуть для стыда

1v| o3127 Он в городе, кажется, Мирном
Ракетный простой офицер
В Москву он приехал по делу
И здесь полюбил не в пример

Но что он в Москве среди мирных
И занятых делом людей!
Война разве только случится —
Тогда он, конечно, герой

1v| o3128 Словно в Замбии расист
С обгаренными руками
И безумен и рысист
Я гонюсь за тараканом

Только пользы! – наши дни
Сочтены – пора признаться:
Где расправимся с одним
Там уж трое народятся

1v| o3129 Бывает – рабочий, а чистый подлец
Бывает – художник, а честный, достойный
Бывает – член Политбюро, наконец
В отдельных поступках не очень достойный

Жизнь много сложнее чем любой приговор
Какими же мерками мерить полезем
Когда бы всяк честный был столь же полезен
У нас не случился б про то разговор

К событиям в аэропорту им. Дж. Кеннеди

1

1v| o3130 На этого бы Годунова
Да тот бы старый Годунов!
Не в смысле, чтобы Сталин снова
А в смысле, чтобы ясность вновь

А то разъездились балеты —
Мол, какие славные мы здесь!
Давно пора бы кончить это
Какие есть – такие есть

2

1v| o3131 Людмила Власова, оставив мужа
К отчизне прилепилась всей душой
Отчизна, ясно, что магнит большой
Хотя и не всегда удачный
Но здесь вопрос совсем иных традиций
Иных законов, прав и ремесла
Муж – это точка: ясно, где лепиться
В отчизне ж разных точек – несть числа

Искренность на договорных началах, или слезы геральдической души 1980

Предуведомление

Поэт тоже человек. То есть – ему не чуждо ничто человеческое. Так и мне захотелось сказать что-нибудь прямое, искреннее, даже сентиментальное. И только захотелось, как выплыли из темно-сладких пластов памяти строки: «Утомленное солнце тихо в море садилось...», «Рос на опушке клен, в березку клен тот был влюблен...», «Товарищ, товарищ, болят мои раны...». И плакал я. И понял я, что нет ничего более декоративного, чем искренний и страдающий поэт (Лермонтов, Есенин). Но понял я также, что некие позывные, вызывающие из сердца авторского и читательского глубоко личные слезы, которые, разливаясь, неложно блестят на всех изломах этого, почти канонического, орнамента, этого знака «Лирического», который не подглядывает картинки жизни, но сам диктует жизни какой ей быть.

1v| o3132 Хозяюшка, хозяйюшка

Внутри меня пусти
В тебе тепло и влажно
И родственно почти

А я? – я просто странник
Побуду и уйду
Почти что иностранный
Твоему женскому нутру

1v| o3133 Россия – женщина и мать

А вот Китай – мужского рода
Россией можно помыкать
Он же родитель есть народа

Когда бы их объединить
В одну семейственную пару
То можно было бы любить
Достаточно и миром править

1v| o3134 Я сплю легко и тихонько

А где-то вдалеке
Жена, слышу, на кухне
Готовит завтрак мне

Из хлеба да из кофия
В пространствах голубых
Что запаха не чувствую
А только слышу их

1v| o3135 Жизнь не то чтобы кончается
Иль наоборот – горит
Но живет и утончается
Став прозрачною на вид

Сквозь нее уже виднеется
Тустороннее житье:
То чего-то там зазеленеется
То чего-нибудь еще

Я иду по самой кромочке
Безутешно одинок
Снизу ль, сверху ль кликнут: Димочка —
Может, мама, может, Бог

1v| o3136 Иду я вдоль по улице
В окошечки гляжу
Они же там за столиками
Бумажками шевелят

Пред ними арифмометры
Над ними – яркий свет
Какое-то там Управление
Иль Главк, или Совет

Им там легко и весело
Там жизнь у них идет
А я вот здесь иду по улице
И дождичек идет

1v| o3137 Я сварю себе картошечки
Выпью стопку приуроченну
Аппетит у меня не то чтоб крошечный
Но не так чтобы и очень уж

Сяду тихо у окошечка
Что могу сказать о вечности? —
Счастья хочется простого человеческого
Но и вечного тоже немного хочется

1v| o3138 Когда бы вы меня любили
Я сам бы был бы вам в ответ
К вам был бы мил и нежн... да нет —
Вот так вот вы меня сгубили

А что теперь?! – теперь я волк
Теперь невидим я и страшен
Я просто исполняю долг
Той нелюбви моей и вашей

1v| o3139 Страна большая. От Москвы отъедешь —
Так сразу по стране и едешь

Бодрствованием едешь и ночлегом
И вся она покрыта снегом

О вся она – цветущий сад
Повсюду лозунги висят

И жизнь как могут украшают
До умозрительности возвышают

1v| o3140 Когда безумные евреи
Россию Родиной зовут
И лучше русского умеют
Там, где их вовсе не зовут
А где зовут – и там умеют
А там, где сами позовут —
Она встает во всей красе
Россия – Родина евреев

1v| o3141 Жил себе я да не тужил
Пока среди бела дня
Среди самого себя
Три натуры обнаружил

А как первая натура
Вот уж дура так уж дура
Она пила и курила
Вслух слова произносила
Некая была в ней сила
Вот себя и укусила

А вторая-то натура
Вот уж дура так уж дура
Не курила и не пила
На субботники ходила
На воскресники ходила
На другое что ходила
С утра в партию вступила
А вступила – так вступила
Уж не важно что и было

А как третья натура
Вот уж дура так уж дура
Всех хотела полюбить
Людей-Бога полюбить
И китайцев полюбить

И афганцев полюбить
Мериканцев полюбить
Как натуре такой быть
Чтобы всех объединить

А вот всех объединила
Одна жаркая могила
Она жаркая, как жизнь
Очень жарко уж в ней жить

Стихи о советской поэзии

1

1v| o3142 В Москве есть Лев Семеныч Рубинштейн
Поэт! – да, Господи, какой поэт он
Какие-то листки – что ни хт ферштейн
Ни образа, ни даже рифмы нету

Иное дело, скажем – я поэт
Поэт внутри я и поэт снаружи
А пользы-то – вот рифма, вот куплет
Сам бедный я, кому я, бедный, нужен

2

1v| o3143 Некрасиво
У Севы
Некрасова
Красть

Немедленно чтоб вернуть!

1v| o3144 Заражен бациллой модернизма
Чтоб разрушить – я вокруг гляжу
От христьянства до социализма
Чтоб разрушить, все внутри ношу

А пока ношу – то забываю
Что разрушить собственно хотел
Уж не разделяю наших тел —
Все свое люблю и обожаю

1v| o3145 Я был тогда мальчишечкой нелучшим
Она, возможно, девочкой была
Но мы тогда не встретились – и к лучшему
А то любовь, возможно, бы была

И вот она стоит Царица жизни
Мадонна! Женщина! Царица! Мать!
А я спешу своей походочкой безжизненной
Последний рубль с сберкнижечки снимать

1v| o3146 В последний раз, друзья, гуляю
Под душем с теплою водой
А завтра – может быть решетка
Или страна чужая непривычная
А может быть и куда проще —
Отключат теплую водичку
И буду грязный неприличный я
И женщине не приглянусь

1v| o3147 Лишь начну песню писать —
Песня грустная выходит
Братцы, что ж это выходит! —
Не дают песню писать

Ну-ка разойдитесь, гады
И помрите – добром прошу
Я за русскую за песню
Всех вас, гады, удушю

Полная и окончательная победа 1982

Предуведомление

Что такое Победа? Ну, это ясно – победа над фашистами, победа над Японией, победа над Китаем и т.д. Но Полная и Окончательная Победа – это что-то нездешнее, неземное, это из последних истин и чаяний. Это что-то невозможное, но должное. Это не сумма всех мелких побед. Она выше их. Она уже здесь. Она всегда здесь. Вся наша жизнь, все наши мелкие события – в ее отсветах.

1vl o3148 Вот командиры производства
И пятилеток вот бойцы
И воины животноводства
И просто жизни храбрецы

Они живут приняв все беды
На тайнозримом рубеже
Последней самой той уже
И окончательной Победы

1vl o3149 Ой, народ ты мой, ты весел
Потому что весел ты
Потому что ты повесил
Лозунг местной красоты
Что он значит? Что гласит?
Уже счастье, что висит

1vl o3150 Я народных героев люблю
Потому что они все народные
Ну, а разные антинародные —
Я их тоже не меньше люблю
Исторически, что ли, люблю
Потому что все антинародное
Все со временем станет народное
Да уже и сейчас ведь – народное
Это вот я как раз и люблю

1vl o3151 Чем больше Родину мы любим
Тем меньше нравимся мы ей
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал

1vl o3152 Течет красавица-Ока
Среди красавицы-Калуги
Народ-красавец ноги-руки

Под солнцем греет здесь с утра

Днем на работу он уходит
К красавцу черному станку
А к вечеру опять приходит
Жить на красавицу-Оку

И это есть быть может, кстати
Та красота, что через год
Иль через два, но в результате
Всю землю красотой спасет

1vl o3153 Внимательно коль приглядеться сегодня
Увидишь, что Пушкин, который певец
Пожалуй скорее что бог плодородья
И стад охранитель, и народа отец

Во всех деревнях, уголках бы ничтожных
Я бюсты везде бы поставил его
А вот бы стихи я его уничтожил —
Ведь образ они принижают его

1vl o3154 Выдающийся герой
Он вперед идет без страха
А обычный наш герой —
Тоже уж почти без страха
Но сначала обождет:
Может все и обойдется
Ну, а нет – так он идет
И все людям остается

1vl o3155 По волнам, волнам эфира
Потерявшим внешний вид
Скотоводница Глафира
Со странюю говорит

Как живет она прекрасно
На работе как горит
Как ей все легко и ясно —
Со странюю говорит

А страна вдали все слышит
Невидна, как за рекой
Но молчит и шумно дышит
Как огромный зверь какой

1vl o3156 Скажем здесь, у нас в России —
Революционеры все простые

Ну а там, у них на Кубе
Там они все просто в кубе

Ну, а в Африке, а в Азии —
Ни в какие просто мерки не влазеют

1v| o3157 Неважно, что надой записанный
Реальному надою не ровня
Все что записано – на небесах записано
И если сбудется не через два-три дня
То через сколько лет там сбудется
И в высшем смысле уж сбылось
А в низшем смысле все забудется
Да и уже почти забылось

1v| o3158 Вот Сталин со своим Василием
Оба медалями сверкают
И ослепительным всесилием —
Как видно уж судьба такая

И вправду говорят, Василий
Родился в золотых погонах
От вездесущего всесилія
Вошедшего в чужое лоно

1v| o3159 Опять поляки метят на Москву
Понять их можно – ведь столица мира!
Сначала Солидарность там и Хунта
А после – прямым ходом на Москву
Как в сорок первом! Но не оттягать
Теперь земель им исконных российских
Нет, дорогой товарищ Ярузельский —
Москвы вам покоренной не видать!

1v| o3160 Толпа летит, сметая все преграды
Неудовлетворенная пока
Милицанер взирая с высока
Гласит, не отрицая ее правды
Не опуская верного штыка
Гласит:
О бешенство безумной матки-правды!
О хладнокровье встречного штыка!

1v| o3161 Я никогда вас не любил
И все же не убил
И никогда не уважал
И все же не пересажал
Так что вы тут себе живите
Да и меня благодарите

Что не любил
А не убил
Не уважал
А не пересажал
Так что живите
И меня благодарите
Ведь не убил
Хотя и не любил
Ведь не пересажал
Хоть и не уважал
Так что меня благодарите
Что живете-то

1v| o3162 Я с климатом надо сказать что смирился
На год на сорок втором и скажу
Что прелести даже уже нахожу
И в этом морозе и в легком морозце

Но надо признаться, что правопорядок
Скорей подошел бы по сумме примет
Для тундры скорее иль где-то там рядом
Для наших широт же, по сумме примет
В нем прелести некой пожалуй что нет

1v| o3163 Весна идет – ее победа
Уж несомненна и ясна
Так выглянешь после обеда —
А там на улице весна
А там на улице и лето
И осень и зима совсем
И это полная победа
И окончательная над всем

Искусство принадлежать народу 1983

Предуведомление

Можно жить в какое-то время, говорить на каком-то языке среди какого-то народа – это обстоятельства. Но принадлежать времени, языку, народу – это искусство. А быть при этом еще и С собой – это Судьба.

1vl o3164 Ну, Рейган, ясно – зверь безумный
Но он ведь тоже не изъят
Из истины – в нем тих и свят
Идеи нашей объективной
Есть маленький росток, когда же
Росток в сознание прорастет
То сердце розой расцветет
И этот зверь ягненком ляжет
И не укусит

1vl o3165 Вот евреи на Ливан
А чего им нужно там?
А им бедным кровопийцам
Арафатинки хочется
Дело ясно, дело ясно
Дело вылитый табак
Ах ты Ясер, ах ты Ясер
Глупо быть желанным так

1vl o3166 Когда идеи славные Чучхе
Пмножены на принципы Чхолимо
Превысят скорость славную Чхолимо
И превзойдут великое Чучхе
То ветхой силой нашего ума
И слабостью души дрожащей
Нам их не удержать слепящих
Они свободные уйдут – и тьма
Настанет

1vl o3167 Жизнь на Севере нашей страны
Так отлична от жизни на Юге
О, прекрасные Юга сыны!
Ой, вы северные подруги!

Да уж так перепутались все вы
Когда жизнь проносилась вокруг
Красной птицею с Юга на Север

Или с Севера белой на Юг

И опять уже с Севера – красной
А на Юге – лишь жаркие сны
Ой вы, Севера-Юга сыны!
Ой ты, Запад-Восток распрекрасный!

1vl o3168 Китайцы, к счастью вестимо
Выходят все же что друзья
Жизнь так сложна невообразимо
Что даже выразить нельзя

Поэтому беру обратно
Слова плохие про их строй
Но право нелицеприятно
Судить их – все же за собой
Я оставляю

1vl o3169 Вот он Рейган к себе их манил
Завлекал золотыми объятьями
Но Бог этого не попустил
Потому что с китайцами братья мы

Породнились мы плотью и мифами
Породнил нас родимый шамбал
Потому что с китайцами – скифы мы
А вы – бляди и злой интеграл

1vl o3170 Вот я поджидаю среди ночи
Несчастных и подлых зверей
И жалко их – нету мне мочи
И нету мне воли моей

Как ангел отмщенья руками
Махаю в Отчизне своей
И сыпятся вниз тараканы
И прочие дети зверей

1vl o3171 Вот этот говорят невиноватый
И этот, говорят, и тот
Так что ж выходит – все не виноваты?
А кто ж тогда выходит виноват?
Иль жизнь им в развлеченье всем подряд?
А про предназначенье не подумали? —
Невиноватые давно все умерли
Коли живешь – так значит виноват

1vl o3172 А что? – вот такие ребята рождаются
Чего захотят – от того не отступят

Канадцев побьют и Корчного отлупят
От них уж другого и не ожидается

Поскольку с народом, а если побьют кого
Из наших – тот сразу в народ и вминается
Обратно, как не был; у них же побьют кого —
Тот долго один на дороге валяется

1vl o3173 Вот он военный и артиллерист
Душой как дитя он невинен и чист
Но грянет лишь голос военный
И он не дитя уже вам
Нельзя отдавать – говорит – ценный
Стратегический Афганистан
Нельзя-то, конечно, нельзя
А может быть все-таки можно —
Вот разница между, друзья
Позицией штатской и ложной
И военной, истинной
Ну, не истинной, а правильной
Ну, не правильной, а должной
Ну, не должной, а какая есть – такая есть
Военный все-таки

1vl o3174 Вот на кухню выхожу
Вот-те сразу тараканы
К одному я подхожу
Здравствуй – говорю – дружище
Узнаешь, мол? – Узнаю
Помнишь ли – я говорю
Как тебя чуть не сгубил я?
Помню помню – говорит
Что за счастье жить с такими
Вот

1vl o3175 Я не развратник оголтелый
И не охальник, вовсе нет
Хотя, бывает, мой предмет
Гораздо близок к этой теме

Я просто честен, так сказать
Когда язык народный, скажем
Вдруг: еб твою – он скажет – мать!
Я жду, чего он дальше скажет

1vl o3176 Когда я скажем вас целую
Или еще кого приходится
То в этом тихом поцелуе
Как будто бы стихии сходятся

Или еще мощней и нравственной —
Как в поцелуе государственных
Деятелей
Как будто бы державы сходятся

1v| o3177 Вот день рыбака – Это День Рыбака
Рыбак в этот день бесподобен
Он Божьему знаку подобен
Рыбак в этот день на века
Но в день уже следующий рыбак
В день, скажем, Святого Танкиста
Он смотрит уже на Танкиста
А сам он – какой-то рыбак

1v| o3178 Я скульптор был не самый лучший
Но и не худший, видит Бог
Да прокормить себя не мог
Лишь даром только глину мучил
Она же влажная ждала
Чтобы по зову Государства
Огромным воином подняться
На бесподобные дела
А я не мог

1v| o3179 Вот те же скажем пацифисты
Они совсем не хуже нас
А может даже лучше нас
Поскольку мира активисты
Но человек – он ведь неистов
И государственный человек
Коль всякий станет пацифистом
То станет ли здесь человек
В полной мере

1v| o3180 Друзья – они ведь люди сложные
Вот скажем тот же взять Китай —
Уж как вредил нам невозможно
А все ведь – друг, а все ведь – свой

Да и враги ведь люди сложные
Вот тех же мериканцев взять —
Продукты шлют нам всевозможные
А все – враги, едри их мать

1v| o3181 Вот собрался весь генералитет
И на вопрос свой ждет ответ —
Где среди мирных будней подтвержденье
Что он действительно есть генералитет
А подтвержденья-то и нет

Но есть прямое подтверждение —
Ведь мир есть мирное сражение
И призван генералитет
Пролить на это дело свет
В подтверждение
Что он есть генералитет

1vl o3182 Отступите заботы фальшивые
Ой, вы думы большие и темные
Ой, вы думы Буденного про Ворошилова
Ворошилова про Буденного

Отступите примеры фальшивые
Ой, вы думы большие-суровые
Ой, вы думы Суворова про Ворошилова
Ворошилова про Суворова

Отступите намеки фальшивые
Ой, вы думы, вы думы святые
Ой, вы думы Батя про Ворошилова
Ворошилова про Батя

1vl o3183 На все всегда причины веские
Мы понимать их научились
Вот и фашисты объявились
Но тоже – люди ведь советские

От общей матери мы с ними
Мы общие впитали истины
И наши с ихними фашистами
По самой сути несравнимы

1vl o3184 Поляки все не образуются
Все с демонстрациями ходят
А жизнь тем временем проходит
Себе как тихая безумица
Все неприкаянная ходит
И к нам бывает что заходит
Но уж как полная безумица

1vl o3185 Я жил в года когда свистали пули
Холодной атомной войны
Когда ветра с Востока дули
И гибли лучшие сыны

Но содрогался враг безумный
В преддверье смерти неизбежной
Когда с высокой мировой трибуны
Его разоблачал товарищ Брежнев

Леонид Ильич

1vl o3186 Когда мы с Поповым сидели-курили
На скверике возле Большого театра
Событья великие происходили
Которые не повторят тебе завтра
А самое раннее – лет через десять
И в центре события сидели вот здесь мы
Эпох созерцая незримые вехи
Кругом – никого, ни единой помехи
Милиция лишь да солдаты ходили
А мы все сидели, смотрели, курили
Вдруг голос раздался откуда-то сверху
Вниманье товарищи! Дух подравняйте
Курите, смотрите и запоминайте

1vl o3187 Когда скорбела прогрессивная планета
И звуки похоронные лились
С Поповым мы как братья поклялись
Как Герцен с Огаревым поклялись
Что исторического этого момента
Мы не забудем до скончанья лет
Пускай событие, скажем что, забудется
Но наша клятва неземная сбудется
И воскресит прекрасный сей момент

1vl o3188 Я выпью бразильского кофе
Голландскую курицу съем
И вымоюсь польским шампунем
И стану интернационал

И выйду на улицы Праги
И в Тихий влечу океан
И братия станут все люди
И Господи-Боже, прости

1vl o3189 Вот умер он, умер, а был он живой
И правил такой невозможной страной
И долго достаточно правил
Согласно понятий и правил
Которые можно бы и не понять
Да вот не понять невозможно
Живи и внимай осторожно
А то на себя можешь только пенять
Что этих понятий и правил
Не понял – а то бы уж правил

1vl o3190 Своими Рейган подлый трубами
До смерти нашего сгубил

Потом эмбарго отменил
Да уже поздно – не воротишь уже

Наука будет наперед
Ему, да вот ему не скажем мы
А то неправильно поймет
И всех по одному нас сгубит здесь

1vl o3191 Вот человек антропоморфный
Вождь человеков и природы
А раньше был ведь зооморфный
И ничего – ведь жили тоже
И в этом нету удивительного:
Ведь в каждом – антропоморфинка
А надо – и зооморфинка
Как надо – так и приспособимся

1vl o3192 Они уж не преклонят выи
Поскольку уже нету выи
Поскольку уж вечноживые
А мы здесь просто что живые

И эту выю преклонять —
Раз плюнуть нам, едрена мать

1vl o3193 Братцы, братцы мериканцы
Будем, будем в мире жить
Петь, смеяться и дружить
Будут песни, будут танцы
Я во всем здесь виноват
Все делил я: наши, ваши
Виноват я, виноват
Все мы будем просто наши
Хотите – советские
Хотите – просто наши

1vl o3194 Нет, я не враг животноводства
А птицеводства – просто друг
Но часто замечаю вдруг
Я за собой, что про искусство
Я чаще думаю, увы
С какой-то страстию нездешней
Как будто этим долом грешным
Возможно накормить страну
Или хотя б спасти немножко
Да все само тут понемножку
Спасается

1vl o3195 Вот совсем я облысел —

Страшная картина
А ведь был удал и смел
Видный был мужчина

Но когда вокруг земля
Страждет несусветно
Господи, чего же я
Да про мелочь эту

Был бы мир! – когда же он
Сбудется и будет
И прекрасный легион
Образуют люди

Я, боровшийся за мир
Лысый, непригожий
Меж прекрасными людьми
Выйду – так ведь тоже
Обидно

1vl o3196 В гостинице я жил однажды
И в комнате со мною свойск
Жил офицер военных войск
Военною объятый жаждой
Он говорил: мы их тогда
Опережающим ударом
Боеголовками ударим
И разнесем их города
И базы и боезаряды
Там – пушки, танки, крейсера
И кавалерия – ура!!!
Вот так – чтоб к нам не лезли гады

1vl o3197 Фарца кругом гуляет тут
У мериканцев вещи взявши
Их втридорога продают
И совесть и закон поправши

Ну что ж, в семье не без урода
Но если шире посмотреть
Ведь это дело тоже ведь
Сближает ведь народы-то

1vl o3198 Вот на корабль он садится
И Родине он изменил
Потом решенье изменил
То есть решил он возвратиться
Но возвратился и попал
Как крысы с корабля на бал

То есть
Знаменитым писателем стал
Советским

1vl o3199 Я б хотел послужить перегнутом
Для грядущих осмысленных дней
Чтобы юноша некий достойный
Воспитавшись на почве моей

Чтобы юноша некий прекрасный
Не продавшись чужому рублю
Все осмыслил безумно и ясно
И сказал тем не мене: Люблю!

1vl o3200 Я эту вражину убью
В виду родных становий
И никто меня не остановит
Народ меня не остановит
Партия меня не остановит
И Небеса меня не остановят
И если Милиция меня не остановит
Так кто же?

1vl o3201 Вот так к одному лишь привыкнешь
К другому уже привыкай
И рифму ему подыскай
Да и не всегда ведь подыщешь
Прощай же, мой Рейган, прощай
Пришла нам пора расставаться
Не надо, не обещай
Вернуться и переизбраться
И трезвому не разобраться
В вашей Америке

1vl o3202 Послушай-ка, Орлов, ведь мы живем нечасто
А тут мороз и резкий климат злой
А там кому-то даром тропики и счастье
А он и Родины не любит-то своей

Оно всегда ведь – противостоянье:
Где холод, где мороз, где нечего любить
Там любят Родину, и это состоянье
Вкруг воздвигает райские сады

1vl o3203 Их мало ли кто жизнь нам портит
Вот скажем тот же Южный ветер
Немыслимую сушь наносит
Иль Северный к примеру ветер
Невыносимый хлад наносит

Иль Западный злодейский ветер
Противное нам всем заносит
Или Восточный желтый ветер
И вовсе черт-те что приносит
А нам здесь, Господи еси
Самим бы выжить понемногу
А всех прими, да всех снеси
И всех наставь на путь-дорогу

1vl o3204 Вот говорят, что наши люди
Хотели Папу подстрелить
Так этого не может быть
Они для нас мертвы заранее
Священнослужители стало быть
Хотя вот их и подстрелить —
Не преступленье, стало быть
В этом, узком, смысле

1vl o3205 Опасности и беды мя
Он сверху посмотрел на мя
Но я стоял среди пространства
Высокомерно и бесстрастно
И я сказал Ему: мой Бог
Вот мы стоим здесь как спартанцы
Все будет, как судил нам рок
Не вздумай отменить пытаться
Не позволим

1vl o3206 Вот скажем вам артист народный
Всего Советского Союза
И депутат он всенародный
К тому ж Верховного Союза

А тут на сцене нам покажет
Такое – грудь полобнаженна
Разрез на юбке до лобка аж
Так как же будет уваженье
От избирателей ему

1vl o3207 Вот только в Европе мы что-то полюбим
Они уже дальше давай громоздить
Так как же тогда целиком-то полюбим
Противную нашему делу – любить

И мы приезжаем, над камнями плачем
Родными для сердца для каждого русского
А Европа – глаза б ее наши не бачили
Предательница вечная! обманщица! сука!

1v| o3208 Как всякий русский, всякий новый
Советский русский, горячо
Люблю я Аллу Пугачеву
Не мене сам велик причем

В виду имея факты эти
Вот нам в виду у всей страны
Сойтись бы с нею – да увы
Она меня и не заметит
О, Силы Тайные Небесные!
О, поспособствуйте мне вновь
А то мы там равноизвестные
Сойдемся с нею, на любовь
Уж неспособные

1v| o3209 Надо честно работать, не красть
И коррупцией не заниматься
Этим вправе вполне возмутиться
Даже самая милая власть

Потому что когда мы крадем
Даже если и сеем и пашем
То при всех преимуществах наших
Никуда мы-таки не придем
А хочется

1v| o3210 Какой убыток Государству
Когда наивный бедный люд
В рабочий час труда заместо
Гуляет, шляется и пьет
Так кто ж ему подаст пример?
О, только ты, Милицанер!
Как столп и символ Государства
И волею исполнен страстной
Возьмешь их, как в святом бою
Под руку сильную свою

1v| o3211 Жизнь уж отпустить придется
Все прагматиками стали
Когда даже Руководство
Не про дух мощнее стали
Не про наше превосходство
В сфере ясности позиции
А посредством там Милицы
О прогулах там печется
Господи! О чем тревожиться!
Был бы дух – и все приложится
Пусть они, имперьялисты
Там пекутся черт-т о чем

Ну а мы мощны и чисты
Все равно их победим

1v| o3212 Вот в очереди тихонько стою
И думаю себе отчасти:
Вот Пушкина бы в очередь
И Лермонтова в очередь сию
И Блока тоже в очередь сию
О чем писали бы? – о счастье

1v| o3213 Вот группа западных борцов за мир
В парламента прорвалась зданье
И сорвала им заседание
В знак этого-того, что борется за мир

Все правильно у них, но все же:
Средь бела дня в парламент прорываться —
Неуважение такое к власти
Что неприятно даже
Хоть и понятно

1v| o3214 Вот все в округе борются за мир
А что же делать воином рожденному
Явившемуся равным в этот мир
На смерть в бою и подвиг порожденному

А мы ему вот это запретим
Средь нашего осмысленного века
Но в страсти он своей непобедим
Он за права будет бороться человека
И победит

1v| o3215 Мы Митгераны
Мучат нас раны
Соцьальные мучат
Мы соцьалисты
Вот коммунисты
Пусть нас научат
А коммунисты
Соцьалистам в ответ:
Да, вас научишь
В вас совести нет
Классовой

1v| o3216 Скажите как дальше с китайцами быть —
Враги они нам иль друзья?
Могу я их дальше в стихах поносить
Иль этого делать нельзя

Да вот ведь – газеты упорно молчат
А тут приближается срок
С надеждой гляжу я тогда на Восток
Но ведь и китайцы молчат
Все молчат
Как сговорились
А тут приближается срок
Так и умру, не узнавши

1vl o3217 Вот антипод коммунистической морали
Средь нас живущий уж шестидесятый год
И мы его с презрением признали
Как антипода, что средь нас живет
И вот поскольку есть он антипод
Он с нами связан всей своей моралью
Пусть антиподной – и на гран едва ли
В нем есть чужого – наш он антипод
Истинно

1vl o3218 Не хотят они разоружаться
Как же их тогда разоружить
Ну, не в смысле, их со свету сжить
Или там в открытую сражаться

Просто их несчастных убедить
Что они давно уж исторически
Все обречены и истерически
Глупо это все воспринимать
Так надо

1vl o3219 Республики нашей Советской Прибалтики
К прибалтам живут непонятной любовью
А республики Антисоветской Прибалтики
Подводные лодки какие-то ловят
И нашей приписывают принадлежности
Да что там про нас они подлые знают
И нету в них подлых понятия и нежности
Какая Прибалтика все-таки злая!

1vl o3220 Вот погода жестоко понизилась
Человечества ж лучшая часть
Умирая, боля, лечась
Все равно перед ней не унизилась

И в отместку на юг не бежит
Но среди знаменитого города
Молчаливая, строгая, гордая
Только лишь с укоризной глядит

1v| o3221 Вот кисти раз в десять что подорожали
Смотри, живописец, в их тайную суть
Не то, чтобы стало тебе просто жаль их
Но раз десять задумаешься, пред тем как мазнуть

Раз десять задумаешься: а надо ль?
Раз в десять осмысленней станет твой труд
Раз в десять дороже он станет народу
Раз в десять все в выигрыше будут тут

1v| o3222 Виктор Владимрыч Ерофеев
Которому закону нет
Без элегических затеев
Описывает нам минет

Но так уж мы привыкли с детства
Да ведь и он привыкший сам
К тому, что тут же это действо
Мы переносим в небеса

А коли уж и там минет —
Так ничего святого нет

1v| o3223 Все что непременно должно быть
Гомогенным, скажем – гомогенно
Что гетерогенным должно быть
То напротив здесь – гетерогенно
Что же люди мечутся так шибко
Все нормально, значит здесь ошибка
В них самих

1v| o3224 Этот гонит нас плодиться
Тот нас гонит воскрешать
Господи! – эти безумцы!
Дайте тихонько пожить

Хоть немножко отпустите
Чутьочку вот отдохнем
Ну, а там уже, простите
Там кого-нибудь уж уьем

1v| o3225 Отправления его
Физиологицкие
Нам не скажут ничего
О его воззрениях

Ну а если он фашист
И не знает Ленина
Неужто ль отправления

Такие ж как у нас

Не верится

1vl o3226 Что же нас Рейган так мучит
Жить не дает нам и спать
Сгинь же ты, пидер вонючий
И мериканская блядь

Вот он в коросте и в кале
В гное, в крови и парше
Что же иного-то же
Вы от него ожидали

1vl o3227 Недолго музыка играла
В смысле, оказался он врагом
Со своей скрипачкою он
Бежал в объятья капитала
В объятье нехристей-чудовищ
Иную музыку играть
Милитаристских сфер, но мать
Твою не тронем, Ростропович
Мстислав

1vl o3228 Вот представитель наш в ООН
Опять в Америке остался
И ясно представляет он
С чем он теперь навек расстался
Впрочем, и раньше представлял
Когда достойно представлял
Нас в ООН

1vl o3229 Если завтра станет вечность
То последний, так сказать
Миг пред нею – как не вечность
Станет ей противостоять
Вместе с нами перейдя
В вечность из не вечности
Как вот из неметченности
Или лучше – из еврейченности
Скажем в русскость перейдя
Все двоится человек

1vl o3230 Милиционер гуляет строгий
По рации своей при том
Переговаривается он
Не знаю с кем – наверно с Богом

Голос вправду неземной

Звучит из рации небесной:
Ты, Милицанер прекрасный
Будь прям и вечно молодой
Как кипарис цветущий

1v| o3231 Как Герцен с Огаревым вместе
Друг друга преданно любили
Как Энгельс с Марксом тоже вместе
Друг друга преданно любили
И Пушкин с Лермонтовым вместе
Друг друга преданно любили
И Ленин-Сталин скажем вместе
И Цезарь с Брутом скажем вместе
И Данте с Беатриче вместе
С Лаурою Петрарка вместе
Друг друга преданно любили
С Булатовым Васильев вместе
Вот так, Орлов, должны мы вместе
Друг друга преданно любить
И в одно время умереть.

Стихи для души 1984

Предуведомление

Разные могут быть стихи для души. Смотря какая душа, смотря место какое, смотря время какое, смотря цель какая, смотря какая цена.

Да и душу можно ублажать, веселить, успокаивать, учить, возвышать, мытарить, уничтожать, открывать ей глаза, закрывать ей все пути, приоткрывать завесу над тайной или просто – душа в душу.

И все это есть – стихи для души.

1vl o3232 Когда писатель наш советский Первый
6210 Шпионами врачебственных искусств
Злодейски был подвергнут шоку плевры
И полной анемии чувств

То к счастью тогда еще не жил я
А то б набросились злодеи на меня
Сердечную застопорили б жилу
Всю нервную систему в мозг подняв

1vl o3233 Отбежала моя сила
6271 На полметра от меня
Я лежу, ее бессильно
Достопамятно браня:
Ах ты, подлая и рыжья
Ну, чуть-чутьочку, едрит
Подойти ко мне поближе!
А она и говорит:
Пшел вон, старый

1vl o3234 Деревья плачут, что их не воспел
6276 И травы, и пласты геологические
А вот события плачут политические
Что слишком я их тут перевоспел
Что им бы жить себе потише
Ведь вот ведь – всем не угодишь им
Бессловесным

1vl o3235 Вот правая нога шагает —
6290 Я не люблю ее
А левая – она больная
И я люблю ее

И все мне левое дороже

По этой по причине
Все левое – оно больное
Вот у меня, во всяком случае

1vl o3236 Мне евреи не вредили
6297 Мне вот русские вредили

Ну, конечно, что евреи
Они все-таки евреи

Но и все-тки русские
Они все-тки русские

Ну, а ежли разобраться
Ежли все-тки приглядеться
Может статься, что китайцы
Может статься, что корейцы —
Все может статься

1vl o3237 Конечно, куда-нибудь можно бежать
6307 Да кто их там знает, блядей проклятучих
И станут они меня там содержать
Как скажем вот здесь тараканов я мучил
За то вот что мучил, да и вообще
У них это может в порядке вещей
Как и везде, впрочем

1vl o3238 Против вот тараканов купил
6311 Что-то вроде я бомбы нейтронной
Что меня вот нисколько не тронет
Их погубит же всех дорогих

Так по чести ведь им говорил:
Ну, живете себе – и живите
И не лезьте, куда вас не просят
Да такая нехитрая просьба
Выше их оказалась сил

1vl o3239 Вот воздух изогнувши тело
6319 Над душным стогом пролетает
И тихий сельский пролетарий
Косясь глядит на это дело

Как местная родная высь
В какой-то дальней выси тает
И тихий сельский пролетарий
В улыбке становясь как рысь
Родную высь когтит умело
Чтобы она не отлетела

В ту высь – рассудочную

1vl o3240 Вот в капсулу рабочие кладут
6323 Послание двухтысячному году
Пускай там, бляди, в будущем прочтут
Как мы здесь жили не себе в угоду

Прочтут черты неведомой им были
И скажут покачавши головой:
Ведь надо же! Но все-таки ведь жили
Бляди!

1vl o3241 Вот курица совсем невкусная
6307 Но, Господи! – подумать ведь —
Ей бегать и страдать:
Ведь вот ведь – я совсем невкусная!
Ведь это неудобно есть
Коль Дмитрий Алексаныч съесть
Меня надумает

1vl o3242 Мою свою ноженьки
6337 Эки белоноженьки
Экие красавицы
Просто нету сил
Правая красавица
И левая – красавица
Да и сам ведь я ведь
Ничего – красив

А то вот бывает ведь
Что и кривоногие
Что и волосатые
Что и без ноги
Да и сам выходит он
Чертом полосатым он
Сволочь он последняя
Враг он и шпион
Рейган колченогий
Он

1vl o3243 Рыбарь средь Дона терпит лов
6343 А Дон под ним несется странный
К иным морям, в иные страны
Да вот на месте рыболов
Качается, нестись заместо
С водою видимо он к месту
Привязан крепко

1vl o3244 Мышь бежит по потолку

6346 Мыши бегать свойственно
А вот мне несвойственно
Ах, кабы было свойственно!
Господи, что б ни отдал
Чтобы было свойственно
Можно даже и не бегать
Только было б свойственно
Ан – совсем несвойственно
Не могу

1vl о3245 У них и пятки мягкие
6352 У них и руки гибкие
Они еще такие прыткие
Они дети еще

А у нас и голос с хрипотцой
И легкие отравленные
Мы разве только не отравленные
Туда где воля и покой

1vl о3246 Вот женщины уж год сидят
6376 У входа у военной базы
Они детей спасти хотят
От атомной войны угрозы

А в это время дети их
Без матерей в разврат впадают
Друг друга может убивают —
Вот и спасли детей своих

1vl о3247 Вот так вот полетишь на самолете
6377 Ретивый кто-нибудь тебя и подобьет
И во вниманье даже не возьмет
Что там детишки разные и дети

Так ведь на то ему оружие дадено
Он смотрит и сурово молвит: Ишь!
Вот полетать себе надумал, гадина
Какая разница – вот и летишь

1vl о3248 А вот герой национальный
6384 По телевизору идет
И разговор принципиальный
О нравах падших он ведет
А нравы ведь какие – ясно
И нравам этим нет конца
И все в итоге-тки прекрасно —
Герой стирает пот с лица
Национальный

1vl o3249 Вот сижу я в Ленинграде

6445 Поднимается вода
Вот и смоем, Бога ради
Этот город навсегда

И понесет его в Москву
А в Москве – там все сольется
Чудным словом отзовется
Одним словом, что – силь ву
Пле

1vl o3250 В поселке дачном академиков

6484 Гулял я листьями шурша
Моя завистлива душа
Завидовала академикам

Вот так бы, думалось, и мне
Здесь жить на радость людям здравствуя
Да вот
Для организма государства я
Как мелка тварь в его говне
Копаящаяся

1vl o3251 Пожелтели все деревья

6474 У метро Беляево
А в других местах сказать-то —
Право, и не знаю я

Потому что тут все ясно:
Осень несусветная
А в других местах – кто знает
Может, конец света у них

1vl o3252 Самолеты налетели

6479 Следом танки набежали
Пули плыли и устали
Отдохнуть решили в теле

Ну а тело, слава Богу
Вот оно на все готово
Выросло на всем готовом
Знать, такой уж уготован
Праздник жизни здесь ему
Души в отличие

1vl o3253 Когда бы жил я как герои

6493 Простые из моих стихов
Да вот, увы, я их хитрее

А ведь иначе мне нельзя
Поскольку вот они – герои
А ведь иначе им нельзя
За них хитра сама природа
А за меня, кроме меня
Кто хитрым будет?

1vl o3254 Скажем, супчику поестъ
6520 Власть, она ведь не мешает
Да вот в том-то и дело, что мешает
Иль напротив – помогает
Как кому, на то и есть
Она – власть

1vl o3255 И мышка и малый кузнечик
6556 Стрекогут, ети же их мать
Что скажешь ты им, человеце? —
Так что же им бедным сказать? —
Играйтесь на травке пушистой
Но только вот сунетесь в дом
Я как тараканов-фашистов
Вас смерти позорной предам
Гадов
Фашистов недобитых
Блядей ебанных
Сукой буду
Предам

1vl o3256 Вот вяжет женщина в метро
6568 А я сажу напротив
А что я? – я не против
И ничего не против
Пусть даже вяжет саван мне
Пусть спицей сердце протыкает
Знать, ее миссия такая
Такие вот вязать одежды
Сердца такие протыкать
На остановку вот надежда —
Я выскочу да и бежать
Хитрющий

1vl o3257 Смерть к нам бывало и та заходила
6579 И на посту нас всегда находила

Мы ей бывало в глаза поглядим
Непобедимые и поговорим:

Что испугалась, красавица серая
И не такие у нас в эсэсэрии

Бывали

1vl o3258 Вот нацменьшинство мое бегаёт по дому
6599 Вот в сторону я отставляю стакан
И с ним говорю поначалу по-доброму:
Послушай, как звать тебя там, таракан
Какое ж ты нацменьшинство, когда тыщи вас
– Да мал ведь малешенек есть таракан —
– Ах, мал есть! А я вот один-одинешенек
Вот так вот – и шасть его тут по зубам
В сердцах

1vl o3259 Вот этим нет преград
6614 ни в море, ни на суше
Вот этим не страшны
ни дым, ни облака
А мы им что – говно?
а мы им что – не суша?
А мы не ядовитые
им что ли облака?
А мы им разве что? —
не бомба им нейтронная?
Не мистика мы им?
не карате мы им?
Не страшная им мысль
глобально-фазитронная?
Не в жопу ли им всем
сухой осиный кол
Блядям
Вурдалакам ебаным

1vl o3260 По горьким торжокским пригоркам
6338 Где церковьки чахнут в летах
Ходил я как пламенный птах
Порою на воздух прогорклый
Взлетая, коль не было сил
И сам же себя опускал
На землю жестоко-сознательно —
Ходи, сука, будь наблюдательным
Не сам же себя отыскал —
Тебя, сука, отыскали

1vl o3261 И чтой-то молодежь все женится
6665 Что это мода за така
Глядит с улыбкой знатока
И женится себе, все женится

А то бывало в наши лета
Мы разве ж знали про любовь

Мы знали – Родина и кровь
И кое-что еще – но это
Разве ж объяснишь

1vl o3262 Веник сломан, не фурычит
6675 Нечем пол мне подметать
А уж как, едрена мать
Как бывало подметал я
Там, бывало, подмету
Здесь, бывало, подмету —
Все светло кругом, а ныне —
Сломано все, не фурычит
Жить не хочется

1vl o3263 И не знаю как дальше-то жить
6701 Как бы жизнь свою дальше устроить
Али жизнь за царя положить
Мировой ли пожар тут устроить

А то скучно, что нетути сил —
Ни любви, ни спасенья, ни бомбы
Кабы кто здесь чего попросил
Но не мелкое, а в мировом бы
Масштабе

1vl o3264 Я свою харкотину лелею:
6723 Ах ты моя бледная лилея

Мало здесь и безотрадно жившая
За меня живот свой положившая

Да и я вот здесь вот поживу
И за кого-нибудь живот свой положу
Как такая же лилея

1vl o3265 Вот сколько умерло, едва ли
6724 Так раньше разом умирали
Как будто некий высший номер:
Вот Брежнев – самый главный умер
А перед этим Суслов умер
А перед ним Косыгин умер
А после всех их Пельше умер
А уж потом Андропов умер
Да ведь и Кириленко умер
Политически

Следующие стихи 1984

Предуведомление

Следующие стихи в том смысле, как говорится: на приеме присутствовали следующие лица... Но и в том смысле, что эти стихи следующие за предыдущими, написанными как раз перед ними. Т.е., в том самом обычном смысле, что все в порядке, жизнь идет, стихи пишутся. Самое большое, что может случиться, так это что стихи не напишутся, но жизнь-то все равно идет, будет идти и без них, и без нас. Так что, все в порядке, будьте довольны, спите спокойно, дорогие товарищи.

1v| o3266 Здесь свинка бегала, лежала
7944 Игралась со мною – ах!
Куда же она убежала
В каких теперь витает щак

В какой нелепый организм
Нелепою добавкой входит
Из зада пущею выходит
Нелепостью – такая жизнь
Нелепая

1v| o3267 На южном ослепительном балконе
7947 Среди острорастущих кипарисов
Средь маслянисто-буйственных магнолий
Я вдруг представил, что я Сталин Йосиф

Что жизнь в своей основе неизбежна
Ввиду лежащих в ее основу трупов...
От дальних ресторанов побережья
Слетались затихающие звуки
Веселья

1v| o3268 Как много женщин нехороших
7963 Сбивающих нас всех с пути
В отличие от девушек хороших
Не миновать их и не обойти
Куда бежать от них! куда идти!
Они живут, разлитые в природе,
Бывает, выйдешь потихоньку вроде
Они вдруг возникают на пути
Как деревья какие

1v| o3269 Вот я кушаю мандарин
7967 А ведь мог бы я быть мандарин

Во далекой китайской столице
С длинным ногтем на каждом мизинце

Где безумно весной хорошо
Говорить: А подайте-ка шелк

Тушь густую в муаровый отлив
Напишу-ка я длинный йероглиф

Но чуток кривоватый, кажись
Про российскую нашу жизнь
Потому что

1vl o3270 Они летают разные красивые
7974 Блистая опереньем на лету
Я их беру, гляжу в глаза их синие
И на землю холодную кладу

Они лежат, не в силах приподняться
А я уже заметно их лечу
И говорю им тихо: Полно, братцы
Лежите там, я вам добра хочу
Потом поймете

1vl o3271 Когда Иосиф Сталин с Жуковым
7985 Поля Германьи обходил
Один другому говорил:
Вот сколько их детей и внуков их
Сломил советский наш металл
А Сталин тихо добавлял:
И история

1vl o3272 Моего тела тварь невидная
7987 Тихонько плачет в уголке
Вот я беру ее невинную
Держу в карающей руке

И с доброй говорю улыбкой:
Живи, мой маленький сурок
Вот я тебе всевышний Бог
На время этой жизни краткой
Смирись!

1vl o3273 Котенку кошечка тащит
7943 Отловленную мышку
А мышка плачет и пищит
Да и котенок-то – детишка
А все уж жалости в нем нет

Глядит горящим глазом.
А вырастет! а выйдет в свет!
Вот я ухлопаю их разом
Для справедливости

1vl o3274 Вот в парке имени Дзержинского
7945 Сидят в кафе и водку пьют
Вот раньше бы их жирных тут
Железную пятой Дзержинского
Вдавили б в землю – дым пошел
А следом бы отряд прошел
Пионерский

1vl o3275 Сорочку белую одену
8020 Друзей спокойных приглашу
И всех на месте порешу
Они поймут – такое дело
Такого дела-то заради
Они меня бы тоже, бляди
Порешили
Если бы им первым в голову пришло

1vl o3276 Зуб был горячий как струя
8026 Вдруг обнажившегося ада
И все были смертельно рады —
Врачиха рада, дети рады
И люди рады, но не я
И все бежали вперед
Крича: Сейчас прикончим гада!
Но я взмолился: Не... не надо!
Не тро... не трогайте меня!
Вот тронете – и все зальет
Неотмываемымся ядом
Вплоть до небесного Кремля
Отойдите!
Пусть я один погибну

1vl o3277 Вот в нашем пониманье – детки
2032 А женятся, уже и детки
Их собственные целятся сказать
А вы кто собственно такие
Мир только начался, можно сказать
А вы уж старые такие
Вашу мать

1vl o3278 Вот, говорят, курсанты пели
8027 В двадцатом роковом году
Простые юноши в быту
Надев военные шинели

И розы девушкам дарили
Изольдам комсомольских лет
И всех, кого нашли, – убили
А те их через много лет
Тоже нашли
И убили
Метафизическим способом

1vl o3279 Памятник Пушкину, сложивши
8072 Пожитки своих медных дел,
Сказал: Вот я в иной предел
Иду, вам честно отслуживши

Лелеять буду там один
Я душу – бедную малютку
Не глядя вверх, где в славе жуткой
Сидит мой прежний господин
А ныне – брат ошутимый

1vl o3280 Чрез дальнее увянувшее поле
8081 Ползет великий зверь Уацриор
Поднимет взгляд как будто поневоле
И спрячется за край окрестных гор

И поселяется окрест тревога
Один проходит – вслед идет другой
И третий... но проходят понемногу
Бегут туда – а он там за горой
Кверху лапами лежит

1vl o3281 Возьму-ка парочку дейтерия
8094 Под кожу нежную введу
И к людям на люди пойду —
Вот бомба атомная теперь я

Лелейте, хольте меня, суки
А то вас всех тут разнесу-ка
В слякоть мелкую

1vl o3282 Еще лет двадцать проживу
8134 И стану в десять раз умнее
А что я буду делать с нею
С безумной мудростью своей

Пойду; чего-нибудь куплю
Достанет сил – перетерплю
И ее, родимую

1vl o3283 Машина мимо пробегает
8143 Ее же детская душа
Невинна так и хороша
Ко мне стыдливо подбегает:

Пойдем гулять в леса-долины! —
И за руку меня берет
Я говорю: Идем, идем
Побродим – и опять за дело
Нам положенное
Каждому – свое

1vl o3284 Я целый день с винтом боролся
8145 И победить его не мог
Он что-то знал себе такое
Чего никто уж знать не мог
И я вскричал: Железный Бог
Живи себе, свое тая
Но ведь резьба-то не твоя
Хоть ее отдай! —
Но он не поддался и на эту хитрость

1vl o3285 Змее, из земли выползающей,
8150 И пуле, на подвиг летящей,
И всякой блестящей, страдающей,
Во тьме на порог мой входящей

Я всем говорю им: Постройтесь
Колонной большой развернитесь
Ни малого звука не бойтесь
Лицом на меня обернитесь!

Мы прямо щас к счастью пойдем

1vl o3286 Чуден Днепр в погоду ясную
8177 Кто с вершин Москвы глядит —
Птица не перелетит
Спи родная, спи прекрасная
Я, недремлющий в ночи
За тебя перелечу
Все, что надо

1vl o3287 А вот старушка мудрая, как кошка
8187 У старика глупого, как собачка
Вытягивает пенсию-получку
Чтоб не пропил у винного окошка

А старичок слезясь взывает к небу
И вырастает в зверя на полсвета

Старушка раз – и сразу на хребет ему
И жилу рвет – и старичок как не был

1v| o3288 Где Гитлер пас своих коров
8193 А Бисмарк пас быков
Оборонен с груди-боков
Я проходил суров

К себе их пальцем подзывал
Пустой металл вручал
Свободу воли назначал
И все заране знал

И вглядываясь на Восток
Я говорил: Пора!
И следом слышалось: Ура!
Я был тогда жесток
Но справедлив

Добавления 1984

В связи с поступившими в наш адрес начиная от 1917 г. по 1984 г. многочисленными пожеланиями как от организаций, так и от отдельных лиц, имеющихся в наличии, или уже не имеющихся, считать необходимым, целесообразным и естественным принятие следующих добавлений:

1. Добавление первое

Добавление читать как: между годами 1917 и 1918 считать наличествующим год 1917-бис, год надежды, ожиданий, предвидения в будущем нечеловеческого света озаряющего, связанного с небывалым озарением земли светом почти нематериальным, исходящим из некоей аккумулированной в недрах мирового и космического процесса энергии, сметающей все нынешние необъяснимости роковые и гибельные, слезы и ужасы, порожденные темнотой непонимания сути человеческих проявлений, вырывающиеся из недр земных и облекающиеся плотью почти драконовой, струящейся, взблескивающей нестерпимым блеском прельстительным, стальным взлязгиванием, хрустом и дроблением костей с мясом, кровью, сукровицей, жижей и слякотью человеческой перемешиваемой, растекающейся, все заполняющей, ядовитым жжением все изничтожающей до дыр, провалов, пропастей головокружительных, откуда дышит сумрак и тьма хладнокипящая, вроде бы все собой на века отменяющая, отсекающая, усекающая, пресекающая, но не могущая в то же время превзойти сияние тепла и доброты, мысли и разума, духа и озарений нам всем отроду благопровозглашенных, до времени в точку малую, тяжелую и преизбыточествующую сжатые, в определенный момент до предела упругости дошедшие и обратным порывом неимоверным вназад себя изливающие, опрокидывающие и чистой сиятельно все обмывающие, слезы все утирающие, голосом нежным и решительным утешающие, плотью и именами неведомыми еще облекающиеся, фамилиями неведомыми под чудачествами воображения, душу от полноты и веселия, развлекающими, подписывающиеся: Рубинштейн ли, Кабаков ли, а, может, некая прекрасная Ахмадулина, или Шварц неуяснимо-будущая, Монастырский (фамилия, правда, странная, да отсюда ведь не уследишь все в точности), или вовсе, скажем, под фамилией Солже, Сожиже, как это там, не разобрать, Солженицино-Сахаров, кажется, а то и Кривулин хромоногий, кажется, неозлобленный некоему Бергу (гора – по-немецки) или Айзенбергу (железная гора – по-немецки), или Пригову улыбается, или балет Большого театра златоногокрылый в раю яркоосвещенном и красками кипящий сладостно миротворный, над бездною, пленкой упругой и жесткой, усмирненной, но вскидывающейся, спиной позвоночно-острой, в пол дощатый бьющейся, выйти внаружу через люк хотя бы пытающейся, с кулис затемненных спрыгнуть сияющей, огнем изо рта извергаемым все облизать тшачейся, ревушей, мычашей, кликающей, зыкающей, гукающей, рывкающей, звякающей, притворным голосочком нежным прельстительно и слезно молящей, лапами перепончатыми по внутренней поверхности гроба невидимо очерченного, окаймляющего скребущей, попискивая, повизгивая, когти обламывая и проклятия извергая: Ужо, ужо вам!

2. Добавление второе

Добавление второе читать как: между годами 1937 и 1938 считать наличествующим год 1937-бис, год отдохновения от мук и злобы, поля, холмы, долины, вершины горные, корней древесных достигающих, птиц пролетающих в воздухе сжигающих, год минутной преле-

стью взгляда от них оторванного, заполненный свежестью полей, трав, цветов, сиянием небес небыстро пробегающих, отдыха полуденного, дачного веселья жаркого сетью словно миражной все объемлющего, любовью семейной, дружескими привязанностями и признаниями с шутками и шалостями перемешанными, чаепитием на веранде летним вечером, теплым и обволакивающим плотью присутствия неземного за чашкою чая сладкого, самоварного, прелестью лица детского заплаканного, вызывающего к женской ласке моментально-ответной: детка милая, сиротка брошенная, с ножками застуженными, ручками коростами поросшими, ротином запекшимся, забудь, забудь, рыбка моя, пташка ясная, забудь горечи, не по твоей силе детской тебе отпущенные, родителей в гроб-могилу прежде срока-времени уложившие, вот я – мать твоя нынешняя и навечная, прижмись ко мне тельцем своим исхудавшим, дрожащим от стужи и сиротства твоего непосильного, от холода и голода исстрадавшимся, спрячь головку свою льняную, шелковистую на грудь мою мягкую, теплую, молоком горячим дышащую, тебя ожидающую, по тебе в ожидании истомившуюся, возьмем книжечку яркую с картинками и зверюшками живыми, остроглазыми, лапками пушистыми перебирающими, голосочками нежными приветствия нам поющими, в постельку мягкую, чистую ляжем, созовем братиков и сестричек, стишки, стишки почитаем: «умер вчера сероглазый король», или нет, нет, это хорошо, но твоему неподготовленному сердечку еще не внятно по смыслу глубинному, тайному, это Ахматова Анна Андреевна, она в Петербурге прохладно-прозрачном живет, выходит на набережную реки полноводной Невы яркой летнею ночью, вдаль вод залива Финляндского серебряного глядит и нас тихих улыбающихся видит, отмечает в сердце своем исстрадавшемся и успокоенная сама идет в свой торжественный дом с колоннами под «Домини анно», или к другу-поэту Борису Леонидовичу Пастернаку, который сбегает к ней по лестнице, через ступеньки, как воробей веселый, перескакивая с самой верхотуры и кричит, как голубь от полета задохнувшийся: «Я вздрогну, я вспомню» (Господи, это он про нас!) союз шестичередный (это ты, я, папа и сестренки твои), прогулки (да, да, ты помнишь, как неделю назад, еще гроза надвигалась, мы ходили в Ахметьево, где старая белая церковка пустая на холме в вечернем предгрозовом небе, словно пузырик из-под воды вынырнувший, светилась), купанье и клумбы в саду (это наша клумба, за домом, с георгинами лохматыми и розами поразительными), а Боженька смотрит сверху и радуется на комнатку нашу чистую, салфеточки, супчик, котлетки в кастрюле попыхивающие, на утро чистое, ясное с криками петухов, ночью простудившихся и кричащих смешными хриплыми голосами, на курочек, яички в ручках своих белых несущих к крылечку нашему, где отец наш папенька стоит в лучах солнца восходящего и разные разности на радость и веселие нам замышляя, гостей к вечернему празднику созывая, вокруг елочки украшенной плясать и веселиться, подарки неожиданные и удивительные получать, о науках тайных и поездках дальних размышляя, руками теплыми друзей ласково касаясь, словно некоей защитной пленкой прозрачной, но прочной непорочной, не прогибаемой, не прорываемой, друг друга покрывая, не пропускающей вспыхивания пламени из недр земных, с небес, из каждой точки пространства чреватого, прорывающегося, зубами острыми ядовитыми в кожу, в мясо, в кости впитаться алчущего, каждого своим заместителем, своим представителем загубленным, на этом месте поставить, пытающегося им жить, глядеть, рычать, смехом безумным вскидываться, рычать и пожирать окрестности достигаемые замысливающегося, раскачивающегося, мятущегося, рвущегося, воющего от невозможности вырваться за пределы круга, очерченного нашим взаимным соучастием, тихой привязанности и сострадания, глаза в глаза друг другу взглядывания, смеха сочувственного, слез очистительных, детишек веселых навстречу солнцу несения на берег реки струящейся как драгоценности неземные, чтобы песочком мелким, сыпучим, щекочущим играясь, посыпать их тельца безвинные и песни громкие и тихие распевая, распевая, петь на берег взглядывая дальний противоположный, где небо почернело вдруг от грозы собирающейся, вот полыхнуло страшным стволом разветвленным, вот и сзади дико грохнуло и пламень где-то вдали за спиной стеною огромною сошел – Господи, Господи,

как им там, уцелели ли – вот и справа и слева, и спереди вспыхнуло все огнем неземным, испепеляющим – Господи, Господи, как им там!

3. Добавление третье

Добавление третье читать как: между годами 1949 и 1950 считать наличествующим год 1949-бис, год утешения, с небес спускающегося, все обнимающего, обвивающего, крыльями тихими укрывающего, зрением чистым, неоскверненным, непререкаемым и всепрощающим нас награждающего, года отошедшие, темной стеной непроницаемой на крови и страданиях замешанной, доселе немислимыми и подвластными мыслимые, в некий кристалл сложностроенный и магический образуя, в наши руки дрожащие, обрубленными, выжженными, иссохшими и выкорчеванными казавшиеся, вручить на суд и рассмотрение участливое, голос небесный, суд и прощение в себе несущий, в наши немые рты вселяя, землю утопанную, изрытую, голую, провалами испещренную, колючками и сорняками острыми покрытую, им покрывая: спите, спите, братики, на зов наш тишайший встаньте, поднимитесь, отрясите прах вам не данный, идите к нам как небывшие в позоре и ужасе, соучастников и противников своих вспомните и Супостата, Супостата своего вспомните – вот он еще в Энрофе ходит в сапожках мягких, но уже чиккарвы покачивают телесное облачение его, в разные ареалы растягивая, вот он еще ходит, трубочку матово-поблескивающую ссохшимся ртом потягивая, ручкой когтистою потрагивая, а уже в иных сакуалах Брамфатуры он есть несомый семью Чуграми, пытаюсь миновать светлых Охранителей пороговой кармы, Урпарпом ревностно и тайно следимый, еще железную пятой своей продавливая нежные беззащитные слои Алагалы и Дилурии, отекает, стекает нога его, уже каплет каплями жгучими пылающими, прожигая двенадцать слоев Шидра и крылатых Агроев их воспламеняя, вот Друккарг последним усилием неистовым серых исполинских крыл своих хочет удержать его, не допустить падения в невозвратимый Шим, но растекается, распадается тело его на множество осколков огненных и с ревом, воем, потрясающим все верхние и нижние этажи затомисмов, с ревом, воем и криком: сволочи, гады, суки, вот я, я, я, я, вас в рот, в нос, в уши, в печень, в желчь, в образ ваш, в Бога душу ма-а-а-а-а-ть! ... – рушится, рушится, увлекая за собой соратников пепельных своих, уже сопровождаемых каждый тремя Гродумарами и Свекшами чиккарв и пралы, сакку и шывс у них по дороге высасывающими, отчего в Энрофе поднимаются ветры, тучи, бури пыльные, к нам их остатные частицы кайдосов доносящие, но мы судить судом их будем праведным, как и самих себя судить будем, жизнь нам неотъемлемо данную крепко держа, поля и равнины взглядом обмеривая и точкой, знаком, крестиком отмечая, где есть почва животворящая, жизневозможная, не сейчас, так на будущее, нам всем обещанное, а коли нет таковой, братия – берите нас в объятья крепкие и летим, летим, летим в вам одним ведомые места заселения и проживания нового, обновленного, ждущего нас терпеливо, могущего ждать и до года 1952-бис, и до года 1956-бис, 1984-бис, 1990-бис, и прочих-бис, и иных-бис, и иных, и иных, и иных.

Превышение истины на один градус 1985

Предуведомление

На какой же градус превысить нам истину? – на спиртовой ли? температурный ли? геодезический? геометрический? – какая разница! Превышенная хоть чем, хоть как, она уже есть только предмет исторических исследований.

1vl o3289 И был ему какой-то знак

8524 Среди полей укрытых снегом
Куда почти походным бегом
Он прибежал оставив пост

Мундир он сбросил и рубашку
И бесполезный револьвер:
Вот, я уж не Милиционер! —
Вскричал он восхищенно голый:
Я – Будда Майтрайя!

1vl o3290 Несть эллина и иудея

8526 И там еще кого-то несть
А русский – он всегда ведь есть
Поскольку русская идея
Жива и всякий раз в горсти
Себе вот русского растит
Неизбывного

1vl o3291 Дайте в руки мне коня

8527 Голубые кольца
Чтоб не сглазили меня
Други-комсомольцы
А то придут с большим уколом
Или какой напустят дым —
И не расстанусь с комсомолом
Останусь вечно молодым —
Ужас!

1vl o3292 Бывает в небе – серп и молот

8534 Бывает – солнце и луна
Зависит вот, в каком вот смысле
Да и какие времена
Да и кому смотреть зависит
Хотя вот часто не зависит
От этого, от последнего, особенно

- 1v| o3293 Вот таракан исполнен неги
8535 Бежит какой своей тропой
Он, может, там у них – Онегин
А, может, Ленский молодой
А я как Пушкин резв и лих
И хватъ его – и сразу в стих
И насмерть
- 1v| o3294 Русская литературы
8539 Необъятные просторы
Скачут, скачут – кто там? воры? —
Да нет —
Русская литературы
Страстный безотчетный люд
А что так жалобно поют? —
А гонит кто-то
- 1v| o3295 И змей ползет к своей супруге
3546 Устав от жизненных невзгод
И громко вопиет: Майн Гот!
Змеиной жизни сей недуги!
И яд текущий по усам!.. —
Я этот змей, я знаю сам
Муки нечеловеческие эти
- 1v| o3296 Жизнь по провинциям от сырости
8561 Порой заводится густа
В столице же по Божьей милости
Стоит святая сухота
От усилий неземных
Государственно-умственных
Обжигающих
- 1v| o3297 Вот он, вот я дорогой
8563 Не еврей и не изгнанник
Но и не народный не избранник
Но и с советскою душой
Потому что я другой
Совсем, абсолютно другой
- 1v| o3298 Какой прекрасный органон
8565 Играют мышцы, кожа блещет
И вот, словно чужие вещи
Все это в грязный чернозем
И хорошо бы в чернозем
А то в бесплодный глинозем
Ссыпят горсткой
Чтоб и яблонькой по весне не прорасти

1vl o3299 Великий Людвиг музыкант

8568 Словно гремучая цикада
Древнеяпонской птицей Като
Играл смычком на пиццикато
О будущем большой талант
Имея, пел он: Спит ЦеКа-то
Но не дремлет

1vl o3300 О, как мы боремся за души

8569 Поскольку если строишь рай —
То все забудь и понимай
Что рай внутри, а не внаружи
А внаружи – пусть рушится все,
белым взрывом взметая дома внеш
них убежищ наших обманчивых

1vl o3301 Народ на Западе левеет

8570 А на Востоке он правеет
И где какой тут ветер веет
Одoleвает и навеет
Кому какой прекрасный сон
Опомнится – а из кальсон
Лишь ноги хлебниковские синеющие торчат

1vl o3302 Вот в небо поглядишь, бывает

8575 А там уж Рейган как злодей
С космическим щитом летает
И метит в головы людей
О ты, космический злодей
Покалиптический зверь, сиречь
Ужо на твой мы щит космический
Уж как-нибудь отыщем меч
Мистический

1vl o3303 Я приехал за границу

8576 А за границей – за граница
Хоть ты кол на ей чеши
Для всеприемлющей души
Русской

1vl o3304 Ходил и нюхал я носки

8582 И впечатлений набирался
Я жизненных и собирался
До самой гробовой доски
Всю эту жизнь как смысл понять
Убрал носки – и все опять
Рассыпается

1vl o3305 Я помню в детстве это было

8584 Все население ходило
На демонстрацию в ряду
И я ребеночком иду
На Красну Площадь выхожу
И что же вижу? что гляжу? —
Иосиф Сталин среди людей
Восходит сам на мавзолей
В народ глядит так строго
И говорит в него:
Нет никакого Бога
А я пророк его —
И все зарыдали

1vl o3306 Мне мысль на ум простая-скромная

8586 Пришла и мыслится, едрить:
Все здесь наличное огромное
Что если взять, да засолить —
Кремль, скажем, взять и засолить
Большой театр засолить
И Малый – тоже засолить
И ГУМ немного засолить
И Университет – заочно —
Пускай себе там знания льет
Поскольку сладкое – не очень
А вот соленое – люблю

1vl o3307 Душа дрожит – дрожи, родная

8587 И в сердце боль – боли, боли!
И голова болит – боли!
И организм – и ты боли!
Жизнь обмирает – что ж, родная —
Обмри!

1vl o3308 Все эти трактора-машины

8588 Не ради же себя живут —
Не голосуют, не рожают
И воскресения не ждут
Так что же гонит их внаружу
Явиться так сказать, из тьмы —
Да, видно, там какой-то ужас
Что и железные скоты
Не в силах вынести
К человеку жмутся поближе

1vl o3309 На улицу – выйти-то страшно —

8591 А ты и не выходи! —
А может кого там из наших
Там бьют-убивают, поди! —
Тогда непременно иди

Бери боевые знамена
И трубами мрак разгоняй
А сам у окошка тихонько
Сиди себе и наблюдай:
Вон, с трубами и знаменами пошли

1v| o3310 Вот хочется прыгать и прыгать
8592 И петь: тра-ля-ля, тра-ля-ля
Вот мальчик я маленький Пригов
За мною огни февраля
И нету еще Октября
А может и вовсе не будет
А может вот захочу
Да как закричу
И крик мой Аврору разбудит
А та – ка-а-а-аак тррррахнет!

1v| o3311 Вот Первое Мая
8597 А кошка больная
И кашляет так на весь двор
Вот уж 9 мая
А кошка все больная и больная
А вот улеглась под забор
Умирать собралась
30-го мая

1v| o3312 Вот наша мощь не хуже вашей
8600 А ваша мощь похуже нашей
Но наша немощь хуже вашей
А ваша немощь лучше нашей
Кому ж вручим мы нашу мощь?
О ты, о ты, царица ночь
Роди нам сына!

1v| o3313 Мой друг, пойдем путями странными
8615 Родными, а не иностранными

Пойдем же мысль рожать великую
Единственную и двуликую

Двуликую и одинокую
Чтобы стояла одинокая
А не бегала по местам людным и беспутным

1v| o3314 Жизнь из моего рассудка
8601 Скажем, убежит на сутки
А вернется – я кричу:
Свободы! Свободы хочу! —
И где это набралась за сутки

Все и возвращается

1vl o3320 Иные посуду не моют
8619 И курам не режут живот
И все же им счастье бывает
За что же такое им вот

За то вот на том белом свете
Мы сядем за белым столом
Как малые чистые дети
Они же с разинутым ртом
Плевки наши в воздухе ловить будут

1vl o3321 Замест души у этих – яма
8621 Разверстая пиздою в ад
А мы стоим легко и прямо
У нас и крылья не шуршат
Да нас и ветер не колышет
А эти все равно нас слышат
Хоть и смотрят в ад

1vl o3322 Мне многого-то и не надо
8626 Головку бы где преклонить
А то преклонишь возле ада
И не опомнишься, едрить
Они ж подушечку подложат —
Ну, в смысле, наш ты дорогой!
Вот только левою ногой
Небрежно так, будто и не ты даже
Штучку одну такую пустую
подпиши о неразглашении

1vl o3323 Ракета по небу летит
8628 Сияньем жизни объята
А мы кричим: Уйди, проклятая!
А что ей делать? как ей быть?
Ракета тоже хочет жить
Иди, иди ко мне!

Я, я один утешу тебя во взаим-
ном нашем небытии преизбыточес-
твующем жизнеподобно

1vl o3324 Открылась грязь весны сполна
8630 Весне числа нет, грязи – дна
Весне нет ни числа ни даты
Как революции солдаты
Певали:
Отрясем ее прах с наших ног!

1v| o3325 Дыша огнем, питаюсь сгустком стали
8631 Куда себя, бывало, ни пошлет —
Так сразу всюду яростный поход
А умер он один, товарищ Сталин
Ну, мы с ним тоже умерли красиво
Но так вот умереть, с такою силой
Живым чтобы мертвым быть, как
мертвый, но живой, чтоб жив мертв-
ым быть и незнамо что

1v| o3326 Ровно двадцать лет назад
8635 Я вот взял да и женился
Редко кто вот может так
Да я ведь тоже – не учился
И не ездил по Европам
Внутренний какой-то опыт
Видимо, подсказал

1v| o3327 Вот нижнюю залил квартиру
8636 И сразу жалваться пришли
А вот когда намедни шли
Дожди сплошные на полмира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.